Б. Д. ГРЕКОВ

ГЛАВНЕЙШИЕ ЭТАПЫ В ИСТОРИИ КРЕПОСТНОГО ПРАВА В РОССИИ

ОГИЗ СОЦЭКГИЗ

Б. Д. ГРЕКОВ

ГЛАВНЕЙШИЕ ЭТАПЫ В ИСТОРИИ КРЕПОСТНОГО ПРАВА В РОССИИ

*ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА * 1940 * ЛЕНИНГРАД*

Работа акад. Б. Д. Грекова посвящена одной из крупнейших проблем истории СССР. В популярной и вместе с тем строго научной форме, на основе всей совокупности источников в данной работе рассматриваются главнейшие этапы развития крепостного права в России, начиная с его возникновения и до момента окончательного оформления.

Книга рассчитана на специалистов-историков и учащихся вузов, а также на самые широкие круги советской интеллигенции.

Отв. редактор *И. И. Смирнов*. Техн. редактор *А. В. Андерсон*. Корректор *Г. А. Лучинский*.

Сдано в набор 15/IV 1940 г. Подписано к печати 18/VII 1940 г. Формат бумаги 84×108 1/32 Камского бумкомбината. Заказ № 262. Тираж 50000. Объем 7 1/4 печ. л. Уч.-изд. л. 7,95. Бум. л. 1 13/16. Леноблгорлит № 3411. Цена 1 руб. 75 коп.

2-я типография ОГИЗа РСФСР треста „Полиграфкнига" „Печатный Двор" им. А. М. Горького. Ленинград. Гатчинская, 26.

Крепостное право в широком смысле термина — это право на принудительный труд крестьянина, одна из известных человечеству форм эксплоатации человека. В этом смысле Энгельс и говорит о трех великих формах порабощения, характерных для трех великих эпох цивилизации: рабство, присущее античному миру, крепостное право — средним векам, наемный труд — новому времени.

В тесном смысле слова под крепостным правом разумеется наиболее тяжелая форма зависимости крестьянина от своих господ. Это по общепринятой терминологии в германском праве Leibeigenschaft в отличие от более легкой формы зависимости крестьянина Hörigkeit. Но и в понятие Hörigkeit входит и личная зависимость крестьянина и прикрепление его к земле. Все дело здесь в степени зависимости. Не следует думать, что история зависимых крестьян на протяжении средних веков оставалась всегда одинаковой. Было бы ошибкой думать, что одна форма зависимости в определенной последовательности *совсем* вытесняет другую. Наконец, нельзя представлять себе самое крестьянство, как монолитную и внутри себя неизменную часть общества.

Жизнь есть движение. На протяжении тысячелетнего существования феодального строя в Европе, несмотря на наличие общих признаков, присущих только этому строю, основные классы этого феодального общества — феодалы, крестьяне, горожане не остаются неизменными. Изменения эти не всегда даже бросаются в глаза, как незаметны для глаза изменения, происходящие в земной коре, в соотношении воды и суши на нашей планете. Но совершенно явные итоги этих не сразу заметных процессов говорят нам, что ничто не вечно, ничто не неизменно.

Задача историка, поставившего себе целью изучение крестьянского вопроса на протяжении средних веков, и заключается в том, чтобы проследить все, по крайней мере,

наиболее заметные изменения, происходившие в самом крестьянстве, в среде землевладельцев-феодалов, во взаимных отношениях этих двух классов в связи с общим ходом экономической и политической жизни изучаемой страны.

Вопрос о возникновении крепостного права сводится к раскрытию тех условий, при которых мог появиться и развиться такой общественный строй, который позволил одной части общества сконцентрировать в своих руках большие пространства удобной для обработки и населенной земли, а другую часть общества, до этого времени ведшую на этой земле свое мелкое хозяйство, поставить в зависимость от крупных землевладельцев и закрепить за ними это право принуждения.

В доклассовом обществе не было эксплоатации человека человеком. Она появилась вместе с классами, вместе с появлением имущественного неравенства и переходом власти в руки людей экономически наиболее сильных.

Первое известное человечеству деление общества на классы — это деление на свободных и рабов. При известных условиях, характерных для древнего периода истории человечества, рабство развилось до такого состояния, когда оно стало основой всего производства.

В средние века этот способ производства уступил место более прогрессивной форме общественных отношений, именно такой, где уже не рабский труд был господствующим в производстве, а более производительный труд крестьянина, судьба которого заключалась в том, что он из свободного постепенно, разными путями, но последовательно и неизбежно превращался в зависимого и крепостного. Рабство и при крепостном праве не сразу исчезло и долго еще продолжало существовать рядом с крепостничеством, но уже не господствовало в производстве. Человечество в целом сделало большой шаг вперед, так как крестьянин, даже и зависимый и крепостной, сохранял свой основной признак — владение средствами производства. Он ведет свое мелкое хозяйство, от успехов которого зависит его собственное благополучие. Крестьянин заинтересован в качестве своего труда и потому инициативен.

Как же могло случиться, что владеющий средствами производства мелкий хозяин потерял свою свободу и был вынужден работать не только на себя, но и на своих господ? Как могло случиться, что такой общественный строй просуществовал в европейских государствах не менее 1 000 лет? Что он дал человечеству? Какие новые

формы общественных отношений взамен крепостнических созрели в недрах средневековья? Как, наконец, он пал?

Вот вопросы, на которые ответить необходимо, если мы хотим понять самое главное и основное в жизни средневекового общества.

В предлагаемой работе освещены не все эти проблемы, а только та их часть, которая связана с установлением крепостнического общества и государства.

Задача настоящей работы сужена и в другом направлении: здесь изображаются судьбы только великорусского крестьянина, хотя, насколько это необходимо, — в связи с историей крестьян украинских и белорусских.

МЕСТО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ХОЗЯЙСТВЕ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Все наши источники позволяют считать нашу страну, задолго до образования Киевского государства, земледельческой.

Нет ни одного археолога, который на основании своего археологического материала думал бы иначе. Хлебные злаки — просо, пшеница, рожь, волокнистые растения и среди них лен; орудия земледелия — наральники, мотыги, серпы, косы, находимые во время раскопок, ясно говорят о господстве земледелия в нашей стране уже в V—VI вв. н. э. и раньше. Крупнейший знаток истории пшеницы Фляксбергер в своей специальной работе «Находки культурных растений доисторического периода»[1] приходит к выводу, что «Геродот ел скифскую, т. е. нашу южную пшеницу». Этот же исследователь изучал зерна пшеницы, добытые во время раскопок 1928 г. в Банцеровском городище под Минском VI—VIII вв. н. э., пшеницу из Донецкого городища XI века и др.

Византийский военный писатель конца VI в. Маврикий, специально интересовавшийся славянами южными и восточными, замечает: «У них большое количество разнообразного скота и плодов земных, лежащих в кучах, в особенности проса». И дальше, в том же своем труде он, рекомендуя своему войску наиболее выгодные с его точки зрения приемы войны с антами и славянами, говорит: «Необходимо

---

[1] Труды Инст. истории науки и техники, 1934, сер. I, вып. 2, стр. 176 и др.

даже и в летнее время беспрестанно причинять неприятелю вред, *опустошая его нивы...*»[1]

Наш первый историк, составитель «Повести временных лет», с полным основанием заставил новгородцев, якобы приглашавших к себе Рюрика с братьями, говорить: «наша земля велика и обильна», под «обилием» понимая изобилие плодов земных и прежде всего хлеба («Даю за все два села с обилием и с лошадьми и с бортью», — читаем и в более поздней Духовной новгородца Климента). Древний славянский календарь с его названиями месяцев родился безусловно в земледельческом обществе, так как он делит время по ходу земледельческих работ (*сечень,* когда секут деревья, *сухой,* когда их сушат, *березозол,* когда они превращаются в золу, *травень, кветень, серпень* — не требуют комментария, *вресень* от врещи — молотить). Языческая религия славян — тоже земледельческая.

В былинном эпосе главнейшая фигура богатыря — Микула́ Селянинович, это пахарь-земледелец. Он сильнее людей военных, его конь выносливее и быстрее боевых коней, никто из богатырей не в состоянии вытащить сошку Микулы из земли. Микула пашет сохой. Подсечное земледелие, более ранняя ступень в развитии земледелия, в былинном эпосе уже основательно забыто, хотя мы знаем, что оно долго еще жило рядом с земледелием сошным.

Никаких сомнений не может быть в том, что страна наша — прежде всего страна земледельческая, крестьянская. Это положение определяет и дальнейшую ее историю. В земледельческой среде процесс образования классов мог протекать прежде всего в связи с появлением частной собственности на землю, наиболее сильным экономически классом мог стать прежде всего класс землевладельцев, в их руках неизбежно должна была оказаться и власть.

Основным производителем благ, необходимых для жизни человека и всего восточно-славянского общества в целом, был в это время свободный крестьянин-земледелец-общинник.

Доказательства тому, что именно так в основном и шел процесс дальнейшего развития общественных отношений в нашей стране, рассыпаны в изобилии во всех наших письменных и неписьменных памятниках. Это — исходная база,

---

[1] Маврикий, Тактика и стратегия, перев. Цыбышева. СПБ, 1903, стр. 186.

определившая историческую судьбу восточного славянства.

В данный момент нас интересует крестьянин и его история. Крестьянин, член сельской общины, и крестьянин, вынужденный порывать связь со своей общиной и итти в кабалу. Не могут нас не интересовать и процессы, протекающие внутри самой общины, и наступление на общину крупного и власть имущего землевладельца, на защиту интересов которого пришло государство.

СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА-МАРКА

Русская община переживала те же этапы в своем развитии, что и община других европейских народов, в частности хорошо изученная община древних германцев. Первобытная, или родовая, община характерна тем, что в ней нет частной собственности, нет богатых и бедных, нет классов. Хозяйство ведется коллективно.

Русские письменные источники, явившиеся сравнительно поздно, уже в обществе классовом, не дают нам изображения этого строя. Византийские и западноевропейские авторы, писавшие о восточных славянах, и в частности готский придворный историк Иордан, — стали интересоваться славянами тогда, когда славяне столкнулись с греками и готами, и когда эти последние, почувствовав от славян опасность для себя, стали внимательно изучать своего врага.

Эти первые сведения о восточных славянах VI века н. э. рисуют нам славянское общество лишь частично вышедшим из стадии родо-племенного строя, имеющим еще много черт, связывающих его с этим строем. Сколько-нибудь ясных указаний на структуру этого общества эти источники нам не дают, но тем не менее они показывают наличие в обществе, с одной стороны, богатых и знатных людей, с другой — рабов. В VI веке н. э. у восточных славян был уже налицо этот признак первого деления общества на классы.

О славянских рабах у нас имеется очень показательное сообщение византийского военно-политического писателя Маврикия: «Находящихся у них в плену они не держат в рабстве, как другие народы, в течение неограниченного времени, но, ограничивая срок определенным временем, предлагают им на выбор: желают ли они за известный выкуп возвратиться домой, или оставаться на положении свободных и друзей». Отсюда совершенно естественно

сделать вывод о том, что рабы у славян и тогда, в VI веке н. э., не были основой производства. Пленников не безусловно превращали в рабов, на них смотрели скорее как на средство получения выкупа. Основой производства оставался неизменно свободный земледелец-общинник.

Во многих наших письменных памятниках, хотя и косвенно, но все же довольно ясно изображены черты этого общинного строя. В самом содержательном памятнике этого далекого прошлого, в древнейшем дошедшем до нас сборнике законов, Русской Правде, община известна под двумя терминами: северным — мир и южным — вервь. Мир, или вервь — это территориально-общинная организация. Члены верви, или мира знают границы своей территории, знают очень хорошо друг друга, помогают друг другу в случае каких-либо непредвиденных случайностей. Если, например, обнаруживался на их территории труп человека, и убийца не был найден, все члены верви должны были отвечать и платить сообща штраф. Если же убийца разыскан, он сам и должен был платить за себя. Закон предупреждает, что людям — членам общины в таком случае платить штраф не надо. Члены верви — общины по Русской Правде должны сообща отвечать не только в случае обнаружения на их территории убитого: они должны сообща разыскивать вора или же возмещать убытки, причиненные вором, разумеется, в том случае, если воровство произошло на территории их верви.

Обычай коллективной ответственности установился очень давно, еще тогда, когда в верви жили люди, объединенные родством. Это было тогда, когда господствовал родовой строй, когда каждый род вел сообща свое коллективное хозяйство, когда люди не знали частной собственности на средства производства, когда один за всех и все за одного выступали против обидчика. В Русской Правде этот родовой строй уцелел только в виде отдельных пережитков. На смену роду пришла сельская община, уже знакомая с частной собственностью и прежде всего на землю, но некоторые черты старого строя еще жили и в это время.

В общине, отображенной в Русской Правде, бросается в глаза признак неравенства положения членов общины. Часть членов верви успела в некотором отношении отделиться от массы и образовать особую, так сказать, «страховую кассу» на случай необходимости платить штрафы. Для того, чтобы облегчить для себя эту тяжелую обязан-

ность, они предварительно делают денежные взносы. Это так называемая «дикая вира».

Члены верви владеют землей на частном праве, имеют свое собственное движимое имущество, ведут индивидуальное хозяйство. Только луга, леса и воды находятся в общем владении.

Так живет основная масса народа на громадных степных и лесных пространствах, омываемых водами Днепра, Днестра, Западного Буга, Волхова, Оки, т. е. пространствах, издавна занятых восточным славянством. Конечно, надо иметь в виду различные отклонения, иногда даже значительные, в различных местах столь большой восточно-славянской территории.

Из среды этой массы успели уже выделиться богатые люди. У них больше земли, чем у рядовых общинников, потому что обрабатывают ее не они лично, а пользуются для этого трудом своей челяди, в состав которой входят рабы и не-рабы. Эти богатые люди хорошо вооружены, они могут укрепить свое жилище, могут защитить себя и свое имущество от тех, кто захотел бы на них напасть, они сами могут организовать нападение, вооружив своих слуг, став во главе своей дружины.

Часть этих богатых людей ведет свое происхождение от родовых старшин, другая, более численная, позднее достигла богатства и силы, сумев подчинить себе большое количество людей, обязанных на нее работать и вместе с нею, но в ее выгодах, добывать на войне своему вождю богатство и славу.

Крестьянская сельская община долго защищала своих членов от всевозможных ударов, от покушений на ее членов богатых людей, готовых завладеть ее землей и имеющих средства принудить работать на себя ее членов. Крестьянская сельская община долго задерживала это наступление крупных землевладельцев на крестьянскую землю и на самого крестьянина. Но отстоять свою землю и независимость своих членов полностью она не могла: в течение многих веков шла борьба двух сторон. Победителями остались крупные землевладельцы, потому что у них в руках оказалась власть. Они создали свой закон и аппарат, принуждающий к выполнению закона. Они создали государство.

В этом процессе созидания и торжества крупного землевладения и нужно искать корни крепостного права.

Чем крупнее землевладелец, тем больше у него зависимых людей, рабов и не-рабов, потому что весь смысл расширения земельных владений заключался тогда в том, чтобы увеличить количество подданных, обязанных как кормить своим трудом своего господина, так и обслуживать нужды его двора и прежде всего военные.

Таких богатых людей, владеющих большим числом слуг, среди которых имелись и люди достаточно зажиточные, но находившие для себя более выгодным поступать в зависимость от людей более богатых и знатных с тем, чтобы вместе с ними выступать в походы, приносящие им большую выгоду, мы можем наблюдать на Руси уже в X веке. Появление их относится к еще более раннему времени.

В договорах Руси с греками мы видим этих людей в довольно большом количестве. Это прежде всего сами русские князья и их родственники, за ними идет окружающая их знать. Эти верхи, в интересах которых главным образом и заключались договоры, сами не едут в Константинополь договариваться с греками, а посылают своих уполномоченных, тоже людей богатых и знатных, судя по тому, как их принимали при Константинопольском царском дворе. Эти верхи русского общества, наиболее богатая и властная его часть, носит в наших источниках название бояр.

Князья, их родственники и бояре — крупные землевладельцы. Но хозяйство, которое они ведут, не может считаться крупным, так как для организации крупного хозяйства у них нет средств. Крупное землевладение по необходимости сочетается с мелким крестьянского типа хозяйством. У князей и бояр имеются свои собственные дворы, иногда укрепленные замки и часто не один, а несколько, своя барская пашня, свой скот и прежде всего кони, необходимые для войны и хозяйственных надобностей, но их хозяйство рассчитано не на рынок, ведется не в целях получения прибыли, а для непосредственных нужд самого двора, под которым разумеется не только усадьба со всеми необходимыми хозяйственными постройками, а и живущие здесь люди, вместе со своим хозяином — боярином, отправляющиеся на войну, люди, выполняющие функции административные, и люди — непосредственные производители благ, необходимых для жизни всего этого большого людского комплекса.

Само собой разумеется, что если мы хотим наблюдать первых крепостных в наших источниках, мы прежде всего должны заглянуть в хозяйственную организацию боярской или княжеской вотчины, как обычно назывались в древности земельные владения, передаваемые по наследству от отцов к детям (отсюда отчина, или вотчина).

К счастью для нас мы имеем возможность это сделать, так как часть Русской Правды, составленная в середине XI века, заключает в себе материал, дающий возможность с достаточной полнотой познакомиться с этой организацией.

В центре вотчины стоит двор землевладельца, в данном случае князя, в котором живет либо он сам, либо его уполномоченный — боярин-«огнищанин» (от слова огнище — очаг, дом, двор). На его обязанности лежит наблюдение за жизнью в вотчине и охрана вотчинного имущества. Ему подчинены: сборщик причитающихся князю с подвластного населения всевозможных поступлений («подъездной»), заведующий конюшнями и тиуны — должностные лица, исполняющие его различные поручения. Жизнь этих лиц охраняется самым высоким штрафом в 80 гривен. Далее следуют старосты. Один из них назван здесь «сельским», другой «ратайным». Последний, повидимому, обязан наблюдать за княжеской пашней (ратай — пахарь, ратайный — пашенный). Жизнь их охраняется штрафом только в 12 гривен.

Кроме княжеского или боярского жилища и помещений для вотчинного административного аппарата, Русская Правда называет тут ряд хозяйственных построек — клеть, хлев. Тут же называются различные виды домашнего скота (конь, вол, корова, теленок, коза, овца, баран, свинья и др.) и птицы (куры, гуси, голуби, лебеди и журавли), называются также охотничий пес и охотничьи птицы (ястреб и сокол).

Называется межа, отделяющая полевые участки, за нарушение которой назначается очень высокий штраф (12 гривен, тогда как за кражу коня только 3 гривны).

И тут же после перечня лиц, принадлежащих к княжеской вотчинной администрации, идет перечень категорий тех людей, которые своим непосредственным трудом обслуживают нужды вотчины. Это барская челядь. На первом месте тут поставлен рядович, за ним идет смерд и, наконец, холоп («А в рядовнице княже 5 гривен, а в смерде и в холопе 5 гривен»).

Бросается в глаза некоторая общность их назначения и

положения. Все они люди, зависимые от вотчинника, в данном случае — князя: 5 гривен — это не штраф за убийство человека, а возмещение убытка хозяину за потерянную рабочую силу. Все они находятся под юрисдикцией своего господина, в данном случае князя: без княжа слова нельзя судить никого из людского состава его вотчины (ни огнищанина, ни тиуна, ни смерда). Все они вынуждены работать на своего хозяина. Это их общие черты. Но у них есть и свои особенности, отличающие их друг от друга.

Рядович — это человек, заключивший со своим хозяином ряд-договор, на основании которого он и живет у своего хозяина. Русская Пространная Правда начала XII века имеет одну интересную статью, раскрывающую перед нами некоторые важные черты положения рядовича. Это статья, говорящая о том, как поступать, когда рядович умрет, не отработав срока, обусловленного договором, умрет, не имея сына, который мог бы заменить отца. Его жена и дочь обязаны работать на хозяина из расчета отработки по 1 гривне в год. Отсюда видно, что обязательства рядовича не прекращались даже с его смертью, что его семья обязана была выполнять его обязательства. Стало быть, зависимость рядовича от своего хозяина не легкая. Позднее этого типа зависимость стала называться татарским термином «кабала».

Кто же мог итти в эту кабальную зависимость? Крестьянин, у которого все хозяйство в исправности, добровольно в кабалу не пойдет. Это совершенно ясно. Значит, в кабалу шли люди, которые самостоятельно вести своего хозяйства не могли, т. е. люди бедные. В Русской Пространной Правде очень ясно изображается один из видов рядовичей, так называемый «закуп». Он человек зависимый; при заключении договора он получает от хозяина некоторую сумму денег «купу» (откуда и его название «закуп»). От своего хозяина без его разрешения уходить он не имеет права. В случае бегства он превращается в раба. Одна из разновидностей закупов — закуп ролейный, т. е. пашенный, работает в хозяйском поле, хозяйским инвентарем, отвечает за пропажу или порчу этого инвентаря (конь, плуг, борона), от хозяина ему отводится участок земли, где он может вести свое, по необходимости очень небольшое хозяйство, так как на хозяина ему приходится работать очень много. Хозяин имеет право его бить, но только «про дело». Побои закупа без вины с его стороны караются штрафом.

Таково положение закупа по закону, созданному специально Владимиром Мономахом, ввиду сильного народного движения в Киеве в 1113 г. До этого положение закупа было еще хуже.

Рядович-закуп, стало быть, зависимый от своего хозяина человек, но не раб.

Упомянутый вслед за рядовичем в Русской Правде смерд в наших источниках известен в двух положениях: смердом называется крестьянин-общинник, не знающий над собой ничьей власти кроме государственной, и смерд, зависимый от своего хозяина-господина.

В XI веке смердов-общинников, иначе свободных смердов, было еще очень много. Они составляли большинство населения Киевского государства. Но рядом с ними уже существовали и смерды не свободные. О них главным образом и говорит Русская Правда. Они, как мы уже видели, зависят от вотчинника. Их убийство рассматривается как убыток хозяину; он судится хозяином и, в случае смерти смерда без потомков мужского пола, его имущество, прежде всего земля, переходит к хозяину (право мертвой руки), как имущество господское, лишь находящееся в пользовании смерда до тех пор, пока он ее обрабатывает и, следовательно, пока он полезен своему хозяину. Предполагается, что его жена или дочери не могут своим трудом заменить мужчину, и потому женщины не наследуют имущества зависимого смерда.

Совершенно очевидно, что смерд находится в подневольном положении. Но как он очутился здесь, среди рядовичей и холопов в барской вотчине?

Если рядович был вынужден итти в кабалу к богатому землевладельцу по своей бедности, то у смерда этого мотива не было. Смерд — хотя и не богач, но это мелкий земледелец, собственник небольшого участка земли, имеющий свои средства — коня, плуг, борону, косу, свой дом. Он мог вести свое собственное хозяйство, особенно под защитой общины, членом которой он состоял. Стало быть, очутился он под властью своего господина не по своей инициативе, а принужден был стать в ряды зависимых от крупного землевладельца людей путем принуждения, перед которым и он сам и община оказывались бессильными.

Кроме упоминаемых в Русской Правде категорий зависимого населения, другие наши источники знают еще задушных людей и пущенников, обычно живущих на церковных землях в зависимости от церковных землевладель-

цев. К этой же категории зависимого населения относятся и изгои (вольноотпущенники). Сначала крестьянина принуждали итти в зависимое положение отдельные богатые и вооруженные люди при помощи своих дружин, а потом эти функции взяло на себя государство. Крестьянин время от времени протестовал, брался за оружие, но эти стихийные движения говорили лишь о тяжести положения крестьянина, о его готовности протестовать и бороться за себя, но они никогда не приводили к цели: государство землевладельцев оказывалось сильнее.

МЕСТО РАБА В ПРОИЗВОДСТВЕ КИЕВСКОЙ РУСИ

Факт наличия рабов в то или иное время в том или ином обществе сам по себе еще очень мало говорит о характере производства и производственных отношений в данном обществе. Необходимо точнее определить место раба в производстве.

Что касается VI века, то мы уже имели случай видеть, что основным производителем в славянском обществе был не раб, а свободный член сельской общины. И в XI веке мы не видим, чтобы раб занял господствующее положение в производстве. Европа в целом давно уже перешла к более прогрессивным формам эксплоатации чужого труда. Феодалы в то время во всей Европе предпочитали пользоваться трудом зависимого крестьянина, как работника более инициативного, поскольку он сам заинтересован в качестве и количестве своей продукции.

Но труд зависимого крестьянина не окончательно вытеснил труд раба, и в Русской Правде мы встречаем два вида эксплоатируемой массы, рабов и зависимых крестьян, один — старый, имеющий тенденцию к уничтожению, другой — новый, несомненно растущий.

Русская Правда об этом говорит довольно определенно. Прежде всего она стремится положить границы источникам рабства и категорически заявляет, что «обельное холопство» (это и есть рабство в узком смысле слова) происходит только в трех случаях: 1) купля раба с соблюдением определенных условий (наличие свидетелей при покупке, уплата денег в присутствии раба); 2) женитьба на рабе без договора, гарантирующего вступающему в брак свободное состояние; 3) поступление без договора в тиунство или ключничество. Вот и все, перечисленные в Правде источники рабства. Характерно, что плен в каче-

стве источника рабства тут не упомянут, потому что он и не был таковым. Вслед за этим перечнем единственных трех случаев, когда с согласия лица образуется для него рабское состояние, закон спешит подчеркнуть, что долг, взятый деньгами или хлебом, отнюдь в раба не превращает, что должник (его Правда называет «вдач») обязан лишь отработать свой долг в определенный срок. О том, что рабство в Киевской Руси идет на убыль, говорит также и большое количество вольноотпущенников, известных в Русской Правде и других наших источниках под именем изгоев. Изгои — это чаще всего вольноотпущенники, недавние рабы, главным образом, сидевшие на пашне (что рабов сажали на пашню и превращали их тем самым в крепостных, об этом говорит и летопись). Изгои — это одна из категорий крепостного состояния. Они прикреплены к земле и к лицу, их передают вместе с землей.

Рабство в Киевской Руси не только не развивается, а явно идет к сокращению. В церковных хозяйствах, наиболее преуспевающих, рабский труд раньше, чем в хозяйствах светских землевладельцев, был окончательно вытеснен трудом крепостных. В XIV веке в церковных имениях рабы уже не встречаются совсем.

Несмотря на свою сравнительно ограниченную роль в истории русского раннего средневековья, рабство оказало заметное влияние на самый характер крепостничества: первые крепостные носили в себе много черт патриархального рабства. Объясняется это тем, что и крепостные и рабы, входя в состав барской челяди, долго жили и работали приблизительно в одинаковых условиях. Положение тех и других определялось формой эксплоатации непосредственных производителей, которая не всегда оставалась неизменной.

ЭВОЛЮЦИЯ ЗЕМЕЛЬНОЙ ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕНТЫ

Земельная докапиталистическая рента есть форма присвоения землевладельцем-феодалом прибавочного труда зависимых от него непосредственных производителей. Эволюция земельной докапиталистической ренты есть в то же время эволюция процесса производства и, в конечном счете, общественных отношений.

Тот период истории человечества, который характеризуется тем, что в основе производства лежит труд крепостного крестьянина (феодализм), знает три последовательно

развивающиеся формы земельной ренты, соответствующие трем этапам развития общества.

Отработочная рента, или иначе барщинный труд, покоится на неразвитости всех общественных производительных сил, на примитивности самого способа труда. Следующая за ней *рента продуктами* предполагает более высокий культурный уровень непосредственного производителя, следовательно, более высокую ступень развития его труда и общества вообще. Наконец, превращение ренты продуктами в *денежную ренту* предполагает уже сравнительно значительное развитие торговли, городской промышленности, товарного производства вообще, а вместе с тем и денежного обращения.[1]

Меняется при этом и положение зависимого от феодала непосредственного производителя.

При господстве *ренты отработочной* непосредственный производитель находится под прямым надзором и принуждением собственника или его представителя, подгоняемый плетью. Для осуществления этого надзора и принуждения необходимым условием является пребывание непосредственного производителя в непременной и непосредственной близости от хозяина или его представителя. Челядь IX—XII вв. есть организация, вполне удовлетворяющая этим требованиям.

При преобладании *ренты продуктами* непосредственный производитель имеет возможность располагать употреблением всего своего рабочего времени, он имеет по сравнению с формой отработочной ренты больший простор. Вместе с тем тут выступают и большие различия в экономическом и правовом положении отдельных непосредственных производителей. Некоторые из них даже получают возможность сами эксплоатировать чужой труд. Непосредственный производитель, при господстве ренты продуктами, исполняет свой труд уже под собственной ответственностью, подгоняемый силой общественных отношений, постановлением закона вместо плети. Влияние государственного аппарата делается заметнее и ощутительнее. Государственный аппарат растет.

При победе *денежной ренты* отношения между зависимым непосредственным производителем и земельным собственником превращаются в договорные, определяемые точными нормами закона, причем здесь происходит превращение

[1] Маркс, Капитал, 1937, т. III, глава 47.

части непосредственных производителей либо в арендаторов земли, либо в собственников ее, части — в неимущих нанимающихся за деньги батраков. Окончательная победа денежной ренты знаменует конец феодальных общественных отношений и наступление новых — капиталистических.

Ни одна из новых форм докапиталистической земельной ренты не вытесняет предыдущей полностью. Обычно они сосуществуют рядом. Речь идет лишь о преобладающем значении той или иной формы ренты.

ОТРАБОТОЧНАЯ РЕНТА И КРЕПОСТНОЙ ТРУД В ДРЕВНЕЙ РУСИ

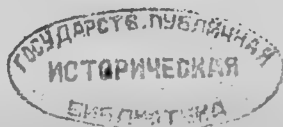
Отработочную ренту мы могли уже видеть в положении непосредственных производителей XI века по Русской Правде. Нам остается лишь несколько дополнить и уточнить наши наблюдения и подвести им итоги.

В древнейшей Русской Правде, известной нам в записи начала XI века, но по своему основному содержанию относящейся к значительно более раннему времени, во всяком случае к X и даже отчасти к IX веку, речь идет о мужах — рыцарях, хотя и вышедших из общин и успевших стать в значительной мере над ними, но еще не потерявших с ними связи, владеющих не только своими конями, доспехами и платьем, но и челядью, которая несомненно своим трудом их и кормила. Закон стоит целиком на страже интересов этих мужей, оберегает их собственность и права на челядь.

Едва ли может быть какое-либо сомнение в том, что эта челядь работает на барской земле и эксплоатируется в форме отработочной ренты.

Ту же картину, только в более раскрытом виде, мы встречаем и в Правдах, хронологически следующих за первой, древнейшей.

Рядовичи, закупы, вдачи, пущенники, задушные люди, изгои и, может быть, частично и смерды тоже работают на барской земле, под непосредственным надзором барских приказчиков. Необходимость непосредственного принуждения при помощи физического воздействия (право хозяина бить закупа «про дело» даже по сравнительно льготному для закупов закону Владимира Мономаха) на челядь объясняется формой эксплоатации челяди (отработочная рента), соответствующей сравнительной примитивности общественных отношений и недостаточности государственного аппарата. Но нужно здесь подчеркнуть, что перед нами картина не

новых, а старых общественных отношений. Рядом с этим старым растут новые побеги, выражающиеся в том, что самая организация челяди начинает уступать место другим формам, которые вызывают к жизни новую форму ренты.

Ярослав в 1031 г. посадил, например, своих пленных по реке Роси. Летописец во второй половине XI в. застал их еще живущими на тех же местах. Не трудно догадаться, что пленные эти посажены были на землю с тем, чтобы давать Ярославу часть своей продукции. Вольноотпущенники сажаются тоже на землю, прикрепляются к ней и вместе с нею делаются объектом распоряжения своего хозяина. Наконец, необходимо учитывать и хорошо нам известный факт дальнейшего роста землевладения, что при тогдашнем сочетании крупного землевладения с мелким хозяйством тоже неизбежно вызывало к жизни эксплоатацию крестьянства, жившего на этих вновь освоенных землях, путем ренты продуктами.

Наша летопись и проповедническая литература очень ярко отмечают это стремление богачей к расширению своего земельного богатства. Летописец резко противополагает свое время старому доброму времени, когда, по его мнению, князья и их мужи были скромны и думали о благе всей Русской земли. Они-де совсем не были похожи на современников летописца, отличающихся своим «несытством», не удовлетворяющихся тем, что у них есть, и насилие творящих. Епископ Владимирский Серапион (XIII век) тоже указывает на сильных людей, «имения ненасыщающихся» и порабощающих свободных крестьян. Митрополит Климент (XII век) в послании к пресвитеру Фоме тоже говорит о ненасытных богачах, «славы хотящих, иже прилагают дом к дому и села к селам, изгои и сябры, и борти и пожни, ляда же и старины» (сябры — свободные крестьяне-общинники, ляда — лесной участок, приготовленный под пашню, старина — регулярно запахиваемая земля. — *Б. Г.*).

Все эти факты, которые могут быть умножены, говорят нам о том, что период преобладания отработочной примитивной ренты подходит к концу своего существования.

Положение зависимой нерабской части челяди при условии господства отработочной ренты не может быть льготным. Работая рядом с рабом, в одинаковых с ним условиях, зависимый рядович, закуп, вдач и др. неизбежно попадали в условия непосредственного принуждения со всеми чертами, характерными для эксплоатации рабской части челяди.

Итак, мы должны констатировать в XI веке следующие факты: 1) дальнейший и усиленный рост землевладения, 2) признаки появления новой формы земельной докапиталистической ренты.

РЕНТА ПРОДУКТАМИ И ПОЛОЖЕНИЕ ЗАВИСИМЫХ КРЕСТЬЯН

Рост крупного землевладения и включение новых пластов крестьянства в состояние феодальной зависимости при низком уровне производительных сил, не позволявшем организовать крупное хозяйство, неизбежно вызывали в судьбе крестьянства ряд перемен.

1. Уменьшалось количество свободных крестьян-общинников (свободное крестьянство полностью не исчезало в России никогда и дожило во многих местах до 19 февраля 1861 г.).

2. Увеличивалось количество зависимого крестьянства.

3. Удельный вес старого барщинного хозяйства падал по сравнению с ростом доходов с оброчных сел и деревень.

4. В связи с этими переменами менялось и экономическое и юридическое положение крестьянства, появлялись новые категории зависимого крестьянства.

5. Усиление государственного аппарата делало ненужным непосредственное наблюдение и принуждение, характерное для прежнего периода, и тем самым ставило зависимого крестьянина в новое положение по отношению к владельцу и государству.

К сожалению мы лишены возможности следить шаг за шагом за этим развивающимся процессом. У нас нет для XIII—XIV вв. материалов, аналогичных Русской Правде, и потому мы вынуждены пользоваться источниками, дающими нам лишь косвенные на этот предмет указания.

С распадом Киевского государства на ряд самостоятельных феодальных княжеств военные силы русского народа, какими располагали киевские князья, заметно распылились. Беспрерывные феодальные войны между княжествами ослабляли воюющих, мешали росту производительности труда, делали всю русскую землю уязвимой для врагов внешних.

Но с точки зрения укрепления феодального хозяйства и упорядочения государственного аппарата необходимо признать период феодальной раздробленности шагом вперед.

Андрей Боголюбский во Владимире на Клязьме, Даниил Романович в Галицкой земле, Новгородская республика

могли в своих владениях сделать то, что было недоступно князьям Киевским уже в силу несоответствия размеров территории Киевского государства с организационными средствами его аппарата.

Крупные землевладельцы владимирские, галицкие, новгородские и др. могли освободиться от власти Киева и создать свои собственные политические миры только при условии расширения своего богатства и вытекающего отсюда политического влияния. Успехи народного труда были использованы феодальной знатью в своих собственных интересах.

От этого периода у нас есть отрывок Новгородской Судной грамоты, полностью дошла до нас Псковская Судная грамота, мы имеем для Галицкой земли польский Вислицкий статут (1374 г.), в особой приспособленной для Галицкой земли редакции, поскольку Галицкая земля в XIV веке попала под власть Польши.

Каждый из этих документов имеет свои историко-познавательные особенности, то облегчающие, то затрудняющие пользование ими для наших специальных целей.

Непревзойденная по богатству своего содержания Псковская Судная грамота дошла до нас в редакции XV века, где затушеваны ее хронологические наслоения настолько, что мы лишены возможности следить за развитием псковских общественных отношений за время, предшествующее последней ее редакции. То же необходимо сказать и о Новгородской Судной грамоте, к тому же и не дошедшей до нас в полном виде.

Очень показателен Вислицкий статут. Он относится к XIV веку. Особенно интересен он в данном случае и потому, что он очень заметно отправляется от Русской Правды, серьезно с нею считается. Это видно хотя бы по терминологии приспособленного для Галицкой земли варианта статута. Этот вариант писан на тогдашнем украинском языке, где встречается ряд специфических терминов Русской Правды («свада», «копа», «уражен», «раны кровавая и синевая», «гривна», «смерд» и др.). В основном тексте Статута, составленном для Польши, и в несколько сокращенном виде в Галицком его варианте есть очень показательная статья, отменяющая право мертвой руки, зафиксированное как в Польской, так и в Русской Правдах. В Польской Правде статья о мертвой руке звучит так: «Если умрет крестьянин [конечно, зависимый], не имея сына, гос-

подин берет его имущество, но должен дать жене его подушки... покрывала и из имущества мужа корову... или что-либо из другого скота, чем бы она себя могла содержать». В Русской Правде о том же говорится применительно к князю и княжеской вотчине: «Оже смерд умрет без дети [т. е. без мужского потомства], то задница князю; аже будет дщери у него дома, то даяти часть на ня; аже будут замужнем, то не дати им части». То же имеем и относительно церковных имуществ в уставе кн. Ярослава: «Безатщина [имущество смердов при отсутствии мужских наследников] епископу идет» (Ср. древнее германское право, где земля переходит по наследству только мужчинам, Lex Salica, гл. LIX).

Этот закон как в Польше, так и в России возник в то время, когда размеры хозяйства вотчинников были не велики, когда землевладельцы непосредственно могли следить за каждым участком своей земли, на котором работал зависимый от них крестьянин. Закон с точки зрения интересов феодала для данного времени, при данных условиях имел большой смысл.

Вислицкий статут отменяет этот закон как для всей Польши, жившей до сих пор по Польской Правде, так и для Галицкой земли с ее Русской Правдой. Вислицкий статут называет отменяемый им закон мертвой руки «противоречащим справедливости и бессмысленным» (consvetudo «vero contraria et absurda») и впредь устанавливает новое положение: крестьянин может распоряжаться своим имуществом по своему усмотрению; при получении наследства наследник только должен внести в свою приходскую церковь «келих» («calix») ценностью в 1½ марки в Польском статуте и 1½ гривны в Галицком.

Такой резкий поворот в отношении феодалов к крестьянам, конечно, есть результат изменившихся условий эксплоатации крестьянского труда. Для того, чтобы признать закон, существовавший века, абсурдным, необходимы серьезные основания. Эти основания появились в итоге переключения господского внимания к челяди и эксплоатации ее в форме отработочной примитивной ренты на деревню с ее крестьянским населением, которое эксплоатировать было удобнее и проще всего в форме оброка. В интересах землевладельца было дать возможность оброчному крестьянину достигнуть более высокого материального уровня с тем, чтобы он стал для своего хозяина более рентабельным. Это, по выраже-

нию В. И. Ленина, есть первое расширение самостоятельности зависимых крестьян.[1]

Тот же процесс подразумевается и в других местах Руси, поскольку в XIV—XV вв. мы нигде права мертвой руки уже не видим. Но, предоставляя крестьянину возможность хозяйственного роста, землевладелец в то же время стремился к тому, чтобы удержать за собой крестьян, источник своего благополучия.

В том же Вислицком статуте Галицкой редакции имеется очень вразумительная в этом отношении статья, которая в переводе на русский современный язык звучит так: «Часто села панов делаются пустыми, крестьяне уходят от своих панов не по закону. Мы со своей «радой» постановляем, что крестьяне массой не имеют право уходить из одного села в другое, а лишь один или два, и то с разрешения пана, за несколькими исключительными случаями: если пан изнасилует дочь крестьянина или жену, или отберет от крестьянина имущество, или когда пан попадет под церковное отлучение в течение года. Если же отлучение будет длиться года три или четыре, то все крестьяне могут уйти от него, куда хотят».

Галицкий крестьянин XIV века, живущий на земле, освоенной феодалом, как правило, стало быть, был крепок своему землевладельцу и только с его разрешения мог менять место жительства и хозяина. В XVI веке и эта небольшая отдушина для крестьянина была закрыта.

У нас нет никаких оснований думать, что все крестьяне Галицкой земли оказались в таком положении. Наличие здесь и свободного крестьянства несомненно.

Так дело обстояло в XIV веке в Галицкой земле. Конечно, мы не имеет права безоговорочно переносить эти наблюдения на другие русские земли. Каждая из них имеет некоторые свои особенности, к сожалению во всей полноте недоступные изучению за отсутствием источников.

Положение исследователя зависимого крестьянства XII—XIV вв. осложняется еще тем, что перед ним необычайная пестрота в правовом и хозяйственном положении отдельных групп крестьянства, пережитки старого, с пробивающими себе путь явлениями нового порядка. Поэтому для того, чтобы правильно подойти к решению стоящей перед нами задачи, надо, во-первых, рассматривать историю крестьян в отдельных частях Руси с учетом экономических и

[1] Ленин, Сочинения, т. III, изд. 3-е, стр. 127.

политических особенностей каждой из них, во-вторых, изучать каждую известную нам категорию зависимых людей в отдельности.

Сколько-нибудь полно решить эту задачу ввиду неизученности вопроса и небольших размеров данного очерка — невозможно. По необходимости придется сделать только беглый обзор положения крестьянской массы во Владимирском княжестве, как центре, которому суждено было сыграть крупную роль в истории нашей страны.

Те же основные две группы *зависимого* крестьянства, которые характерны для Руси Киевского периода, существуют и развиваются и в период феодальной раздробленности и во время складывания Русского национального государства. Это в подлинном смысле крестьяне, т. е. непосредственные производители, владеющие средствами производства, попавшие в зависимость к землевладельцам путем внеэкономического принуждения, и крестьяне, лишившиеся средств производства и этим самым экономической необходимостью вынужденные итти в кабалу к тем же землевладельцам. В конечном счете судьба и тех и других вела к одному крепостному состоянию, лишь разными путями.

ЗАВИСИМОЕ КРЕСТЬЯНСТВО XIV ВЕКА

Путь внеэкономического принуждения, наиболее характерный для средневековья, приводил в зависимость от феодалов огромные массы крестьянства. К счастью для нас мы имеем в своем распоряжении первоклассный, единственный в своем роде источник, довольно полно показывающий положение зависимой крестьянской массы в конкретности. Это знаменитая грамота Владимирскому монастырю Константина и Елены 1391 года. Тут интересно все. Прежде всего повод возникновения грамоты. В монастыре переменилось начальство: вместо заболевшего прежнего игумена Царка прибыл новый — Ефрем. Ефрем, повидимому, захотел кой-что изменить в положении монастырских крестьян. Крестьяне решительно запротестовали. А так как монастырь был вотчинный Московского митрополита, то крестьяне и обратились с жалобой на нового игумена к митрополиту. Последний отнесся к крестьянской жалобе с полным вниманием. И это одно уже само по себе знаменательно: крестьянин еще не был бесправен, подобно своим потомкам XVIII века.

Митрополит допросил старого игумена, который жил тогда в Москве, произвел расследование на месте во Владимире, и картина выяснилась. Оказалось, что в монастырской вотчине две категории крестьян — большие и пешеходцы (т. е. безлошадные). Повинности их по отношению к монастырю не одинаковы. Большие должны «церковь наряжати (следить за исправностью здания), монастырь и двор тынити, хоромы ставить, игуменов жеребей весь рольи орать взгоном [т. е. по раскладке, сообща], и сеяти и пожати и свезти, сено косити десятинами и во двор свезти, ез бити и вешней и зимней, сады оплетать, на невод ходить, пруды прудить, на бобры им в осенине поити, а истоки им забивати; а на Велик день и на Петров день приходят к игумену, что у кого в руках». Пешеходцы, т. е. крестьяне бедные, должны «к празднику [т. е. 21 мая] рожь молоти и хлеб печи, солод молоть, пива варить, на семя рожь молотить; а лен даст игумен в села, и они прядут, сежи и дели неводные наряжают».

Кроме того, все крестьяне и бедные и побогаче «дают из сел... на праздник [21 мая] яловицу», которую один раз игумен разрешил заменить по просьбе крестьян тремя баранами; но это только исключение из обычной нормы, по которой полагалась яловица ежегодно.

Крестьяне также обязаны были кормить игумена и его коней, если игумен приезжает в села.

Перед нами достаточно обстоятельное изображение повинностей зависимых крестьян по отношению к монастырю. Натуральное хозяйство трудно нарисовать яснее. Монастырь живет крестьянским трудом. Тут предусмотрено как будто все, что можно было предусмотреть. Монастырь никак не связан с рынком, если не считать необходимости покупать виноградное вино к церковной службе и сукно на одежду игумену и братии. Все остальное рождается и потребляется дома. Это конец XIV века. Сто лет спустя картина меняется, о чем речь идет в другом месте.

Тут же вскрывается отчасти и юридическое положение этих крестьян. Ясно, что они зависимы от своего хозяина — монастыря, иначе они не стали бы работать на него. С этим своим положением они уже давно свыклись. Весь общественно-политический строй ставит их в это подневольное положение. Крестьяне даже не пытаются сбросить с себя эту власть; они лишь требуют, чтобы установившийся издавна обычай не нарушался в сторону

ухудшения их положения. Митрополит расследовал жалобу крестьян, написал грамоту, в которой между прочим сказано: «ходите же вси по моей грамоте; игумен сироты [крестьян] держи, а сироты игумена слушайте, а дело монастырское делайте». Старина была восстановлена и зафиксирована.

И митрополит и игумен, во-первых, не очень были заинтересованы в том, чтобы изменять старину, во-вторых, надо думать, они и боялись ее нарушать, так как крестьяне могли уйти из монастыря к другому хозяину. На это последнее обстоятельство намекает жалованная грамота великого князя Василия Васильевича Темного 1426 г. митрополиту Фотию, в которой говорится о Константино-Еленинском монастыре: «...с того монастыря и с сел того монастыря разошлись куды люди по которым местам, и как придут опять на свои места, ино им на 5 лет не надобе никакая моя дань...» [1]

Стало быть крестьяне Константино-Еленинского монастыря имели право уходить от своего хозяина, надо думать, все же по соглашению с этим хозяином подобно тому, как это мы видели в Вислицком статуте. К сожалению никаких данных для более точного решения этого вопроса у нас нет.

Однако мы знаем, что жизнь не стояла на месте, и положение крестьян в связи с крупными изменениями в хозяйственном и общественном строе страны не оставалось неизменным.

Вторая половина XV и первая половина XVI века есть время больших хозяйственных и политических успехов русского народа. Это время созидания централизованного Русского государства, время ликвидации самостоятельности русских феодальных княжеств. В основе этого процесса лежит подъем производительных сил всей страны и в частности Москвы и Московского княжества. Процесс этот охватил различные стороны хозяйственной жизни и, конечно, сельское хозяйство. На наших глазах в этой области происходит ряд интересных перемен.

УСПЕХИ ХЛЕБА НА ВНУТРЕННЕМ РЫНКЕ И ИЗМЕНЕНИЯ В ОРГАНИЗАЦИИ КРУПНОГО ХОЗЯЙСТВА

Незаметная с первого взгляда работа горожан и крестьян создавала условия, систематически подрывавшие

[1] М. Горчаков, О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. синода, 1871, Приложение, стр. 11—12.

основы феодальной раздробленности. Рост внутреннего рынка несомненно требовал хотя бы некоторого объединения доселе обособленных политических единиц. Необходимость единения сил для защиты от внешнего врага ускоряла начавшийся процесс. Отдельные его этапы мы можем проследить между прочим на примере уже знакомого нам монастыря Константина и Елены в городе Владимире.

Перечень повинностей крестьян Константиновского монастыря XIV века показал нам с полной очевидностью натуральный, замкнутый характер монастырского хозяйства. Так было еще в конце XIV века.

Через сто лет здесь произошли заметные перемены.

В конце XV века игумен этого монастыря обратил внимание на то, что монастырские крестьяне на себя стали пахать много, а на монастырь пашут попрежнему мало. Он обратился к митрополиту с проектом изменить положение, и митрополит прислал в монастырь землемера с поручением перемерить монастырскую землю и по-новому разверстать ее между крестьянами. В среднем крестьянину давали 15 десятин (в трех полях). Кто хотел получить больше, мог взять на себя и больше, кто боялся не справиться с 15 десятинами, мог брать меньше. Но каждый из крестьян 20% должен был пахать на монастырь.

Еще через сто лет картина изменилась еще резче.

Монастырь завел свою собственную и немалую запашку. Крестьяне должны были обрабатывать монастырские поля из расчета по 3 десятины (1½ озимого хлеба, 1½ ярового) на крестьянский двор, сеять, жать, молотить, свозить и ссыпать хлеб в монастырские житницы, удобрять землю, косить сено. Работали крестьяне на своих харчах.

Если мы обратимся к другим монастырям, то увидим то же самое в еще более ярких цифрах. Троицкая Сергиева лавра в конце XVI века освободила своих крестьян от всех разнообразных работ и заменила их одной — обработкой земли. Каждый крестьянин должен был вспахать на монастырь 5 десятин «за всякие монастырские доходы».

Те же характерные явления хозяйственной жизни мы можем наблюдать и в крупном хозяйстве Новгородского епископа. Все многочисленные факты, касающиеся хозяйства этой крупнейшей латифундии за конец XV и самое начало XVI века, приводят нас к совершенно твердому

выводу об отсутствии в вотчине Новгородского епископа собственной барской пашни. Типичное для феодальной крупной вотчины сочетание крупного землевладельца с мелким крестьянским хозяйством мы встречаем в это время во всех владениях Новгородского епископа.

Собственную барскую пашню впервые в источниках мы начинаем наблюдать лишь в 40-х годах XVI века. Появление ее может быть отнесено ко времени несколько более раннему. Характерно, что обрабатывают ее наемные «дружины», — своего рода артели сельскохозяйственных рабочих.

Если Новгородский епископ, богатейший из феодалов, к тому же живущий не только от земельной (конечно, докапиталистической) ренты, а и от крупнейших доходов с подвластных ему многочисленных церквей и монастырей своей епархии, принялся за распашку земли и организовал свое барское сельское хозяйство, то этот факт говорит об очень многом.

Не трудно догадаться, чем руководствовались землевладельцы, заменяя старые многочисленные и разнообразные повинности одной — обработкой разросшейся барской пашни там, где она была раньше, или заводя ее вновь, если до сих пор ее не было.

Причина этих перемен заключается в росте внутреннего рынка, на котором хлеб становился все более и более заметным товаром. Хлеб легко стало превращать в деньги. На деньги было удобнее, легче и экономнее приобретать все то, от производства чего были освобождены крестьяне. Отсюда заинтересованность землевладельца в расширении пашни, в увеличении продукции хлеба. Отсюда нажим на крестьянина и стеснение его правового положения.

Эта сторона дела прекрасно отражена в ряде публицистических произведений первой половины XVI века. В произведении Ермолая Эразма «Благохотящим царем правительница и землемерие» прекрасно изображено положение крестьянина. Он здесь признается самым полезным членом общества, потому что он производит самый ценный продукт — хлеб, «всех благих главизна», без которого не может жить ни царь, ни самый простой человек. В то же время этот наиболее ценный член общества «всегда волнениях скорбных пребывает», будучи отягчен всевозможными платежами и повинностями, среди которых необходимость давать деньги — самая тяжелая. Эразм

рекомендует для крестьян заменить денежные повинности натуральными. А деньги взыскивать с горожан («елицы во градах купующе и продающе и прикупы богатеюще»). Он рекомендует и армию содержать по городам. Из его рассуждений видно, что внутренний рынок достаточно емок, что хлеб один из самых ходких товаров.

Эта мысль подтверждается и другим не менее ярким публицистом Пересветовым, который считает идеалом содержание армии на государственные деньги и служилого человека мыслит на государственном жалованье. Те же мысли можно встретить и у известного попа Сильвестра, сумевшего в бытность свою в Новгороде, а потом в Москве организовать какое-то значительное предприятие, где у него работали наемные ремесленники (серебряных дел мастера, книжные писцы, иконники, кузнецы, плотники, каменщики и др.).

Энергия всех этих людей в городе и деревне оплодотворяется тем, что появились в жизни русского общества новые горизонты, новые возможности. Факты большого оживления торговли Москвы с Востоком и Западом со второй половины XV века хорошо известны. Приезжие в Москву иностранцы говорят об этом весьма вразумительно. «Московия, — по словам Альберта Кампензе (1523—1524 гг.), собравшего много сведений о русской торговле со слов своего отца и брата, торговавших с Москвой, — весьма богата монетою. . ., ибо ежегодно привозится туда из всех концов Европы множество денег за товары, не имеющие для московитян почти никакой ценности, но стоящих весьма дорого в наших краях». Москва рано завязывает связи с Востоком. Тверской купец Афанасий Никитин в 1466 г. отправляется с торговыми целями в Персию и успел побывать в Индии лет за 30 до Васко-де-Гама. После завоевания Казани и Астрахани в руках Москвы оказался весь торговый путь по Волге, что привело к усилению торговых связей с Персией, Бухарой и Хивой. В то же время очень энергично завязываются торговые отношения с Западной Европой.

Завоевание в 1514 г. Смоленска раскрыло дверь для торговли с Литвой и Польшей. В Лейпциге зарождается ярмарка русской пушнины. Устанавливаются торговые связи с Англией. Приобретение Балтийских гаваней во время Ливонской войны для России было весьма своевременным новым благоприятным условием дальнейшего роста торговли с Западом. Сухопутная торговля со странами

Севера и Запада тоже играла немаловажную роль. В писцовой книге Обонежской пятины, например, мы имеем запись о том, что на реке Ояти стояло 24 амбара, «куда клали всякие товары»; на Вытегре стояли такие же амбары, куда «хлеб и соль и всякий товар кладут тутошние крестьяне и приезжие торговые люди». Весьма вероятно, что эти товары предназначались для Швеции.

Рост внутреннего рынка тоже виден в различных проявлениях. Аника Строганов, например, в 1566 г., исполняя обязанности царского торгового агента, получил от царя очень серьезные поручения: 15 сентября 1566 г. ему было поручено немедленно («часа того») продать 20 300 пудов хлеба. Ему же поручается доставить в Астрахань, «закупив»: овес, крупу, толокно, муку, всего около 16 000 пудов. Соловецкий монастырь закупал ежегодно во второй половине XVI века около 64 000 пудов хлеба. Флетчер указывает на то, что создавшаяся в конце XVI века дороговизна хлеба происходила не от недостатка в хлебе, а «от алчности дворянства, спекулирующего хлебом». В грамоте Бориса Годунова от 3 ноября 1601 г. изображаются очень хорошо условия торговли, правда, при не совсем нормальных обстоятельствах, ввиду голода. Тут между прочим выясняется контингент лиц, торгующих хлебом. Это «богатые люди», архимандриты, игумены, епископские дети боярские, Строгановы (речь идеть о Соли Вычегодской), их приказчики, посадские люди, монастырские и дворцовые крестьяне и «многие приезжие прожиточные и пашенные люди». Особо названы «многие скупщики», корыстующиеся «хлебною продажею»; они «рассылают» по всей Вычегодской земле в станы, волости, села, слободы и погосты своих агентов, и сами ездят по тем же местам, скупают хлеб и, раздав в «дешевую пору вперед задатки», продают потом по «большой цене». Тут же говорится о том, что и окрестные крестьяне возят хлеб свой и «провозный» на торжки и на ярмарки; по дорогам их перехватывают скупщики, выезжая для этого им навстречу, и скупают у них хлеб. В этой грамоте отражено необычное время: тут много злой воли алчных до наживы торгашей, но тем не менее в грамоте есть несомненно черты, говорящие о наличности хлебного рынка. Обыватель, очевидно, привык к свободной продаже хлеба в любых количествах.

Здесь уместно напомнить о наших больших городах, живших привозным хлебом и голодавших всякий раз, когда этот подвоз по тем или иным причинам нарушался.

Но еще красноречивее, чем большие города, говорят о росте внутренних рыночных отношений торговые успехи мелких поселений конца XV и первой половины XVI века.

Для иллюстрации этого положения возьмем небольшой сравнительно район по реке Мсте, соединяющей Новгород с Московской областью.

В писцовой книге Бежецкой пятины можно наблюдать превращение сел и деревень в значительные торговые пункты, крестьянина — в купца. Перед нами интересный момент рождения новых городов.

Берега и острова реки Мсты с конца XV века усеяны этими новыми очагами торговли. Они возникают и растут на наших глазах. Для иллюстрации положения беру селение Млево на р. Мсте. В конце XV века здесь 225 лавок, в первой половине XVI века уже 332. Оно, как и его сверстники, носит уже наименование рядка (ряды лавок). Возник он на помещичьей земле. Лавки энергично ставят помещичьи крестьяне. В подобном же рядке Боровичах (теперь город) в 1574 г. было 138 дворов (из них 7 церковных и 7 пустых). 29 из живущих дворов принадлежало недавним крестьянам, которые здесь называются людьми «пашенными», 17 — «торговым», остальные все — ремесленникам. Эти «пашенные» фактически «отбыли пашни»: на каждый их двор приходится лишь 2,14 четверти пашни, тогда как у окрестных крестьян пашня в среднем измеряется от 8 до 11 четвертей. Многие из них сеют только яровое. Озимого не сеют.

Чем же торгуют эти лавки? Что хранят рядом с лавками стоящие амбары? На этот вопрос нам может ответить хотя бы описание Боровичских лавок. В них товар незатейливый. Больше всего лавок с хлебом и солью, за этим товаром следуют сапоги, рукавицы, щепетной товар, железные изделия (лемеха и косы), овощи. Ассортимент рассчитан на рядового среднего потребителя. Он говорит сам за себя.

Интересно подчеркнуть, что подавляющий процент торговцев — это недавние крестьяне, которые продолжают себя так и называть по привычке, несмотря на то, что они успели уже променять рало на прилавок. В Удомельском, например, рядке (тоже на Мсте) 90,3% лавок и амбаров принадлежало «крестьянам», в Лощемле (там же) все 100%.

Наличие растущего внутреннего рынка не вызывает у нас ни малейшего сомнения.

Не удивительно, что при наличии всех этих условий деньги в общественных отношениях начинают играть все более заметную роль.

Эту сторону жизни прекрасно подчеркнул в своих писаниях Ермолай Эразм. Она же подтверждается и другими обильными и красочными фактами. В конце XV века устаревшие уставные грамоты заменяются новыми, где натуральные платежи крестьян заменяются денежными. В новой уставной Белозерской грамоте 1488 г. отмечается и старое и новое: великокняжеские наместники по новому уставу должны получать «с сохи за полоть мяса 2 алтына, за 10 хлебов — 10 ден., за бочку овса 10 ден., за воз сена — 2 алт., за боран — 8 ден.», и т. д. и т. д. Крестьяне Артемоновского стана, Переяславского уезда по новой уставной грамоте 1506 г. должны давать волостелям «за полоть мяса 10 ден., за боран — 1 алт., за воз сена — 1 алт., за хлеб — 1 ден.» Это общее положение для новых уставных грамот говорит само за себя. Псковская Судная грамота тоже переводит натуральные повинности на деньги, Судебник Ивана IV делает то же. Многие помещики и вотчинники производят у себя такую же реформу. А Новгородский епископ одну из своих крупных вотчин целиком перевел на денежные платежи вместо прежней натуры.

Погоня за деньгами — дух времени. На этой почве разыгрывается много катастроф. Особенно заметно это на крупных боярах, привыкших жить, не справляясь с подлинным состоянием источника своих доходов.

Невольно хочется вспомнить здесь замечание Энгельса относительно дворянства XIX века: «Чтобы выросший из феодализма дворянский землевладелец — лорд или сквайр — научился когда-нибудь вести хозяйство по-буржуазному и тоже, стало быть, считать своей первой обязанностью во что бы то ни стало капитализировать ежегодно часть добытой прибавочной стоимости, — это противоречит опыту всех бывших феодальных стран».[1] Даже случайно дошедшие до нас факты задолженности боярства с конца XV и середины XVI века очень красноречивы. Верейский князь Михаил Андреевич был должен, например, только одному Кириллову монастырю 21 600 руб. (на деньги конца XIX века), кн. Иван Борисович Волоцкий — 64 000, брат Ивана III Юрий — 74 200 и другой его брат Андрей — 3 105 000 руб.

---

[1] Из письма Энгельса д-ру Майеру от 19 июля 1893 г. («Правда», 21 марта 1931 г.).

В завещании царского духовника Василия (1531—1532 г.) есть перечень его должников: кн. Мих. Вас. Вислый должен ему 18 000, кн. Ив. Данил. Пенков 120 000, кн. Ив. Мих. Кубенский 5 000, кн. Иван Шапка и Семен Мезецкий 7 000, кн. Мих. Бабич 7 000, кн. Ив. Мих. Воротынский 2 000, кн. Ив. Ив. Барбашин 4 000, кн. Федор Вас. Лопата — 5 000, кн. Ив. Мезецкий, зять протопопа Василия — 20 000 р. О своем зяте в завещании протопоп прибавил: «А зять мой, кн. Иван жил у меня во дворе 13 лет, ел-пил мое, а служил зять мой государю все моею подмогою». Жена протопопа в своем завещании сообщает дополнительные сведения, о покупке ее мужем у братьев зятя, князей Мезецких, имения в 50 000 руб.[1] и прибавляет: «а что есмя давали зятю своему приданного и в ссуду и платья и кони, и то зять наш прослужил на царской службе».

«Служба», т. е. нахождение в придворной среде, дорого обходилась русской знати. А единственный источник дохода у бояр были их вотчины, т. е. в конечном счете крестьянин, который должен был изворачиваться, чтобы кормить себя, свою семью и покрывать все растущие потребности своего хозяина.

Не удивительно, что при неумении рационализировать свое хозяйство, боярство и князья неуклонно шли к своей гибели, задолго до опричины, нанесшей русской знати тяжелый и решительный удар.

Конечно, эти изменения в хозяйстве не были еще явлением массовым и повсеместным, но тем не менее они весьма показательны и дают нам возможность судить о направлении, в каком шло развитие русского общества в XV—XVI вв.

ПРЕКРАЩЕНИЕ РАБСТВА И РОСТ КРЕПОСТНИЧЕСТВА

В связи с крупными изменениями в производстве и производственных отношениях, на базе чего протекал процесс образования централизованного государства, исчезали остатки полного холопства, и рабский труд окончательно вытеснился другими, более прогрессивными формами эксплоатации.

Уже Ключевский в свое время отметил (но не объяснил) факт увеличения во второй половине XV века «коли-

[1] Все суммы переведены на деньги конца XIX века по расчету Ключевского: 1 р. XVI века = 100 руб.

чества свободных людей, которые не хотели продаваться в полное холопство, но не могли поддержать своего хозяйства без помощи чужого капитала». Факт увеличения числа свободных людей, вынужденных искать приложения своим силам, отмечен совершенно правильно. Это результат внутренних процессов в городе и деревне.

Для иллюстрации положения возьмем очень хорошо известное духовное завещание кн. Патрекеева 1498 г. Он освобождает часть своих дворовых людей, «холопов». Больше 20 людей и семейств здесь названы по именам. А затем сделана прибавка «А которые мои люди не писаны в сей душевной грамоте, и те мои люди все на слободу и с женами и с детьми». Три семьи из поименованных отпущены «с землею», стало быть, числясь в холопах, они уже сидели на земле, т. е. были крепостными крестьянами. Сколько «холопских» семейств всего отпустил Патрекеев нам неизвестно, но уже эта фраза о *всех,* здесь не поименованных, предполагает их немалое число (иначе бы хозяин не поленился их перечесть).

Патрекеев не один оказался в положении, когда отпуск на волю холопов стал вопросом хозяйственной целесообразности, одним из средств облегчить расходы по имению. Освобождение холопов стало в это время явлением массовым. Невольно возникает вопрос, куда девается эта масса людей, отпущенных на волю, т. е. фактически лишенных крова, питания и одежды, которыми их в качестве своих холопов снабжал до сих пор кн. Патрекеев и другие землевладельцы, кичившиеся друг перед другом количеством своей дворни.

На этот вопрос отвечает нам знаменитый автор Домостроя, поп Сильвестр, в наставлении своему сыну Анфиму:

«Работных, т. е. своих всех несвободных слуг, — пишет он, — наделях и ины окупих из работы и на свободу попущах», и дальше продолжает: «И все те работные наши свободны и добрыми домами живут, якоже видиши. . .: мнози во священническом и во дьяконовском чину, и в дьяцех, и в подьячих и во всяких чинах, кто чего породился и в чем кому благоволил бог быти: овии рукодельничают всякими промыслами, а многие торгуют в лавках, мнози и гостьбы деют в различных землях всякими торговлями. . .» Стало быть, люди попа Сильвестра главным образом были поглощены городом: одни попали на службу в государственные учреждения и дослужились до высоких чинов (дьяки), другие пристроились в огромной

церковной организации, третьи превратились в ремесленников и купцов, и на этом поприще сделали большие успехи.

Надо думать, что и бывшие холопы кн. Патрекеева нашли применение своим силам. Мы знаем, что часть этих элементов поглощала и растущая армия Московского великого князя, а потом и царя.

Ключевский правильно подметил эти симптоматические общественные явления. Действительно, в конце XV и в первой половине XVI века наблюдается заметное увеличение обедневших свободных людей.

Появление обедневшей массы населения, вынужденной продавать свой труд на очень невыгодных для себя условиях, было оборотной стороной прогрессивного хозяйственного процесса — поднятия производства у тех хозяев, которые умело приспособлялись к новым требованиям, предъявленным к сельскому хозяйству.

Бывший царский опричник Штаден, умевший наблюдать и вполне конкретно передавать виденное, говорит, что «теперь [разумеются 70-ые годы XVI века] некоторые крестьяне имеют много денег». А рядом с этими преуспевшими — беднота, ищущая пристанища у людей богатых.

В Емецкой волости, принадлежавшей Антониеву Сийскому монастырю, с 1534 по 1595 г. наблюдается очень характерный в этом отношении процесс. В течение 60-ти лет мы имеем на 72 крестьянских двора 38 случаев продаж-покупок земли среди крестьян при 35 продавцах и 29 покупщиках (3 человека продавали землю по 2 раза).

Параллельно с этим процессом шел другой — наступление на крестьянскую землю крупного землевладельца. Оба эти явления прекрасно отображены в челобитье крестьян Емецкой волости царю на Антониев Сийский монастырь, который крестьяне обвиняли в их разорении. Крестьяне жаловались, что монастырские власти «поотнимали лучшие пашенные земли и сенные покосы и привели [отнятое] к своим монастырским землям, а у иных крестьян деревни поотнимали с хлебом и сеном и, многие дворы разломав, развозили из тех деревень; крестьяне от того игумного насильства с женами и детьми меж дворы волочатся». Тут же крестьяне говорят о том, что игумен «вымучил» на многих крестьянах и бобылях «порядные записи» и кабалы. «Обыск», сделанный по распоряжению царя, подтвердил все эти обвинения. Вот некоторые конкретные факты: «Дер. Часовенская на волоке. Двор разорен Селянинка Ко-

марова, Двор Микитки Дмитриева разорен. Да и иные крестьянские и бобыльские дворы разорены и развожены, а досталь сожжена. А ту деревню старцы припустили к своей монастырской земле». Или: «Починок Корчевский. . ., а распахали тот починок. . . деревни Кощеевы горы крестьяне Игнашка Петров с суседами. А у них отняли Сийского монастыря старцы, и на том починке двор поставили свой монастырский, и пашню пашут, и сено косят, и всякими угодьями владеют Сийского монастыря старцы». И еще: «Дер. Емельяновская. Во дворе был крестьянин Михалко Евсеев. А тот Михалко умер, а после него остался сын его Шумилко. И тот Шумилко из тое деревни выбит вон, скитаетца меж двор. А пашню пашут и сено косят Сийского монастыря старцы» и т. д. и т. д. Во всей волости разоренных монастырем крестьянских дворов показано 13. Сколько их скрыто в загадочном выражении «да и иные крестьянские и бобыльские дворы разорены и развожены», сказать трудно.

Пред нами знамение времени. Экономическая политика крупного землевладельца, поставившего своей целью расширение своего хозяйства и прежде всего своей барской запашки.

Разоренные крестьяне и бобыли — это контингент для всевозможных разновидностей подневольного и «вольного» труда, применяемого в хозяйстве крупного землевладельца.

Эти обедневшие люди искали себе пристанища. Прав Ключевский в том, что они не шли в полное холопство, но потому ли что они этого не хотели, это другой вопрос. Едва ли тут дело в их желании и нежелании.

В нашей старой исторической литературе можно встретить такого рода суждения, что-де в средневековой Руси люди были какие-то особенные, не дорожили своей свободой и очень легко продавали себя и друг друга в рабство. Герберштейн даже приписал любовь к несвободе национальной черте русского народа.

«Этот народ находит более удовольствия в несвободе, чем в свободе. Ибо перед смертью господа в огромном большинстве случаев отпускают известных холопов (certos servos) на волю, но эти последние тотчас за деньги отдают себя в кабалу другим господам».[1]

Все эти рассуждения — сплошное недоразумение, результат полного непонимания самой сути развития обще-

---

[1] Герберштейн, Записки о Московских делах, 1908, стр. 74.

ственных отношений не только России, но и всякой другой страны.

В самом деле, как мы должны понимать сообщение греческого военного писателя Маврикия, конца VI века, о славянах («племена славян [южных] и антов [восточных славян] сходны по своему образу жизни, по своим нравам, по своей любви к свободе: их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению») рядом с замечанием Герберштейна?

Конечно, от VI до XV века времени протекло не мало. Tempora mutantur, et nos mutamur in illis. Но можно с полной уверенностью, основанной на показаниях наших источников, утверждать, что нет и не было людей, любящих рабство. Дело тут не в любви и нелюбви, а в характере общественных отношений, делавших зависимость человека от человека неизбежной. Формы этой зависимости менялись, но эксплоатация оставалась. «Разум человеческий стоит бессильный в смятении перед своим собственным творением»,[1] но такова действительная история человечества.

Но все же Ключевский, как наблюдатель, совершенно прав. Массы обедневших людей в конце XV и первой половине XVI века не превращались в рабов. Рабство даже в той измененной форме, которая наблюдается в процессе феодализации России, продолжало весьма заметно уступать место более прогрессивным формам труда — крепостному и наемному (в той или иной, более или менее четкой форме).

На это интересное явление русской жизни XV века обратил внимание еще в 1909 году и С. В. Бахрушин. Изучая очень внимательно княжеское хозяйство XV и первой половины XVI века, он отметил, что в конце XV века «в крупных княжеских владениях пользование несвободным трудом [рабским. — *Б. Г.*] ...выходит из употребления».[2] Его выводы подтверждаются и другими фактами.

Стоит обратиться хотя бы к судьбам актов, оформлявших в древности положение различных категорий эксплоатируемой массы. История «полной грамоты», договора о поступлении в полное холопство (рабство), характерна. На наших глазах этот вид акта начинает таять, пока в конце XVI века не прекращает своего существования совсем.

---

[1] Морган, Первобытное общество. Цитировано по Энгельсу, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1937, стр. 171.

[2] «Сборник статей в честь В. О. Ключевского», 1909, стр. 597.

С. Н. Валку в его интересной статье «Грамоты полные»[1] удалось проследить историю этого акта. «Конец существования полной, — пишет он, — мы должны отнести к последним указным упоминаниям о ней, ко времени не позднее начала XVII в.» (Последнее упоминание полных в законодательных актах автор видит в указе 1597 г., в актовом материале полные в первой половине XVII в. уже не встречаются.).

Этапы в истории полного холопства, отраженные в законодательных памятниках, имеющихся в нашем распоряжении, позволяют нам подтвердить вывод С. Н. Валка с другой стороны. Тенденция Русской Правды ограничить источники полного холопства уже отмечалась выше (см. стр. 14—15). Там прямо указывается на три источника: продажа, женитьба на рабе без особого договора, исключающего рабство, как последствие такого смешанного брака, и поступление на службу в тиунство и ключничество без аналогичного договора. В данном случае особенно интересна для нас эволюция третьего по счету древнерусского источника полного холопства. Вот этот текст Русской Правды:

«А се третее холопство — тиунство без ряду, или привяжет к себе ключ без ряду». В Судебнике 1497 года по этому же предмету читаем: «По полной грамоте холоп, по тиунству и по ключу по сельскому холоп с докладу и без докладу... *а по городскому ключу не холоп*» (Судебник, ст. 66). Городской воздух был способен делать людей свободными у нас так же, как и в Западной Европе, в известный период ее истории. Этот же закон развивается в Судебнике 1550 г. еще дальше: «А по городскому ключу не холоп... А по тиунству без полные и без докладные не холоп, а по сельскому ключу без докладные не холоп» (Судебник 1550 г., ст. 76).

Совершенно ясно, в каком направлении идет процесс:

В городе

По Русской Правде — по тиунству и по ключу холоп.
По Судебнику 1497 г. — по городскому ключу уже не холоп.

В деревне

По Русской Правде и по Судебнику 1497 г. } — холоп.
По Судебнику 1550 г. — холоп только с доклада.

[1] «Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову», П., 1922, стр. 118.

Закон 11 октября 1555 г. о добровольной службе запретил холопить наемных слуг, в 1556 г. устанавливается пожизненное холопство пленных, в 1558 г. назначается смертная казнь и господину и чиновнику, состряпавшим подложную крепость на вольного человека, указ 15 октября 1560 г. запрещает должникам итти в холопы даже при их собственном желании и, наконец, в 1597 г. запрещается продажа в полное холопство совсем.

По Русской Правде закуп обращался в полного холопа, если господин его платил за него в случае кражи, а по Судебнику 1550 г. (ст. 89) крестьянин, выданный его же господину на поруки за преступление, не лишался права выхода. В таком случае требовалась от отказчика (агента по вербовке крестьян, желающих переменить хозяина) порука, что он представит отказывающегося (уходящего от своего хозяина по закону «с отказом») крестьянина в суд, если возникнет на крестьянина какое-либо новое дело. Тут необходимо напомнить принципиальное отрицание всех видов рабства у Ивашки Пересветова, поведение попа Сильвестра и его наставление сыну, поведение еретика Башкина, заявившего: «. . .Я-де благодарю бога моего. У меня-де что было кабал полных, то-де есми все изодрал, да держу-де, государь, своих добровольно: добро-де ему, и он живет, а не добро, иди куды хочет».

Мы имеем все основания утверждать, что это не случайность, а явление весьма распространенное в это время, ответ на известные требования времени. Исследователь княжеского хозяйства XV. и первой половины XVI века С. В. Бахрушин на основании своих наблюдений тоже пришел к заключению, что в это время «княжеское рабовладение сильно сократилось; холопов страдников мы видим, — пишет он, — только в селах, но и тех обычно освобождают перед смертью [хозяев]; промыслы эксплоатируются исключительно посредством свободных оброчников». Мои собственные наблюдения над жизнью крупной вотчины Новгородского епископа решительно говорят о том же. В епископском дворе в гор. Новгороде работало в первой половине XVI века больше 150 человек, получавших за свой труд денежное жалованье. Собственное барское сельское хозяйство Новгородского епископа, организованное в первой половине XVI века, обслуживается наемными артелями. В деревнях, составлявших вотчину св. Софии, работало зависимое крестьянство. Многочисленные документы иногда называют их попрежнему холопами, но

терминология эта уже перестала соответствовать сущности общественного явления, им обозначаемого.

Перед нами не рабы, а крепостные крестьяне, крепкие земле и своему господину. Раб отличается от крестьянина тем, что у раба нет своих средств производства, у крестьянина — они есть; раб сам является средством производства, это живой рабочий инвентарь. Нам надлежит не буквально воспринимать термины документов, а разобраться в сущности самого явления, термином обозначаемым: термины почти всегда переживают свое первоначальное содержание. (То же мы видим и в Западной Европе: термин servus, в древнеримском обществе обозначавший раба, в средние века стал обозначать крепостного.)

Эти же крепостные крестьяне известны нам и под термином «люди страдные» или «страдники». В духовном завещании князя Ивана Юрьевича Патрекеева (1498 г.) перечислено больше 100 холопов. Среди них есть и «страдники». 8 «холопских» семейств князь передает своим детям по наследству «с землей», 3 семьи отпускает на волю тоже «с землей». Эти, посаженные на землю люди, прикреплены к ней: вместе с нею они передаются наследнику, вместе с нею отпускаются и на волю. Они давно уже перестали быть холопами. Это крепостные крестьяне.

Сельские ключники, которых Судебник Ивана III называет холопами, в наших документах XV века изображаются тоже не столько холопами в старом понимании термина, сколько крепостными крестьянами. В Новгородской писцовой книге Деревской пятины читаем: «Дер. Большой двор. Во дворе его [т. е. помещика] человек Степашко, не пашет, а крестьян: во дворе Фомка Онфимов; сеет ржи 4 короби...; обжа. А старого дохода не было: жил ключник, а пахал на себя ключник». Ключник этот жил здесь до составления писцовой книги, вероятно, даже до присоединения Новгорода к Москве, так как «старый доход» — это доход, шедший старым новгородским землевладельцам. Таких упоминаний ключников, сидящих на земле и ведущих свое хозяйство, много. Это не рабы. С полным основанием мы должны зачислить их в крепостные.

Едва ли можно сомневаться в том, что перечисленные здесь категории крепостных правом выхода не пользовались.

ДВОРЯНСТВО И ВОПРОС О ЗЕМЛЕ

Труд зависимого крестьянина есть производственная основа феодального общества. Поэтому совершенно естественно, что каждый землевладелец-феодал был заинтересован в удержании за собой крестьянских рабочих рук. Но этого мало. Вопрос о рабочих руках самым тесным образом переплетался с другими, не менее сложными и острыми проблемами, между которыми на первом месте стоял вопрос о земле. Для различных прослоек феодалов было далеко не безразлично также, в чьих руках окажется власть, кто будет решать сложные задачи, с тем или иным решением которых связаны их кровные интересы.

Весь этот комплекс вопросов ставился и разрешался в общественной и политической обстановке весьма высокого напряжения. Старая землевладельческая знать: князья и бояре, а также церковь в лице митрополита, епископов и богатых монастырей, — давно обеспеченные землей и сидящим на ней крестьянством (им принадлежало к XV веку $^2/_3$ всей удобной для сельского хозяйства земли) и достаточно политически сильные, стремились удержать в своих руках источники своего могущества. Но в то же время удельные князья и старое боярство не могли не замечать тех серьезных перемен в общественной и политической жизни страны, которые угрожали их интересам.

Уже в конце XV века старое боярство могло иметь совершенно явные доказательства тому, что его роль в государстве падает, что на смену ему идут другие люди. Об этом можно было судить по очень заметному факту формирования нового великокняжеского войска. Это новое войско было многочисленным, во-вторых, по политическому значению и по качеству оно было иным, чем старые боярские и княжеские дружины, составлявшие до недавнего времени силу не столько государства, сколько многочисленных «государей», защищавших при помощи этой силы главным образом свои феодальные гнезда. По мере роста Русского централизованного государства росла великокняжеская армия, делавшая не нужными старые боярские дружины. Самих бояр великий князь Московский очень решительно прибрал к своим рукам и, когда князь Курбский в середине XVI века попробовал охарактеризовать происшедшие с боярами перемены, то он отметил, что все они (старая знать) оказались в руках Московского царя словно «в адовой твердыне».

В великокняжескую, а потом и в царскую армию шли люди небогатые: большинство здесь было бедняков, на военной государственной службе добывавших себе хлеб насущный. Не даром Судебник Ивана IV запрещал детям боярским, т. е. основным кадрам новой армии, поступать на частную службу: «А детей боярских служивых и их детей, которые не служивали, в холопи не принимати никому, опричь тех, которых государь от службы отставит» (ст. 81).

Но недостаточно было путем подобных запрещений гарантировать необходимые для армии человеческие ресурсы. Нужно было позаботиться о том, чтобы обеспечить содержание армии материальными средствами. А для XV—XVI вв. это значило, что необходима была земля и деньги. Земля, которая бы кормила сына боярского и давала бы ему возможность снарядиться в поход. Без денег, хотя бы и в небольших сравнительно размерах, этого сделать тоже уже было нельзя: оружие надо было купить, либо заказать мастеру. То же в значительной степени относится и к платью. Если у государства уже были некоторые и даже немалые суммы денег, их, однако, нехватало на содержание армии полностью, как об этом мечтал публицист первой половины XVI века Иващко Пересветов.

Земли, казалось, было вдоволь, но это так только казалось. Требовалась не просто земля, а земля, удобная для хозяйства, т. е. хорошая по качеству почвы, лежащая в тех именно местах, где по соображениям стратегическим и политическим должен был жить служилый человек, и самое главное — земля населенная, систематически обрабатываемая. Такой земли не только не было достаточно: ее решительно нехватало.

За занятые издревле земли крепко держалось боярство, еще крепче — церковь. Две трети удобного для обеспечения армии земельного фонда для государства было таким образом потеряно. Перед государством стояла задача использовать этот фонд, если государственная власть не собиралась мириться с феодальной раздробленностью.

Нам хорошо известно, что великокняжеская, а потом царская власть в централизованном Русском государстве крепла, успешно борясь с феодальной раздробленностью. Этот рост был результатом долгой, упорной и в конечном счете победоносной борьбы со знатью светской и церковной. Важнейшими средствами в этой борьбе великокняжеской (царской) власти против феодальной знати явились: 1) по-

литика уничтожения боярских привилегий и превращение бояр в государевых слуг; 2) попытка секуляризации церковных земельных фондов, впрочем неудавшаяся и вылившаяся лишь в некоторое сокращение роста земельных богатств церкви; наконец, 3) меры к сокращению церковно-вотчинных привилегий, в целях уменьшить соблазн, привлекавший крестьян от светских вотчинников к церковным.

Эти мероприятия власти протекали в очень сложной обстановке: боярство, в связи с государственной нуждой в земельном фонде, понимало остроту своего положения и готово было удовлетворить эту государственную нужду, но только за счет церкви; церковь мобилизовала все средства самозащиты, а дети боярские совсем не склонны были пассивно ждать решения своей судьбы. Отсюда много шума, много справедливых и несправедливых жалоб, и в общем итоге, хотя и не лишенная значительных компромиссов, победа детей боярских, иначе государства, поскольку государственная власть на данном этапе была властью не бояр, а властью детей боярских — помещиков.

Борьба за землю заполнила собою вторую половину XV и значительную часть XVI века.

Очень выразительно она протекала в самой церкви, где с конца XV века явно обнаружились две исключающих друг друга тенденции: «нестяжатели», с которыми солидаризировалось боярство, — сторонники передачи церковных земель государству, и «осифляне», вдохновляемые Иосифом Волоцким, — защитники неприкосновенности церковной земли.

Боярин князь Курбский не скрывал своего отношения к церковным вотчинам. Он жалуется на монахов, которые, внушая умирающим не оставлять своих имений родственникам, хотя бы и бедным, а отказывать все в монастыри, чтобы получить за то царствие небесное, воинский чин (детей боярских) сделали хуже калик (нищих).

С другой стороны, владыка Новгородский Феофил, обиженный на Ивана III, конфисковавшего много церковных земель в Новгороде в связи с ликвидацией новгородской независимости, готов был передать Новгородскую республику Польше, где в панах, державших тогда власть, он видел гарантию неприкосновенности церковных имуществ. Феофил был выслан из Новгорода. Иван III продолжал свою линию, отбирая церковные земли в Новгороде и передавая их детям боярским в поместья, т. е. за счет новгородской церковной земли укреплял свою власть.

В Новгороде Ивану III действовать в этом направлении было сравнительно нетрудно. Он здесь был победителем. С благословения митрополита и при явном сочувствии Москвы, особенно той ее части, которая связала свои интересы с растущим централизованным государством, он мог не считаться даже с постановлениями вселенских соборов, так как действовал против изменников православию.

Совсем в другом положении очутился он, когда в самой Москве на местном церковном соборе в 1503 г. вопрос о монастырских землях был поставлен Нилом Сорским, главой нестяжателей, который «почал молить самодержца, чтобы у монастырей сел не было, а жили бы чернецы по пустыням и кормились своим рукоделием». Против Нила Сорского выступил Иосиф Волоцкий: «если у монастырей не будет сел, — говорил он, — то как постричься почетному и благородному человеку? А если не будет почетных и благородных старцев, то откуда взять людей в митрополиты, архиепископы и на другие церковные власти? И так, если не будет почетных и благородных старцев, то и сама вера поколеблется». Иосиф Волоцкий высказывал и другие менее «академические» мысли о том, что цари, идущие против интересов церкви, — не цари, а слуги дьявола, и православным людям таким властям подчиняться не следует.

Ссориться с церковью Иван III побоялся и отступил. Церковные земли остались за церковью.

Вопрос о монастырских имуществах долго еще обсуждался и был предметом горячих споров. Мысль о несоответствии богатства церкви с духом христианского учения легла в основу «еретического» направления среди светского и части церковного общества.

При сыне Ивана III Василии нужда в земельном фонде для испомещения армии стала еще больше. При нем было издано Уложение, в котором запрещалось жителям некоторых городов и некоторым северо-восточным князьям давать вотчины в монастыри без доклада и без ведома великого князя. Это правило 11 мая 1551 г. получило силу общего закона и за нарушение его постановлено «та вотчина у монастыря безденежно имати на государя». Земля, отнятые церковными учреждениями у детей боярских и крестьян за долги, и земли, розданные во время боярского правления в малолетство Грозного, велено было вернуть прежним владельцам.

Указ 1562 г. разрешил заменять земельные вклады деньгами. В 1573 г. действие этого закона распространено на все родовые княжеские и боярские вотчины. Разрешалось землю давать только бедным монастырям, но всякий раз только с доклада государю. Церковные соборы 1580 и 1584 гг., созванные в тяжелое время хозяйственной разрухи для выработки мер для ее ликвидации, постановили «от сего дня впредь... вотчинникам вотчин своих по душам не давать», а давать за них в монастыри деньги; вотчины, купленные и взятые в заклад церковными учреждениями до 1580 г. у служилых людей, отобрать на государя.

Правда, и эти меры не прекратили притока земель в церковные учреждения, но все же несколько затруднили дальнейшее расширение монастырских земельных владений.

Вопрос об укреплении армии, назначенной служить не только обороне русской земли от врагов внешних, но и укреплять централизующееся государство в борьбе со сторонниками феодальной раздробленности и боярских старых привилегий, решался не просто и не легко.

Затруднения с испомещением служилых людей сказывались весьма определенно. Редкий служилый человек получал то количество земли, которое ему полагалось «по окладу». «Дача», т. е. фактический размер получаемой земли, как правило, не соответствовала «окладу» в среднем на 50%. Эти 50% либо возмещались ненаселенной землей в «диком поле», либо являлись предметом исканий самого служилого человека, вынужденного зорко наблюдать положение соседних землевладельцев с целью найти землю, на которую по тем или иным основаниям он мог бы заявить свои притязания.

Такой «порядок» держался долго, не менее 150 лет, пока, наконец, помещики не осели на земле более или менее прочно и не стали мечтать о превращении своего условного владения (за службу) землей, поместья, в собственность — вотчину.

В прямой связи с решением вопроса о земле стоит и вопрос о рабочих руках, делавших эту землю доходной

НАЧАЛО РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПОЛОЖЕНИЯ КРЕСТЬЯН В ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННОМ МАСШТАБЕ

В связи с процессом объединения княжеств в единое Русское государство, в связи с тенденцией общерусской власти создать общерусские правовые нормы стоит и первая попытка создания общего положения о крестьянах.

До этого времени каждое княжество разрешало вопросы внешней и внутренней политики по-своему. До этого времени каждое крупное княжество успело создать свой собственный законодательный кодекс (Новгородская Судная грамота, Псковская Судная грамота, Рязанские законы, которые видел Татищев, и до нас не дошедшие). После соединения этих разрозненных частей в одно Русское государство, стал неизбежным вопрос о новом общегосударственном кодексе.

Таким кодексом и явился Судебник 1497 г. Ивана III. Один из важнейших вопросов государственной важности, каким, несомненно, был вопрос крестьянский, не мог не найти в этом кодексе своего места. Мы имеем здесь знаменитую 57 статью «А хрестьяном отказыватися из волости [в волость], из села в село один срок в году, за неделю до Юрьева дня осеннего и неделя после Юрьева дня осеннего. Дворы пожилые платят в полех за двор рубль, а в лесех полтина. А который христианин поживет за кем год да пойдет прочь, и он платит четверть двора, а два года поживет да пойдет прочь, и он полдвора платит; а три годы проживет, а пойдет прочь, и он платит три четверти двора: а четыре годы проживет, и он весь двор платит».

Об этой статье писано было очень много, но и сейчас она представляется не вполне ясной. Неясно, о каких именно крестьянах здесь идет речь: обо всех ли зависимых или же только о тех, кто жил за своим хозяином временно — год, два, три, четыре. Наиболее вероятным я считаю, что тут перед нами опыт создания закона для всех зависимых крестьян: первая часть статьи имеет характер обобщающий, вторая часть («А который христианин. . .») имеет в виду ту группу крестьян, которая нам известна под именем новоприходцев, серебреников и др., т. е. живших за своим хозяином по срочному договору, который на практике очень часто превращался в очень длительный. Если именно так понимать эту статью Судебника, то отсюда будет следовать вывод, что власть централизующегося русского государства подчеркивала право крестьянина по договоренности со своим хозяином «отказыватися», уходить от хозяина в один срок в году приблизительно с 19—20 ноября по 2—3 декабря. В Пскове, который еще пользовался в это время политической самостоятельностью и на который в это время (1497 г.) нормы Судебника еще не распространялись, сроком выхода крестьян-серебреников

(«изорники») был не Юрьев день (26 ноября ст.ст.), а Филиппов день (14 декабря ст.ст.). Очень вероятно, что и в других частях Руси в период феодальной раздробленности были свои сроки отказов. Но едва ли в этих сроках могло быть большое расхождение, так как сроки выходов приурочивались обычно к концу сельскохозяйственных работ, т. е. к глубокой осени.

Московская власть узаконивает для всего русского государства единый срок отказов. Очень возможно, что Судебник данной статьей, кроме единства сроков, в практику отказов для крестьян-старожильцев нового ничего и не вносил. Это несомненно для тех частей государства, где и в период феодальной раздробленности право отказа оставалось за крестьянами. Говорить об этом уверенно нет возможности, поскольку нам неизвестно положение крестьян на всей территории раздробленной Руси.

Совершенно ясно одно, власть Московского государства, стоящая на страже интересов дворянства, т. е. той общественной прослойки, которая составляла опору растущего самодержавия, определяла положение крестьян с тем, чтобы служилый человек, основа великокняжеской новой армии, точно знал круг своих прав на крестьян, в пределах которых он мог рассчитывать на помощь государства.

Старое боярство, долго еще пытавшееся сохранить за собой свое привилегированное положение, едва ли было заинтересовано в регламентации крестьянского положения, так как оно, это боярство, сильное в своих владениях, издавна владевшее землей и сидящим на ней населением, само своими собственными средствами могло оберегать свои права, и если в чем лишь нуждалось в этом отношении, то в согласовании действий своих соседей, таких же крупных и всесильных владельцев земли и крестьянских душ. В этом отношении очень характерен пример из жизни белорусских магнатов.

8 февраля 1531 г. архиепископ Полоцкий, Витебский и Мстиславский Нафанаил, «все князья и панове бояре и мещане Витебские» собрались и «положили вси сами межи собою своею доброю волею», как держать за собой своих крестьян. Устав этот до нас дошел. Он напечатан в «Белорусском Архиве», т. II под № 72. Это постановление принял воевода Витебский и сам обязался исполнять это решение. В соглашении сказано, что если воевода и его чиновники не станут выполнять этого установления, тогда и люди, его составившие, тоже не будут его выполнять

(«А естли ж пан воевода... водлуг тое ухвалы людей вольных держать не будут, ино и мы вси тое уставы такеж держати не будем»).

Русское централизованное государство в отличие от Польши и Литвы, где попрежнему сильна была феодальная знать, разрешало вопросы внутренней политики иначе. Судебник относится ко «всей Руси». У Московского великого князя в руках серьезные средства для проведения в жизнь того, что «уложил» он сам вместе со всей Боярской Думой.

Судебник — важнейший из наших источников для суждения о мероприятиях власти по различным вопросам внутренней политики. Но у него есть одна особенность, ставящая его в отношении обобщений выше многих более старых законодательных сборников, но в то же время именно вследствие этого затрудняющая его понимание нам, людям XX века. Это относится прежде всего к статье 57. Правда, мы имеем аналогичную статью 88 второго Судебника 1550 года. Но и она говорит о вещах, хорошо понятных современникам, и мало помогает нам понять подлинный конкретный ее смысл.

Кроме некоторого увеличения пожилого (на 2 алтына), тут мы имеем разъяснение, что именно надо понимать под дворами «в полех» и «в лесех», некоторые детали, сопровождающие уход крестьянина, но самое понятие «крестьянин», как оно понималось законодателем, нам остается далеко неясным.

Сейчас мы имеем твердое и четкое определение экономической природы крестьянина. Это непосредственный мелкий производитель, владеющий собственными средствами производства, вместе с сельским хозяйством занимающийся в необходимой для сельского хозяйства дозе и ремесленным трудом. Юридическая природа крестьянина не мыслится при этом единой: он может быть свободным, а его несвобода может быть различного качества и силы.

Кого именно понимают Судебники под термином «крестьянин», мы можем только догадываться.

Прежде всего ясно, что здесь речь идет о человеке зависимом, но не рабе. Зависимых людей различных категорий и различного происхождения мы встречаем в наших разнообразных источниках. Только рассмотрение «крестьянства в его отдельных прослойках может приблизить нас к более точному пониманию крестьянской проблемы XVI века в целом.

КРЕСТЬЯНЕ-СТАРОЖИЛЬЦЫ

Наиболее многочисленная масса зависимых крестьян известна нам по источникам XV—XVI вв. под именем старожильцев.

Крестьяне-старожильцы иногда называются «людьми пошлыми». В Белоруссии и на Украине эта группа крестьян носит название «стародавних», «извечных», «отчинных», «непоходячих». Это крестьяне, которые издавна живут за своими господами на участках земли, которыми они издавна владеют и с которых несут как государственные повинности («тягло»), так и владельческие («оброк» и «барщина»).

Правовое положение этих крестьян точно определить нет возможности. Без разрешения своего господина — феодала они, как правило, уходить от него не могут. Разрешение, необходимое для их ухода, дается господином по соглашению с данным крестьянином на известных условиях. Хозяин, соглашаясь на уход крестьянина, конечно, ставил выгодные для себя условия, чтобы не остаться в убытке. У нас нет точных данных для выяснения этой стороны дела, но мы можем думать, что в период феодальной раздробленности в различных княжествах эти условия были неодинаковы.

Для Московского княжества конца XIV века кое-какие данные у нас все же есть. Имею в виду уже рассмотренную выше жалованную грамоту митрополита Киприана монастырю Константина и Елены. Крестьяне, жившие за этим монастырем, могут быть причислены к категории старожильцев. Они живут за монастырем давно. Они знают старые монастырские обычаи и защищают их от всяких неприятных для них новшеств. Игумен считает их своими, и митрополит подчеркивает этот порядок господства и подчинения очень вразумительно: «ходите же вси по моей грамоте; игумен сироты держи, а сироты игумена слушайте, а дело монастырское делайте». Эти порядки проектируются и на будущее: «А хотя кто будет иный игумен по сем игумене, и тот ходит по сей моей грамоте». Грамота по распоряжению митрополита должна для пущего бережения храниться в церкви.

Последующие власти гражданские и церковные ее подтверждали. Из жалованной грамоты великого князя Василия Васильевича митрополиту Фотию 1426 г., касающейся сел Константино-Еленинского монастыря видно, что кре-

стьяне этого монастыря до 1426 г. могли уходить из монастыря, надо думать, с разрешения своего игумена («...ис того монастыря и с сел того монастыря, разошлись куды люди по которым местам, и как придут опять на свои места, ино им на 5 лет не надобе никакая моя дань...» (см. Прил. № 4).

Но у нас имеются две грамоты того же князя Василия Васильевича Троицкому Сергиеву монастырю середины XV века, где монастырю разрешается совсем не выпускать от себя крестьян-старожильцев («А которые люди живут в их селах нынеча, и яз княз великый тех людей не велел пущати прочь» (см. Прил. № 7). Великий князь тут обещает содействие своего княжеского аппарата для возвращения ушедших крестьян («Також есмь игумена с братьею пожаловал которого их хрестьянина из того села и из деревень кто к себе откажот, а их старожильца, и яз князь велики тех хрестьян из Присек и из деревень не велел выпущати ни к кому» (см. Прил. № 8). Наличие этих отдельных пожалований и распоряжений говорит нам, что 1) в середине XV века еще не было общего положения о крестьянах-старожильцах, 2) что землевладельцы стремились крепко держать их, своих крестьян-старожильцев, за собой, и некоторые из наиболее настойчивых хозяев добивались у власти оформления прочной крестьянской зависимости.

Первыми потерявшими право ухода от хозяина-господина были крестьяне-старожильцы.

Мы уже видели, что первый общегосударственный закон о зависимых крестьянах не лишал права перехода, даже подчеркнул это право. Отсюда мы должны сделать вывод: так как предыдущая законодательная практика по крестьянскому праву не была единой, то общая общегосударственная норма, внося в эту сторону жизни определенный принцип, вводила известный единый порядок как для тех крестьян, которые пользовались правом ухода при условии соглашения с хозяином — «отказ», так и для тех, кто этого права до сих пор не имел.

Для небогатого дворянина, который часто вынужден был отыскивать сам для себя землю, государством ему обещанную, но за отсутствием свободного земельного фонда ему фактически не предоставленную, который вынужден был сам заботиться и о привлечении в свое поместье рабочих рук, такой порядок был в данный момент вполне приемлемым и даже желательным.

Землевладелец для привлечения на свою землю крестьян пользовался различными средствами и способами. Самыми распространенными средствами для решения проблемы рабочих рук были 1) поиски через специальных «отказчиков» крестьян, желающих переменить хозяина, 2) выдача «серебра», т. е. денежной суммы, которая обязывала крестьянина работать на своего хозяина («кабала») и 3) представление крестьянину участка земли и инвентаря на известных условиях, оговариваемых в договоре («порядная запись»).

КРЕСТЬЯНЕ-СЕРЕБРЕНИКИ

Серебрениками назывались люди, поступавшие в зависимость к богатым людям через «серебро», т. е. через известную сумму денег, которую они получали от своих будущих хозяев в момент заключения с ними договора. В конце XV или в начале XVI века устанавливается для этого договора техническая формула «кабала за рост служити».

Кабала — слово татарское и значит заемная расписка. Этот татарский термин привился в русском обиходе не только потому, что татары долго властвовали над русской землей, а и потому, что и сами они часто эксплоатировали именно в этой форме русское население. Под 1262 годом в Софийской летописи читаем: «окаянные бусурманы работяще люди христианские в резех» (рез = рост = %%). Тот же текст Никоновская летопись XVI века передает еще яснее: богатые откупщики татарских даней «корыстовахуся сами, и мнози люди убозии в ростех работаху».

Этот старый способ экономического принуждения, отраженный в Русской Правде в институте рядовничества-закупничества, продолжал существовать и в период феодальной раздробленности.

В юридическом сборнике митрополита всея Руси конца XIII в., известном под именем «Митрополичьего правосудия», имеется в виду то же явление. Там изображается «челядин-наймит», или иначе «закупный наймит», когда он собирается расторгнуть свой договор с господином. Закон этого не возбраняет, но требует, чтобы закуп вернул в двойном размере «задаток», т. е. ту сумму, которую он получил от господина при заключении договора.

В жалованной грамоте Ивана Калиты печерским сокольникам 1328—1341 года имеются в виду такие же

люди, которых грамота называет «третниками» и «наймитами», «кто стражет на готовых конях, а в кунах».

Вместе с ростом производительных сил, в связи с развитием внутреннего и внешнего рынка, росла и нужда в рабочей силе, которая привлекалась в сущности старым способом, но в новой форме так называемой «служилой кабалы». Особенно растет количество зависимых людей этого типа во второй половине XV века, когда вместе с особым оживлением хозяйственной и политической жизни объединяющихся в централизованное государство отдельных княжений наблюдается увеличение контингента обедневших людей, вынужденных искать себе пристанище. Тогда же вырабатывается и единая форма договора. Закон, общий для всего Русского государства, начинает говорить об этой категории рабочего населения, закрепляемого за своими хозяевами феодальными способами.

Поступивший в зависимость человек, получив некоторую сумму денег, обязывался работать на своего господина-хозяина за проценты. Иногда эта сделка носила чисто формальный характер, и закабаляемый человек совсем не получал ничего от своего хозяина и лишь писал по выработавшейся формуле кабалу, где обязательно упоминались деньги. Известны и такие случаи, когда кабальный человек деньги получал, но передавал полученную им сумму прежнему хозяину, у которого он жил до сих пор на тех же кабальных условиях. В последнем случае он переменял только хозяина. Правовое положение его при этом нисколько не менялось. Кабала писалась по формуле: «Се яз» такой-то «взял есми» у такого-то такую-то сумму денег, за что взявший деньги и обязуется работать на своего хозяина за проценты в течение года. По прошествии года, если кабальный человек не мог выплатить обозначенной в договоре суммы, он обязывался оставаться у своего хозяина «по вся дни» (см. Прил. № 12).

Серебреников — кабальных людей мы встречаем и в городе и в деревне.

Дошедшие до нас кабалы говорят нам, что первоначально кабальный человек имел *право* уходить от своего хозяина, даже и не дожив года, но в таком случае он обязан был уплатить своему хозяину не только сумму, обозначенную в кабале, но и проценты. Понятно, что условие это было трудно исполнимым.

Судебник подчеркивает, что кабалу могут давать на себя только люди свободные и не подлежащие военной службе.

От середины XVI века в нашем распоряжении имеются несколько кабальных записей людей, поступавших на работу в деревню. Из 24 известных нам деревенских кабал только на 2-х имеются пометки о частичной уплате взятой при заключении договора суммы, 9 — имеют пометки о смерти кабальных людей, в течение жизни не смогших выплатить этой суммы. Факты очень показательные: правом своим кабальный человек воспользоваться мог, очевидно, лишь в очень редких случаях. Дальнейшую судьбу кабальных людей мы можем проследить по нашим источникам, хотя и не особенно полно.

В нашем распоряжении несколько жалованных грамот середины XV века, позволяющих установить некоторые этапы этого процесса.

В одной из грамот удельного Белозерского князя Михаила Андреевича своему боярину Федору Константиновичу князь по просьбе Ферапонтова монастыря устанавливает новые правила относительно отказов серебреников.

До сих пор староста соседней с Ферапонтовым монастырем княжеской вотчины переманивал к себе монастырских серебреников в любой срок, невзирая на то, что серебреники были в серебре, т. е. за ними числились определенные суммы денег, предоставляя им рассрочку в выплате этих денег на 2 года. Кириллов монастырь, расположенный тоже на территории Белозерского княжества, находился точно в таком же положении. Оба монастыря обратились к своему князю с просьбой отменить это положение и заменить его другим. Князь исполнил их желание. Он установил: 1) единый срок отказов — Юрьев день осенний, 2) поставил условием предварительную уплату «серебра». Кириллов монастырь в то же время с аналогичной просьбой обращается и к Московскому князю, на территории которого также находились владения этого монастыря. И Московский князь тоже пошел навстречу монастырю. Эти челобитья двух монастырей, занесенные в сборник Кириллова монастыря, не исключительное явление. Дошли до нас аналогичные обращения и Троицко-Сергиева монастыря (см. Прил. №№ 6—9). Несомненно с такими обращениями к князьям адресовались и другие землевладельцы, и у нас нет никаких оснований предполагать, что власть этим землевладельцам отказывала в их просьбе.

В середине XV века таким образом в различных феодальных княжениях, в том числе и Московском, положение серебреников меняется в сторону стеснения их правового положения.

В этих грамотах имеются указания на некоторые разновидности широкого понятия серебреничества. Под общим именем серебреников тут называются «серебреники, половники, рядовые и юрьевские»; последние две категории обобщаются термином «слободные люди». В грамоте Белозерского князя все эти категории названы еще более широким термином «крестьяне».

Однако из содержания этих грамот видно, что в них речь идет не обо всех крестьянах в широком понимании слова, а главным образом о той их прослойке, которая работала у своих господ по договору: «половники» — это люди, работающие по договору на земле своего хозяина «исполу»; «рядовые» — люди, заключавшие с хозяином ряд (договор), «юрьевские» — заключившие договор на год — от Юрьева дня до Юрьева дня.

Разбираемые нами грамоты, устанавливающие для серебреников Юрьев день как единый срок отказов, первые из дошедших до нас упоминают Юрьев день.

У нас есть основания думать, что Юрьев день в качестве наиболее удобного срока прекращения договоров в сельскохозяйственных работах распространялся и на старинных крестьян, живших за своими хозяевами на хозяйской земле без всяких договоров, если эти крестьяне с разрешения хозяев собирались покидать свои старые участки и переходить в другие места к новым хозяевам.

КРЕСТЬЯНЕ-НОВОПОРЯДЧИКИ

Крестьянами-новопорядчиками назывались крестьяне, поселявшиеся на участке землевладельца вновь и заключавшие с ним поряд (договор). Те же причины, которые вызвали к жизни крестьянское кабаление, объясняют и появление в большом количестве новоприходцев, или новопорядчиков: с одной стороны, появление массы неимущих, потерявших средства производства крестьян, с другой — потребность у крупных землевладельцев в расширении контингента людей, способных вести сельское хозяйство и в качестве зависимых приносить своим хозяевам доход. Порядные записи до нас дошли от середины XVI века, но самый факт обострения интереса к расширению площади

приносящей доход земли относится к более раннему времени и падает приблизительно на вторую половину XV века.

При примитивности техники сельского хозяйства, в условях феодального строя, привлечение новых крестьян на еще нераспаханные участки земли, увеличение количества мелких крестьянских хозяйств, способных давать землевладельцам докапиталистическую ренту — было единственным способом удовлетворить растущую жажду землевладельцев к деньгам.

Крестьян старались привлекать различными способами, среди которых наиболее распространенным была выдача вперед денег и инвентаря на обзаведение и предоставление льгот от всевозможных взносов и натуральных повинностей на известное количество лет (смотря по обстоятельствам от 3 до 20).

Содержание порядной записи довольно простое: «Се яз» такой-то «порядился есми» у такого-то землевладельца в такую-то деревню, на такой-то участок. Далее следуют обязательства о постройке избы, расчистке полей и др. работ, необходимых для налаживания крестьянского хозяйства, а также обязательство не покидать участка в пусте. После этого следует санкция об уплате некоторой суммы денег в случае невыполнения крестьянином взятых на себя обязательств. Очень часто в порядную включаются условия о выдаче от хозяина денег на семена или на инвентарь или самих семян, лошади, коровы и т. п., освобождения от тягла и оброков и «изделья» (барщины) (см. Прил. №№ 16 и 17).

Количество новопорядчиков было велико и по мере расширения площади культурной земли росло. До нас дошло множество жалованных грамот XV века, особенно монастырям, где разрешалось и даже рекомендовалось землевладельцам называть на свои земли новых крестьян. Власть при этом ограничивала аппетиты землевладельцев условием не принимать к себе людей тяглых и крестьян из княжеских имений. Само собой разумеется, что каждый землевладелец был заинтересован в том, чтобы крестьяне, обжившиеся на его земле, продолжали у него жить и впредь, и принимал с этой целью соответствующие меры. Некоторые из землевладельцев (напр. Троицкий монастырь, как мы уже видели) добились еще до издания общего закона о крестьянском «отказе», даже запрещения перехода с их земель крестьян-старожильцев.

Общей меры о запрещении крестьянского выхода государство в это время еще не принимало, так как далеко не всем землевладельцам в данное время такая мера была выгодной. Она была прежде всего не выгодна тем землевладельцам, которые заводили свое хозяйство вновь и дорожили подвижностью рабочих рук. Это, как мы уже видели, прежде всего были основные кадры растущей армии Московского государства, так называемые помещики, дети боярские, опора крепнувшей власти централизующегося государства.

БОБЫЛИ

Бобылем назывался крестьянин или посадский человек, не включенный в обязанность нести тягло и платящий лишь более легкий бобыльский оброк. Стало быть, в основе своей это бедные люди, которые, однако, имели основание дорожить своим льготным по отношению к тяглу положением даже и тогда, когда они успевали достигать материального достатка. В глазах землевладельцев бобыли представляли даже некоторые преимущества: бобылю обычно отводилась не положенная в государственное тягло земля, т. е. земля еще не окультуренная, за бобыля не приходилось землевладельцу быть ответственным перед государством в той мере, как он отвечал за тягло крестьянина; в то же время бобыль распахивал землю и давал своему хозяину доход. Очень характерно, что бобыли, как правило, дают своему хозяину оброк деньгами. Иногда они работают и на барщине.

Появление бобылей относится тоже приблизительно ко второй половине XV века. Вызывалось оно теми же причинами, которые способствовали и появлению новопорядчиков и увеличению кадров серебреников — кабальных людей. Документ, оформляющий правовое положение бобыля, бобыльская порядная, отличается от крестьянской порядной прежде всего тем, что бобыль не связывает себя с тяглой пашней и обязуется платить бобыльский оброк («Се яз, Митька Андреев сын Бакакин, вольной человек, порядился есьми Софейского дома казначею... Жити мне, Дмитрею, у Софеи Премудрости Божии, в бобылех на Сермаксе и землю бобыльскую, пахать, *где прищу, где мне любо*. А платить мне, Дмитрею, в Софейскую казну бобыльского оброку на год по 10 алт...»).

Кроме бобылей на пашне источники часто упоминают бобылей-ремесленников.

В грамоте середины XV века Белозерского князя Михаила Андреевича Белозерскому наместнику об отказе зависимых людей из Кирилло-Белозерского монастыря только в Юрьев день среди четырех видов зависимого населения имеется и категория «половников». До этой грамоты администрация княжеских имений перезывала их из монастыря в любой момент. Грамота, выданная Белозерским князем по просьбе монастыря, вводит стеснение в положение перечисленных здесь категорий зависимого населения и устанавливает один срок переходов — Юрьев день, вводя еще одно важное условие — уплату «серебра» перед выходом.

Отсюда выясняется, что половник по своей социальной природе очень близок серебреникам и новопорядчикам, т. е. людям, находившимся в зависимости срочной и устанавливаемой при участии денег, выдаваемых хозяином вперед. «А отказати серебреника и половника о Юрьеве дни, да и серебро заплатит» читаем в той же грамоте.

Тяжелая нужда заставляла обедневшего крестьянина итти в этого рода зависимость. Развитие половничества идет рука об руку с обеднением крестьянства: в местах, где землевладение крестьян устойчиво, не было и половников; наоборот, там, где крестьянин вынужден продавать свою землю, половников очень много.

Государевых податей половники, как правило, не платят, потому что платить им не из чего: они бедны. Если же их иногда привлекают к этим обязанностям, то чаще всего как вспомогательную тяглую силу и в размерах значительно уменьшенных. В новгородской грамоте «на черный бор» первой половины XV века, где дается размер податных тягот для разных категорий тяглого населения, между прочим значится: «в соху два коня, да третьее припряжь. Плуг за две сохи... четыре пешцы за соху...; а кто сидит на исполовьи, на то́м взяти за полсохи», т. е. половник обложен в два раза легче, чем средний крестьянин. В жалованной грамоте тверского князя Бориса Александровича (1437—1461) Отрочу монастырю есть тоже важное замечание: «придет к нам коли из Орды посол силен, а немочно будет его оправадити, ино тогды архимандрит с тех сирот пособит в ту тяготу, с половника даст по десятку тверскими кунами». Только в крайних случаях, значит, прибегают к тягловой помощи половника. Контингент половников иногда являлся результатом сознательной

экономической политики самих землевладельцев. Так, например, Никита Строганов отнял у своих крестьян половину земли, отчего они вынуждены были «за великую нужу... в тех вотчинах [у Строгановых же] половничать». Иногда землевладельцы прямо обращались к своим крестьянам с предложением: «будет-де вам жить во крестьянах невозможно, и вы-де подайте челобитную..., чтобы быть в половье, а не в крестьянех».

Землевладелец от такой операции только выигрывал: земля оставалась при нем, рабочие руки попрежнему работали на него, только податей за половников либо совсем не приходилось платить, либо платить в уменьшенном размере. Некоторые монастыри даже предпочитали иметь дело с половниками, чем с крестьянами. Так, монастыри — Гледенский, Телегов и Прилуцкий в 1537 г. заявили, что «пашут у них... монастырские земли *исполу по уговору* половники и наемные люди, а монастырских крестьян и бобылей нет».

Иногда документы называют половников наймитами, потому что половник, не будучи в полном смысле наемным рабочим, все же имел некоторые черты с ним общие. Вот как гость Кирилл Босой изображает своих половников: «живут они вольностью [т. е. по своей воле] урочные лета, хто сколько лет уговоритца жить: иные на 2 и на 3 годы, как кому в которых местах поживетца. А как... им урочные годы отойдут, и они... переходят в иные деревни к иным хозяевам. А кому... не поживетца, и они и до урочных лет отходят. А сильно... у нас никово не держат. А живут, что наймиты, а хлеб... пашут на своих конях исполу: нам половина, а им другая».

Работа на хозяина исполу — это одна из тяжелых форм эксплоатации, выгодная хозяевам, и потому нет ничего удивительного в том, что землевладельцы стараются привлекать на свою землю половников разными способами. «Большинство половничьих порядных, — отмечает один из крупнейших исследователей вопроса,—заключены с выдачей порядчикам подмоги хлебом и деньгами в размере от полтины до 20 рублей». Эта подмога кабалила половника так же, как серебро серебреника. «И впредь, — пишут половники, — нам на него [хозяина] исполу пахать по тому ж против сей записи по кех мест те ссудные деньги за нами, испольщиками, побудут». Половников в «серебре» мы уже видели в середине XV века. В одной из духовных грамот начала XVI века некий Федор Акинфиев в перечне своих документов отметил между прочим: «взяти мне... на

Июдке половничьих кун рубль...; взяти мне на Федьке половничьих кун рубль...; на Коне половничьих кун; взяти мне на Ефиме на брате на его Макаре 30 алт. без гривны половничьих кун».

Очень ярко положение половника изображено, правда, в довольно поздней порядной (когда положение зависимого населения вообще ухудшилось).

Некий Ждан Алексеев сын Окулов с сыном Семеном 10 января 1622 г. порядились в Гледенский монастырь «пахати деревню Заболотье на своих конях, на двух лошадях: всякая снасть деревенская — моя половничья, а семяна ржаные и яровые всякие троецкие...; а за семяны, что бог пошлет приполону делити пополам». В конце порядной имеется очень важная приписка: «гобины (урожай) не стравити, стравление мое половничье, а троецкое цело».

Порядная заключена сроком на 3 года. Подмоги взяли порядчики 2 руб. денег, 6 мер ржи, 8 мер овса. Кроме сельских работ они обязались выполнять и другие работы: поставлять жерди, огораживать поля, доить у хозяйского ключника коров и др. Сделанная оговорка о том, что стравленное, т. е. испорченный или погубленный урожай — половничье, а целое — монастырское, говорит о тенденции хозяина обеспечить свою долю урожая во что бы то ни стало, независимо от общего итога урожая.

Эта порядная, хотя поздняя, заключает в себе черты, которые мы имеем основание предполагать и в более ранних договорах того же рода.

В XVI веке половники либо разделяют обычную судьбу новопорядчиков, превращаясь в старожильцев, либо продолжают оставаться на положении временно зависимых людей; часть их (именно наиболее бедная) переходила на положение близкое к наемному рабочему, получая за свою работу от хозяина «хлеб помесячно».

ДЕТЕНЫШИ

Памятники XVI—XVII вв. знают еще одну разновидность рабочего населения крупной вотчины. Это детеныши, которых мы встречаем в хозяйствах монастырских.

Детеныши прежде всего работают в сельском хозяйстве, пашут пашню монастырскую. Источники знают также и детенышей других профессий: кожевников, конюхов, мельников, поваренных детенышей, застольных детенышей и др.

Что касается их правового положения, то тут необхо-

димо различать два вида детенышей: детеныши старинные и детеныши наемные. Старинные детеныши — это крепостные. Положение детенышей наемных определялось особым договором («записью»). В одном из документов XVI века детеныш назван батраком.

Труд наемных детенышей применялся на собственной монастырской запашке, которая с конца XVI века стала освобождаться от государственных повинностей.

В детеныши шли обедневшие, потерявшие возможность вести свое собственное хозяйство крестьяне и бобыли. Это продукт общего процесса расслоения крестьянства, в итоге чего мы видели и другие разновидности рабочего населения, вынужденного путем экономического принуждения работать не на себя, а на своих господ.

* * *

Перечисленными категориями не исчерпывается вся пестрота хозяйственного и правового положения зависимого сельского люда. Это только наиболее часто встречающиеся в наших источниках разновидности. В XVII веке эта пестрота значительно уменьшается. Почти все эти категории сливаются в одну крестьянскую массу, куда не вошли только так называемые люди дворовые. Но и часть дворовых, будучи посажена на землю «за двором», получившая отсюда название людей «задворных», тоже влилась в основные крепостные кадры крестьянства. Правовое положение всей зависимой крестьянской массы к этому времени очень серьезно изменилось. Все эти большие перемены в судьбе зависимого крестьянства были результатом дальнейшей экономической эволюции и больших политических событий, пережитых русским обществом во второй половине XVI и первой половине XVII века, требующих специального изучения.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОТРЯСЕНИЯ 70—80-х ГОДОВ XVI в.

Первым обратил серьезное внимание на наличие крупных хозяйственных потрясений во всем Московском государстве в 70—80-х гг. XVI века Рожков. Огромный цифровой материал писцовых книг дал ему возможность показать эту разруху с полной убедительностью. Дальнейшие работы в этом направлении расширили и уточнили эту картину. «Кризис» был жесток и имел большой район действия.

Причин «кризиса» было много, хотя они и действовали с разной силой: дорого стоющие беспрерывные войны Грозного и самая тяжелая из них тянувшаяся четверть века (1558—1583) Ливонская война, перенапряжение всех платежных сил страны, обострение классовых противоречий, вылившееся в форму жестокой классовой борьбы, известной под именем опричины. В итоге — разорение деревни и города.

В источниках неоднократно встречаются и объяснения причин разорения населения: в одном месте крестьяне разбежались «от царевых податей», в другом крестьянские дворы «сожгли опричные» и т. д. В среднем, к 1582 г., когда производилась перепись населения с целью выяснить состояние страны, ее внутренних ресурсов, в деревнях не досчитывалось около 40% населения. Город Новгород (в прифронтовой полосе) потерял 83% своего населения. Другие города пострадали несколько меньше. Бегство населения на окраины в поисках более сносных условий жизни, катастрофическое опустение центра, сокращение запашек, иногда полное превращение сел и деревень в пустыри — такова конкретная сущность «кризиса».

От хозяйственного потрясения страны страдали прежде всего бедняки. Но и землевладельцы-хозяева не могли не почувствовать на себе создавшегося тяжелого положения. Не только средняк-помещик, служилый человек, отвлекаемый от своего хозяйства беспрерывными войнами, но даже более привилегированные хозяева-монастыри испытывали на себе недостаток в рабочих руках, и многие из них на время просто прекратили свое существование. Между прочим и из монастыря Константина и Елены, с которым нам приходилось встречаться выше, в это время монахи от нечего есть разбежались и собрались вновь только в конце XVI века по миновании кризиса.

Крестьянин стал большой ценностью, и землевладельцы наперебой друг перед другом не только старались удержать за собой своих собственных крестьян, но переманить к себе новых.

Приходо-расходные книги монастырей XVI века с полной ясностью показывают, что переманивание к себе крестьян по мере углубления «кризиса» принимало все более и более заметные размеры. Крестьянские «выходы» все чаще и заметнее стали превращаться в «вывозы» их помещиками, монастырями, епископскими кафедрами и др. землевладельцами.

Международное положение страны было напряженным и до крайности сложным.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ МЕРЫ ДЛЯ БОРЬБЫ С ХОЗЯЙСТВЕННОЙ РАЗРУХОЙ И КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС

Как только замолчали на ливонском фронте пушки, правительство Московского государства принимает энергичные меры в борьбе с хозяйственным потрясением страны в целях поднятия ее обороноспособности.

Главнейшими из этих мер были: 1) организация новой переписи земли с целью приведения в известность ее состояния, степени разорения городов и деревень, 2) специальные меры, рассчитанные на скорейшую ликвидацию «кризиса» и на поднятие доходности поместий, обеспечивающих боевую годность армии.

Вполне понятная тревога за боеспособность армии естественно подводила к вопросу об обеспечении поместий рабочими руками, т. е. в конечном счете к вопросу крестьянскому. Право крестьянского выхода для служилых людей и поддерживающего их правительства явно делалось неудобным. Вопрос о целесообразности существования «Юрьева дня» всем ходом событий ставился на очередь.

Мы знаем деятельность власти в этом направлении только из отдельных намеков дошедших до нас источников, но и этого достаточно, чтобы распутать сложный вопрос, интересующий нашу науку уже очень давно.

Историк XVIII в. Татищев имел в своих руках ценнейший материал, до нас, к сожалению, дошедший только в кратком пересказе самого Татищева, — который позволил ему высказать совершенно правильное мнение о том, что сама власть отменила Юрьев день и «заказала» крестьянам выход. Это мнение принял и Карамзин. Он прямо говорит о «законе об укреплении сельских работников, целию своею благоприятном для владельцев средних или неизбыточных».

Но с того момента, когда в 1858 г. Российский самодержец разрешил трактовать в печати крестьянский вопрос, до этого времени запрещенный, мнения по этому предмету осложнились и запутались.

В 1858 г. М. П. Погодин напечатал свою статью «Должно ли считать Бориса Годунова основателем крепостного права?», где он высказывал противоположное мнение, сводившееся к тому, что крестьяне были при-

креплены к земле и землевладельцам не законом, а действием стихийных сил, как он выражался — «обстоятельствами».

Тогда же его статья подверглась критике Костомаровым, который защищал указное закреплсние крестьян, относимое им к 1592 году.

В споре приняли участие все видные представители тогдашней науки: К. Аксаков, И. Д. Беляев, проф. Юрьевского университета Энгельман, а позднее такие крупные исследователи, как Ключевский, Сергеевич, Дьяконов, Владимирский-Буданов, Милюков, Самоквасов, П. И. Беляев и др. Вопрос в нерешенном виде дошел и до нашего времени.

Попробуем в нем разобраться.

Мы не ошибемся, если скажем в самом начале, что это один из таких вопросов общественной и политической жизни нашей страны, в определенном решении которого были заинтересованы прежде всего помещики, на страже интересов которых стояла власть. Таким образом для нас делается совершенно очевидным, что Московское правительство XVI века не могло быть нейтральным зрителем ожесточенной борьбы, развернувшейся в связи с разрешением крестьянской проблемы. Московская власть в лице Ивана Грозного и его преемников есть прежде всего власть тех же помещиков. Каждый шаг Московского правительства подтверждает это положение.

В нашем распоряжении имеется достаточный фактический материал для доказательства этого тезиса. В разгар военных действий между русскими войсками и Стефаном Баторием, когда успех склонялся в сторону Батория, 15 января 1580 г. по инициативе Ивана Грозного был созван церковный собор по вопросам не строго-церковного характера. Ставился вопрос, какими дополнительными мерами к уже принятым царским правительством решениям церковь может помочь государству и, в частности, «воинскому чину», пришедшему «в оскудение велие». (Речь шла о монастырских землях и привилегиях.) Царь с боярами уже имел суждение по этому предмету. Была составлена не дошедшая до нас «уложенная грамота», и поместный приказ получил распоряжение действовать «по той грамоте и по уложению».

Духовенство принуждено было «уложить» то, что требовал от них политический момент и царь, т. е. отказаться от расширения и без того громадных своих земельных вла-

дений. Служилый человек требовал земли; иначе он не мог крепко ополчаться против врага.

20 июля 1584 г., стало быть, уже после заключения тяжелого для Московского государства мира и при новом царе Федоре Ивановиче вновь созванный церковный собор не только подтвердил это решение, но и расширил самую постановку вопроса. Тут речь шла уже не только о сокращении притока новых земель «по душе» в монастыри, но говорилось и о податных привилегиях монастырей, являвшихся приманкой для мятущегося в поисках лучшей жизни крестьянства. Поскольку монастырские земли находятся во льготе, говорилось в постановлении Собора, «воинство, служилые люди, те их земли оплачивают, и сего ради многое запустение за воинскими людьми в вотчинах их и в поместьях, платячи за тарханы; а крестьяне, вышед из-за служилых людей, живут за тараханы во льготе, и от того великая тощета воинским людям прииде». Тут имелось в виду и настоящее и недавнее прошлое, приведшее к обеднению служилый люд Московского государства (В 1584 г. Юрьев день, как мы увидим дальше, уже не действовал.)

Таким образом церковь приглашалась принести материальные жертвы в пользу служилых людей. Собором было постановлено, что с 1 сентября 1584 г. тарханы отменяются «на время до государева... указу», «покамест земля поустроится и помочь во всем учинитца царским осмотрением». С того момента церковь должна платить всякие царские подати и земские разметы «со всеми людьми ровно», все земли, заложенные в монастыри и другие церковные учреждения, отбираются на государя, т. е. в казну поступает очень значительный земельный фонд, конечно, предназначенный в поместную раздачу. Церковной земле частично пришлось пережить ту же судьбу, что в гораздо большем масштабе во время опричины пережила земля боярская.

Интересы служилого человека стоят на первом плане. Вопрос о крестьянах, без которых земельный фонд не имел никакой ценности, решительно и неизбежно вплетался в сложную политическую программу, которую надлежало разрешить теперь же, так как никогда еще служилый человек не попадал в столь затруднительное положение, и вопрос о боеспособности армии ставился с исключительной остротой. Весьма вероятно, что правительственное «уложение», о котором говорилось выше, касалось не

только земли, но и дальнейшей судьбы крестьян. Такое допущение тем более вероятно, что 1581-й год уже был годом, когда крестьянский выход был запрещен.

ЮРЬЕВ ДЕНЬ И «ЗАПОВЕДНЫЕ ГОДЫ»

«Заповедные годы» — это годы запрещения крестьянского выхода, иначе годы, когда переставал действовать закон о Юрьевом дне.

Обстановка, вызвавшая введение «заповедных годов», для нас совершенно ясна. Но закона о «заповедных годах» у нас в руках нет. Он, конечно, был, но до нас не дошел. О его содержании позволяют судить лишь косвенно другие материалы, имеющиеся в нашем распоряжении.

Можно утверждать, что 1581-й год был первым «заповедным годом», так как в 1580 г. и до него крестьяне еще уходили от своих господ по Судебнику, а в 1581 г. крестьяне этого права уже не имели. О том, что крестьяне вплоть до 1580 г. и в этом году пользовались правом Юрьева дня, у нас имеются совершенно бесспорные доказательства.

В тверской писцовой книге 1580 г. зафиксированы крестьянские выходы из вотчины Семена Бекбулатовича. В дошедших до нас приходо-расходных книгах Волоколамского монастыря отмечены крестьянские выходы, начиная с 1573 по 1580 г. включительно: за год 1579—1580 отмечено 96 случаев выхода из-за монастыря и 20 случаев «выхода» за монастырь. В приходо-расходной книге 1581 г. нет ни одного случая ни выхода, ни входа. Не подлежит ни малейшему сомнению, что запрещение выхода падает именно на 1581-й год. Из других документов, по преимуществу судебного характера, с несомненной ясностью вытекает, что с 1581 по 1586 все годы были заповедными. Затем в наших источниках есть некоторый пробел в показаниях до 1590 г., а относительно 1590, 1592, 1594 и 1595 гг. нам известно, что они тоже были заповедными.

Из указов Бориса Годунова 1601—1602 гг. выясняется, что практика заповедных годов стала правилом, а выход, разрешенный Борисом Годуновым для нескольких годов начала XVII века, несомненно считался из этого правила исключением.

Далее встает перед нами вопрос о сроке действия закона о «заповедных годах» и районе его распространения.

На этот вопрос довольно определенно отвечает интересная запись в приходо-расходной книге Волоколамского монастыря от 6 января 1595 года. Тут речь идет о сборе долгов с монастырских крестьян. Монастырский старец Мисаил Безнин по этому предмету сделал распоряжение, чтобы не собирать долгов с тех крестьян, которые живут и впредь собираются жить за монастырем. «*А будет государь изволит,* продолжает старец, *крестьяном выходу быть,* и которые крестьяне пойдут из-за монастыря, и на тех крестьянех по тем кабалам деньги имати. . .» Значит, в 1595 г. крестьяне выходом не пользовались, но монастырская администрация очевидно знала, что в любой момент государь может объявить «выход». О том же говорят и другие факты. Крестьяне в своих порядных записях 80-х годов XVI века иногда писали, что они крепки своим хозяевам только на время заповедных годов, «до государеву указу», как они в таких случаях выражались, или еще точнее: «до государевых выходных лет».

Все это говорит о том, что закон о «заповедных годах» был известен как мера временная, рассчитанная на временное действие, вероятно, как и отмена тарханов — «покамест земля поустроится». Но эта временность затянулась и, как мы знаем, закон прочно и надолго лег в основу дальнейшего развития крепостного права в России.

Что касается района распространения действия этого закона, то едва ли можно сомневаться в том, что он был распространен на все Московское государство. Об этом говорят и соображения общего характера и, хотя и косвенные, указания источников.

Поскольку мера была вызвана интересами служилых людей-помещиков и среднего достатка вотчинников, она должна была действовать там, где имелись землевладельцы средней руки, т. е. почти на всем пространстве Московского государства. Правительство не ограничивало района действия своих распоряжений о монастырских землях и монастырских податных привилегиях в связи с желанием облегчить положение помещиков. Не было у него никаких оснований и отменять Юрьев день только на определенных частях государственной территории. В других странах мы видим то же самое. Стоит вспомнить хотя бы постановления польской власти по тому же предмету, распространяемые на все государство.

Но кроме этих, достаточно убедительных общих соображений, у нас имеются на этот счет вполне определенные показания источников. В указе Бориса Годунова о предоставлении крестьянам выхода в годы 1601 и 1602 прямо говорится: «пожаловали во *всем своем государстве* от налога и продаж велели крестьянам давати выход». Разрешать можно то, что было запрещено. Если разрешение распространяется на все государство, стало быть и запрещение действовало на всей его территории. Такой же смысл имеет и известный в сообщении Татищева закон 1607 года с его знаменитым предисловием, вызвавшим в нашей науке столько споров. У нас есть все основания считать предисловие не выдумкой Татищева, а лишь небольшой его переделкой в целях сделать его текст с точки зрения Татищева более понятным для читателя. Там совершенно четко говорится о русских зависимых от своих господ крестьянах вообще, без всяких территориальных изъятий. В своем комментарии к закону 1607 года Татищев с полным основанием сопоставляет его с законом 1601 года.

В подтверждение этой мысли можно сослаться еще и на факты известности и применяемости закона «о заповедных годах» на территориях — Новгородской, Рязанской, Псковской, Вологодской и Московской. И наоборот, в источниках нет решительно ни одного намека на территориальные ограничения действия этого закона.

Итак «заповедные годы» стали действовать с 1581 года. Эта мера была рассчитана на все Московское государство, но сначала предполагалась в качестве меры временной, однако вследствие заинтересованности помещиков в ее сохранности и впредь, превратилась в факт весьма длительного действия.

Факт отмены Юрьева дня есть результат борьбы помещиков и вотчинников за более прочное владение крестьянским трудом, что соответствовало интересам всех землевладельцев, перед которыми в 80-х годах XVI века с совершенно неприкрытой остротой стал вопрос о сохранении доходности их имений. Между крупными землевладельцами и землевладельцами бедными или средней руки была лишь та разница, что богатые землевладельцы имели возможность собственными средствами не только сманивать к себе рабочие руки, но и удерживать их за собой. Мы имеем блестящее подтверждение этому в деятельности Троицкой Сергиевой лавры, которая сумела своими собственными средствами организовать и привлечение на свои

земли крестьян, и их оберегание от попыток бегства, и выслеживание каждого шага беглого, и его розыски. Можно просто удивляться тонкости работы монастырского аппарата в этом направлении. Но такая организация дела была доступна только богатейшему из землевладельцев. Ни один среднего достатка помещик и мечтать об этом не мог. Не даром в течение первой половины XVII века помещики сначала слезно, а потом и с угрозами просили правительство о полной отмене Юрьева дня, указывая при этом на незаконное сманивание крестьян крупными боярами, монастырями и Троицкой лаврой в частности. После выхода закона «о заповедных годах», его выгоды для себя почувствовали все виды и разряды землевладельцев.

ДАЛЬНЕЙШАЯ ЭВОЛЮЦИЯ КРЕПОСТНИЧЕСТВА И ОТНОШЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА К «ЗАПОВЕДНЫМ ГОДАМ»

Несмотря на всю свою приниженность и забитость, крестьяне не примирились с новым своим положением. Всеми имевшимися в их распоряжении средствами они протестовали, как могли и умели.

Об этом говорят многочисленные факты. В указе Бориса Годунова туманно говорится о том, что Борис вынужден был дать крестьянам выход «от налог и продаж», т. е. учитывая их тяжелое положение. Эта туманность выражения несколько разъясняется в пересказанном Татищевым докладе дьяка в Боярской Думе 1607 г. Тут уже прямо говорится о том, что «царь Борис Федорович, *видя в народе волнение велие,* . . .переход крестьянам дал». Тот же документ говорит о том, что «распри и насилия и многие разорения и убийства смертные и многие разбои и по путям грабления содержашася и *содеваются*», т. е. не только были раньше до 1601 года, но продолжаются и сейчас, в 1607 году. Что все это абсолютно соответствует действительности, мы прекрасно знаем. Это была уже крестьянская война. Но, оказывается, и до войны крестьяне не были спокойны. В 1594 г. в Волоколамском монастыре было серьезное крестьянское движение, прекращенное вмешательством государственной власти (см. Прил. № 22). Даты опубликования указа Бориса тоже говорят нам о многом. Ведь Юрьев день по старому стилю приходится на 26 ноября. Обычная законная практика отказов падала на неделю до этого дня и неделю после этого дня, т. е. с 19 — 20 ноября до 2—3 декабря. Если бы правительство

было намерено дать выход к этому сроку, оно должно было бы заготовить указ и опубликовать его по крайней мере за несколько дней до 19 ноября. Между тем указ 1601 г. дан окольничему Морозову в Москве только 28 ноября, т. е. два дня после Юрьева дня. Указ 1602 г. подписан 24 ноября, прибыл в Новгород 29 ноября, воевода разослал его пятиконецким старостам 30 ноября. Правда, срок отказов продлен, но именно и продлен потому, что дан не во время. Едва ли мы ошибемся, если допустим, что правительство не собиралось давать указа о выходе и было вынуждено это сделать в виду особых обстоятельств («волнение велие»).

Закон рождался в обстановке далеко не мирной. Что мы не ошибаемся, видно из текста указа 1602 г., который имеет только то новое по сравнению с предшествующим (1601 г.), что запрещает бесчинства, сопутствующие прошлогодним крестьянским вывозам: землевладельцы, чтобы не лишиться своих крестьян, насильно удерживали их самих и их имущество, делали всякие «зацепки» и «продажи», в результате чего во время вывозов возникали бои и грабежи.

Самой обычной и массовой формой протеста крестьян против этого тяжелого положения — было бегство.

Чем тяжелее становилась зависимость крестьян, тем чаще они прибегали именно к этой форме протеста. Навстречу их стремлениям к поискам лучших условий жизни шли интересы наиболее богатых и предприимчивых и несклонных считаться с законами землевладельцев. Они переманивали к себе крестьян, не справляясь с уголовным кодексом, а переманив, принимали все меры явные и тайные к удержанию за собой беззаконно принятых или же ими сманенных крестьян. Чем богаче и могущественнее был землевладелец, тем был он труднее достигаем для властей, менее уязвим и еще более агрессивен.

Для мелкого или среднего землевладельца борьба с крестьянскими побегами была затруднительна по многим причинам: служилый человек часто отсутствовал из своего поместья, он не имел средств организовать охрану своего «живого инвентаря», наконец, он ничем не мог содействовать властям в поисках бежавших. Часто помещик, будучи в походах, просто не знал, в каком положении его хозяйство; а когда он возвращался домой, то нередко заставал тут картину настолько безнадежную, что трудно было найти выход из положения.

Надо иметь также в виду, что и аппарат государственной власти был далеко не достаточен, чтобы поспевать с выполнением бесчисленных челобитных, которые сыпались с разных сторон от служилого люда.

В такой обстановке появился знаменитый указ от 24 ноября 1597 года. Этим указом устанавливалась пятилетняя давность исков на беглых крестьян. Землевладельцы, у которых выбежали крестьяне за 5 лет до 1597 года и которые успели в этот срок подать челобитье о сыске беглых, имели право рассчитывать на содействие государственной власти: таким землевладельцам, говорит указ, — «давать суд и сыскивать накрепко всякими сыски и по суду и по сыску тех беглых крестьян с женами и детьми и со всеми животы возити назад, где кто жил». А относительно крестьян, выбежавших за 6, 7, 10 и более лет до 1597 г. и относительно которых в течение этого срока от их господ не было челобитья, «суда не давати и назад их, где кто жил, не возити».

В нашей науке этот указ подвергался толкованию неоднократно, во-первых, потому, что он интересен сам по себе, как один из важнейших законов в истории крестьянства, во-вторых, потому, что очень долгое время это был едва ли не единственный документ, говоривший о крепостных и беглых с некоторой определенностью. Больше всего интересовал ученых вопрос о том, почему устанавливается именно 5-летняя давность исков и что могло произойти в судьбе крестьян за пять лет до 1597 г., т. е. в 1592 году.

Карамзин утверждал, что в 1592 г. по инициативе Бориса Годунова был отменен Юрьев день. Такого же мнения держались и Костомаров, И. Д. Беляев и отчасти В. И. Сергеевич. Последний отодвигал время отмены Юрьева дня к началу царствования Федора Ивановича. Погодин, Ключевский, Владимирский-Буданов были другого мнения. Они в этом указе не видели никаких намеков на законодательное прикрепление крестьян. М. М. Сперанский высказал мнение о том, что закон этот имел в виду упорядочение судебного делопроизводства, слишком осложнившегося и запутавшегося в связи с усилением крестьянских побегов.

Закон явно компромиссного характера. С одной стороны, он признает, что крестьянин крепок своему хозяину и не имеет права от него уходить, конечно, без разрешения господина, а с другой — он мирится с фактом бегства

и даже его легализирует, в случае если бегство произошло больше, чем за 5 лет до опубликования указа, и если хозяин беглого не обратился в суд в течение этого срока нахождения в бегах своих крестьян. Закон был выгоден тем, к кому бежали крестьяне и кто мог их прятать в течение указанного срока, т. е. людям богатым и сильным.

Служилой мелкоте этот закон доставлял много огорчений, чего они и не скрывали перед властью.

Это указное пятилетие, как и следующие за ним измененные сроки исков на беглых крестьян, в наших источниках носят специальное наименование «урочных лет».

После крестьянской войны начала XVII века и «Смуты» этот пятилетний срок исков перестал удовлетворять землевладельцев. Даже Троицкий Сергиев монастырь, несмотря на все свои возможности, не мог в пятилетний срок справляться с розыском и возвращением на старые места своих разбежавшихся крестьян. Он стал просить правительство о продлении этого срока и 22 февраля 1614 года получил просимое: срок был удлинен для монастыря до 9 лет.

Но и удлинение срока помогло мало. Через год монастырь опять жаловался, что те землевладельцы, у которых жили беглые троицкие крестьяне, «учинились сильны. . ., крестьян вывозить им за себя не дали, а которые были вывезены, и они тем крестьянам хлеба не дали, и те крестьяне к ним, к хлебу, опять выбежали, а иных к себе насильством поимали». Одни из таких нежелавших отдавать беглых троицких крестьян, вроде думного дворянина Кузьмы Минина, отказывали вежливо: «мне-де тех троицких крестьян без государева указу не отдавать, потому что теми крестьяны государь пожаловал меня», а другие поступали иначе: князь Роман Петрович Пожарский «учинился силен» и, «скопяся против государева указу великим скопом, да свозчика. . . и троицких крестьян, которые с ним [свозчиком] приеждяли, хотели побити до смерти и впредь к себе для тех троицких крестьян въеждяти не велел: государева-де мне указу не слушивати». Монастырь докладывал о таких случаях государю, но дело сбирания и водворения крестьян на старые их места двигалось плохо. Это у богатейшего монастыря. Что же говорить о среднем дворянстве, служилом человеке?

От дворян-помещиков сыпались царю жалобы не только на невозможность вернуть своих крестьян, но и на тех землевладельцев, которые, собирая своих беглых, требовали от помещиков крестьян, незаконно у них прижившихся-

ся. Жаловались между прочим и на Троицкий монастырь в том, что этот последний вывозит от них не только бежавших за 9 лет перед этим, но и за 20 лет и больше.

Царь даже обещал ограничить энергию монастырских свозчиков, но этого почему-то не сделал.

Правительство уже в 1642 г. увеличило срок возврата беглых до 10 лет, а увезенных («вывозных») даже до 15 лет, но дворянину этого было мало. Фактически он не мог использовать этот закон за отсутствием каких-либо средств розыска и свозки своих беглых. Дворянину-служилому человеку хотелось полного уничтожения «урочных годов», т. е. полного права на крестьян, и он поставил себе целью добиться этого.

После хозяйственной разрухи 70—80-х годов XVI века и особенно после крестьянской войны и «Смуты» появилось в правительственной и частновладельческой практике новое отношение к земле и рабочим рукам. Если до этих событий землевладелец традиционно привык смотреть на крестьянина как на естественную принадлежность своей земли, которая его исправно кормит, то во время крупнейших общественных и политических потрясений в стране землевладельцы легко могли убедиться в том, что крестьянин отделим от господской земли. Опыт показал, что сам крестьянин не склонен терпеть любые условия пребывания на господской земле. Пришлось отказаться от прежнего привычного взгляда на землю. Если в XV—XVI вв. подати собирались с пашни, т. е. с обрабатываемой земли, и в основу составления писцовых книг клался именно этот показатель, то после «Смуты» составляются уже не писцовые, а переписные книги, где учитывается не земля, а количество крестьян, причем не только взрослых, работоспособных, но и детей в качестве будущих работников.

С конца XVI века уже подготовлялась эта новая практика. Отдельщики поместий обращают прежде всего внимание на количество крестьянских и бобыльских дворов, а потом уже отмечают и количество земли. В 1626 г. вологодские помещики жаловались: «А дачи за нами... небольшие, и в оклады нам не сполнено, а на 100 четвертей доставалось всего по 4 крестьянина, а на 80 по 3 крестьянина, а на 50 по 2 крестьянина».

В связи с этим стоит и введение так называемой «живущей четверти». С 1620 г. в разное время для разных городов стали издаваться указы, «по чему крестьян и бобылей в живущую пашню в четь класть». Помещики ста-

новятся на ту точку зрения, что они служат с крестьян, а не с земли, и правительство с ними соглашается: в 1633 г. перед отправлением в Смоленский поход служилые люди обратились к царю с просьбой выдать им жалованье, так как они бедны, и им с наличного количества крестьян «подняться и на службе быть не мочно». На это последовал приговор: «выдать государева жалованья беспоместным и пустопоместным по 25 руб., у кого до 15 крестьян — 20 рублей, а за кем больше 15 крестьянинов, и тем жалованья не давать».

Так подготовлялся переход исчисления доходности имения с количества распаханной земли на количество крестьянских душ.

Крестьянский вопрос обострился. «Заповедные годы» рассчитаны были на удержание крестьян на месте по крайней мере на время хозяйственного расстройства страны. «Урочные лета» дали некоторую отдушину не столько крестьянам, сколько наиболее ловким и богатым землевладельцам. Борис Годунов ввиду нараставшего крестьянского движения вынужден был разрешить, правда, не полностью крестьянам выход. Меры Димитрия Самозванца и Василия Шуйского носили характер временный, поскольку и судьба самих этих царей была скоропреходящей.

Во время сложных событий «Смуты» крестьянский вопрос не сходит с программы различных политических группировок.

Права землевладельцев на крестьян, возникшие до этих событий, не возбуждали сомнений у новых представителей власти, кто бы они ни были: эти права признаются в Москве и в Тушине и в временно отошедшем к Швеции Новгороде.

Опасение эмансипаторской политики со стороны царя-иноземца Владислава, который мог повторить опыт Годунова, вылилось в форму особого соглашения с польским королем Сигизмундом. Перед опасностью восстания деревенских низов боярство и дворянство нашло общий язык, и правнуки Пересветова соглашались теперь отдать по крайней мере добрую долю власти «ленивым богатинам», лишь бы удержать самим свои права и привилегии, в частности права на крестьян. Последнее и гарантировалось особым договором с Сигизмундом. Бояре, становясь московским правительством, обещали дворянству от лица Владислава «жалованье давати из Четверти по всякий год, по прежнему обычаю». О крестьянах сделана была специ-

альная оговорка: «торговым и пашенным крестьянам в Литву из Руси и из Литвы на Русь выходу не быти, также и на Руси промеж себя крестьянам выходу не быть» (холопы тоже должны были попрежнему оставаться в холопстве). Соглашение это состоялось 17 августа 1610 г., а в ноябре того же года Владислав, давая наказ С. Левшину для управления Чухломой, предписывал крестьян «беречи.. от продаж и насильств, и крестьян из-за государя никуда не выпускать, и самому не вывозить ни от кого» «до государева указу». От 15 мая 1611 г. мы имеем жалованную грамоту Сигизмунда Якову Маржерету на вотчину. В грамоте написано: «ему, капитану,... тою вотчиною владети, крестьянам его слушати во всем, пашню на него пахать и доход ему всякой платити, *да крестьяном же из-за него* за бояр наших, и за окольничих, и за дворян, и за детей боярских, и за патриарха, и за монастырь *не выходить и никому их не вывозити»*. Вышедших, т. е. беглых, велено возвращать назад. Собравшись под Москву вместе с казаками, в самую критическую минуту 30 июня 1611 г. дети боярские не забыли приговорить «крестьян и людей по сыску отдавать назад старым помещикам».

В 20-х годах XVII века хозяйственное расстройство всей Русской земли было еще более серьезным, чем в 70—80-е годы XVI века; вопрос о материальном обеспечении служилого человека стал острее, и его политическое значение выросло.

Хозяйственный развал ликвидировался успешно (об этом наглядно говорит сравнение писцовых книг 1582 и 1592 гг.), но получивший в свое распоряжение крестьянские руки землевладелец не только не склонен был от них отказаться, но обнаруживал давнюю тенденцию к расширению своих прав. Его решительно не удовлетворяли «урочные годы», даже и доведенные до 10—15 лет. В ходе борьбы за их отмену мы имеем возможность следить едва ли не за каждым шагом служилого человека. Настойчивость, с какой дворянин добивался своей цели, очень показательна. Она говорит нам о том, что дворянин не был нейтральным зрителем процесса закрепощения и в XVI веке. Недостаток документов, способных осветить эту борьбу за крестьян в XVI веке, не должен нас смущать. Утрата этих документов есть только потеря для науки, но нисколько не говорит об отсутствии активности борющихся сил за свои кровные интересы. В 30—40-х годах XVII века дворяне,

пользуясь всяким удобным случаем, посылают царю коллективные челобитья.

20 февраля 1637 г. дворяне в челобитной писали, что сильные люди сманивают у них крестьян и отводят в дальние свои поместья и в вотчины, «надеючись на.. государевы на указные годы на 5 лет». «И как твои государевы указные годы и выйдут, — продолжают жаловаться дворяне, — и они [сильные люди] привозят тех наших беглых крестьян и людишек в ближние свои поместья и в вотчины, которые их поместья с нами... смежно, и емлют на них ссудные записи во многих ссудах и достальных наших крестьянишек... из наших поместий и вотчин подговаривают... Милосердый государь и великий князь Михаило Федорович всея Руси. Пожалуй нас, холопей своих, за прежнюю нашу службишку и за крови для нашей бедности и разорения... как было при прежних государях... вели, государь, те урочные годы пять лет отставить...»

Подобные челобитья подавались и в 1641 г.

В год смерти Михаила Федоровича они подают уже более резкое заявление о том, что «от служеб обедняли и одолжали великими долги и коньми опали и поместья их и вотчины опустели, и домы их оскудели и разорены без остатку от войны и от *сильных* людей». Так они мотивировали требование отменить «урочные лета». Новый царь ответил отказом: «той статье о крестьянах быть по уложению прежних государей, и, как учинено при его государеве отце..., во 149 [1641] году, что перед уложением прежних государей прибавлено пять лет и учинено вдвое 10 лет» (указ 19 октября 1645 г.).

В следующем 1646 году правительство, однако, в наказе писцам к предстоящей новой переписи населения дало разъяснение: «как крестьян и бобылей дворы их перепишут, и по тем переписным книгам крестьяне и бобыли и их дети и братья и племянники будут крепки и без урочных лет». Это, однако, только обещание. Дворяне имели основание не верить, и в 1648 г., когда опять зашаталась Московская земля, и явно встал призрак большого народного движения, дворяне снова обратились с челобитьем к царю, в котором слышится больше угроз, чем просьб. Они снова указывали на то, что, бывая на царских службах «по вся годы», лишены возможности в течение 10-летнего срока бороться с сильными людьми за возвращение своих беглых. Еще и еще они рассказывали повесть о своих бедствиях и требовали: 1) полной отмены урочных лет,

2) запрещения принимать беглых и наложения наказания за их прием, 3) пытки для убежавших и скрывающихся под чужим именем крестьян.

Это челобитье слушалось в обстановке московского восстания, в котором дети боярские принимали самое активное участие. Оно имело успех. Созванный, по совершенно справедливому замечанию патриарха Никона, «боязни ради и междуусобия от всех черных людей», Земский собор, где, однако, решительно преобладали служилые и посадские люди, полностью удовлетворил все эти требования. Глава XI Уложения, утвержденного Собором, особенно статьи 2, 3 и 22 ответили на все эти пункты в том смысле, как этого хотели служилые люди. XI глава Уложения — блестящая победа помещика, итог его полувековой борьбы за отмену урочных лет, за установление крепостного права в самом полном значении этого термина.

Беглые крестьяне, если они были записаны за землевладельцами в писцовых, отдельных или отказных книгах, насильно возвращаются на старые места «без урочных лет», возвращаются они «с женами, детьми и со всеми животы [имуществом] и с хлебом стоячим и с молоченным»; если крестьянские дети, не желая возвращаться к прежним владельцам, будут отказываться от своих отцов и матерей, таких детей для выяснения правды Уложение предписывает подвергать пытке. В то же время Уложение узаконило старые сделки на крестьян и тем самым подчеркнуло законность сделок на крестьян без земли. У кого из землевладельцев до Уложения относительно беглых крестьян и бобылей были заключены «полюбовные сделки», «кто кому своих крестьян поступился и записьми укрепился или челобитные мировые подали» — все эти соглашения Уложение признает вполне законными и не подлежащими новому рассмотрению.

Эти «полюбовные сделки» часто — не что иное, как замаскированная купля-продажа крестьян без земли. Вот, например, «сделка» 1620 г. Каширский помещик Дорофей Писарев бил челом о своих беглых крестьянах, Треньке Иванове и Ивашке Богданове, живших в беглых за Троицким Сергиевым монастырем. Писарев еще до суда со стряпчим Троицкого монастыря «помирились»: Писарев «того Треньку Иванова и Ивашку Богданова *поступился* в дом живоначальные Тройцы с женами и с детьми и со всеми их крестьянскими животы во веки». Писарев обязуется больше не обращаться в суд, «потому что, — пи-

шет он в поступной, — я Дорофей за тех крестьян у троицких властей взял 50 рублей денег» (Дьяконов, Акты тяглого населения, II, № 42).

СУДЬБА КАБАЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ В КОНЦЕ XVI И XVII вв.

Процесс усиления зависимости крестьян и превращения их в крепостных (leibeigene) не мог не коснуться и других категорий населения, вынужденного работать на своих господ, поскольку ставился и решался вопрос не крестьянский в узком смысле этого термина, а вопрос об обеспечении рабочими руками землевладельцев. Если крестьянин до закона о заповедных годах, т. е. до 1581 г., имел право в Юрьев день по соглашению со своим хозяином уходить от него, то кабальный человек приблизительно до того же времени (точных данных у нас нет) имел право уходить от своего господина по истечении срока договора и даже до его истечения, конечно, при соблюдении известных условий. В «Митрополичьем правосудии» мы видели закупа, явившегося в суд по делу о расторжении договора со своим господином. «Несть ему вины, — говорит закон, — но дати ему вдвое задаток». Приблизительно то же мы видим и в ранних «служилых кабалах», где оговаривается возможность для кабального человека уйти от своего хозяина и до истечения срока: «А не похочю у него работать до сроку, и мне ему [хозяину] дати деньги его все и с ростом по расчету, как дают на пять шестой», т. е. кабальный человек в случае досрочного ухода должен вернуть хозяину взятую у него при заключении договора сумму и сверх того от этой суммы 20% годовых.

В то время, когда крестьянин потерял право выхода, распрощался с Юрьевым днем, кабальный человек тоже потерял право ухода от своего хозяина. До нас не дошли подлинные распоряжения власти по этому предмету. Но ряд показаний источников позволяет об этом говорить с полной определенностью. Мы имеем сведения о том, что 1 июня 1586 г. было издано «уложение» царя Федора Ивановича о кабальных людях. Этот закон до нас не дошел, но основной смысл его ясен, так как последующее «новое уложение» 25 апреля 1597 г. трактует по-новому как тех кабальных людей, которые дали на себя кабалу до 1 июня 1586 г. (а с какого именно срока, ничего тут не говорится), так и тех, кто записался после 25 апреля 1597 г. И те и другие кабальные люди называются уже

по-новому «холопами», теряют право уходить от своих господ. Зависимость их делается пожизненной (до смерти господина). По смерти своих господ они делаются свободными.

Устанавливаемая таким образом зависимость кабального холопа есть зависимость временная и сильно отличается от рабства еще и тем, что господин кабального холопа не имеет права распоряжения его личностью. Господин не может его ни продать, ни подарить, ни завещать. Власть над кабальным человеком не переходит к наследникам господина.

Работа по найму, т. е. так называемое «добровольное холопство», по уложению от 25 апреля 1597 г. тоже подверглась утеснению. Человек, работающий по найму, мог работать без кабалы не больше полугода; по истечении этого срока он принуждался к записи в кабальное холопство («потому что тот человек того добровольного холопа кормил и одевал и обувал»). Этим последним установлением отменялся закон Ивана Грозного 1555 г., по которому добровольная служба без всяких сроков признавалась вполне законной. Этот закон даже защищал наемного человека от крепостнических покушений хозяина. Обвинение хозяином уходящего работника в краже закон рассматривал как один из способов удержания за собой насильно работника и с такими попытками боролся («он [хозяин] его [работника] не хотя отпустити, на нем ищет сноса», «на тех людей суда не давати»).

Совершенно ясно, что в судьбе людей кабальных и добровольной службы мы имеем два периода: первый до 1 июня 1586 г., когда кабальные люди имели право уходить от своих хозяев, а добровольный слуга был свободен служить или не служить у своего хозяина, а второй после 1586 и особенно после 1597 г., когда кабальный человек стал пожизненным (до смерти господина) холопом, а добровольный работник только до полугода мог работать вольно.

Очень интересно прокомментировал смысл этого закона Карамзин: «Закон, — пишет он, — изданный в Федорово время единственно в угодность знатному дворянству, об укреплении всех людей, служащих господам не менее 6 месяцев, совершенно прекратил род вольных слуг в нашем отечестве. Закон недостойный сего имени своего явною несправедливостью».

Трудно согласиться с Карамзиным, что в этом законе заинтересовано было только «знатное дворянство». Скорее можно допустить, что именно небогатая часть дворянства, не имевшая средств к переманиванию к себе рабочих рук, была заинтересована в отмене права выхода кабального человека. Более точно по этому предмету высказался М. А. Дьяконов, когда писал, что отмена права выкупа кабальных состоялась в интересах хозяев (он их называет «рабовладельцами»), не желавших допускать переманивания кабальных.

Несомненно, что это одна из крупных деталей процесса закрепощения, к чему так неуклонно и энергично стремились прежде всего служилые люди — помещики.

Но мы не должны забывать, что кабальные люди были не только в деревнях, но и в городах, где, повидимому, была сосредоточена главная их масса, благодаря чему они имели больше возможности выступать в защиту своих интересов более сплоченно, чем крестьянство. Это обстоятельство сыграло известную роль в истории борьбы закрепощаемой и закрепленной массы со своими закрепостителями.

Помещик и посадский человек настаивали на дальнейшем укреплении за собой кабальных. Известный создатель русской журналистики и отчасти и историк Новиков, очевидно на основании каких-то недошедших до нас летописей, указывает, что «помещики захотели было кабальных сравнить с полными холопами; но, сии, собравшись, подали царю Василию Ивановичу Шуйскому на таковые притеснения прав своих челобитную, а сей государь и подтвердил старинные их права». Далее, тот же автор сообщает, что «царь Борис и царь Василий Иванович Шуйский издали было указы о вольности холопей, но сии, получа свободу, употребили оную в крайний государству вред, почему скоро по издании оных указов обоими самими государями паки оные уничтожены». Здесь же мы имеем и расшифровку того, что разумел Новиков под «крайним государству вредом». Оказывается, что «холопы [конечно, кабальные], по смерти господ своих делавшиеся вольными [по закону 1597 г.], между избранием себе новых господ большею частию делались предводителями шаек разбойничьих», Российские летописи, продолжает тот же автор, «единогласно свидетельствуют о сих ужасных по всем дорогам и большим рекам происходивших разбоях и убийствах, что особливо сказалось во время царя Бориса и

Василия Ивановича Шуйского, когда ими дарована была свобода холопам».

Точно такое же суждение по этому предмету высказывал и историк XVIII в. Татищев. По его мнению, крепостное право и холопство «согласует с нашею формою правления монаршеского». «Вкоренившийся обычай неволи переменить не безопасно, как то при царе Борисе и Василие от учинения холопей вольными приключилось».

Настойчиво повторяемые сведения о даровании свободы кабальным холопам при Борисе и Василии имеют все основания считаться достоверными, так как они подтверждаются фактами. Но в объяснение цитированными писателями XVIII в. мотивов и причин этой мимолетной «свободы» крестьян и холопов мы должны внести значительные поправки. Суть дела не в том, что кабальные люди «собрались» и подали царю Василию Ивановичу Шуйскому челобитную, а в том, как могло случиться, что холопы получили возможность собраться, сговориться, протестовать и, хотя бы на время, но добиться некоторого успеха. Опять приходится вспомнить «в народе волнение велие», которого не могли не учесть ни Борис, ни тем более Василий. Волновались различные категории народа и прежде всего закрепощаемые — крестьянство и кабальные люди. Борис был вынужден вернуть крестьянам, правда на 2—3 года, Юрьев день, а кабальным людям право ухода от своих господ, т. е. то положение, какое было до указов 1586 и 1597 гг.

Запоздалый закон об отмене заповедных годов (1601, 1602 гг.), шедший по пятам разрастающейся крестьянской войны, не мог быть одиноким: нельзя было, дав крестьянам выход, оставить кабальных в прежнем положении.

Весьма вероятно, летопись, на которую глухо ссылается Новиков, изображала выступление Хлопка. «Новый летописец», указывая в качестве причины умножения «разбоев в земле Русской» на лихоимство, дает повод думать, что Хлопко шел во главе восставших кабальных холопов прежде всего. Меры, принимаемые против него царем Борисом, не достигали цели («ничего им (восставшим. — *Б. Г.*) не можаху сотворити»). А между тем «разбойники» приближались к Москве. Царский воевода Иван Федорович Басманов сражался с ними по всем правилам военного искусства и пал в бою. Хлопко в конечном счете был разбит. Это, конечно, не выступление «разбойников», а начало гражданской войны. 16 августа 1603 г. Борис счел

необходимым распорядиться, чтобы в Москве и городах холопы, ушедшие от господ своих вследствие голода и не получавшие от них отпускных, шли бы в Холопий приказ, где им обещалась выдача отпускных помимо воли господ.

Состояние русского общества при преемнике Бориса Василии стало еще сложнее. Один, царь бояр и купцов, сидел в Москве, а другой, ставленник Польши, — в Тушине. Между ними шла война. Сражались не только оружием. Пускали в ход прокламации и обещания, сманивали людей чинами, деньгами и землями, прибегали и к другим средствам, рассчитанным на ослабление противника и усиление своих собственных позиций.

Одной из таких мер, диктуемых чувством самосохранения и регулируемых положением войск Шуйского на фронте, была и политика Шуйского по отношению к кабальным холопам. Не секрет, что Василий Шуйский в своей политике находился между двух огней: бояре и купцы, посадившие его на престол, нередко расходились со своим ставленником по ряду вопросов и в том числе и по вопросу о кабальных холопах. По этому поводу Владимирский-Буданов замечает, что «законы, изданные им (Шуйским. — *Б. Г.*), отличаются признаками произвола, отступления от принятых начал законодательства и потому колебаний и шатости». Это впечатление историка права, не учитывавшего всей сложности обстановки данного момента и склонного видеть перед собой лишь эволюцию правовых норм, якобы развивающихся из самих себя, навеяно несомненной нервозностью «Указной Книги Приказа Холопьего Суда».

Если же мы примем во внимание сложность момента, остроту классовой борьбы в начале XVII века, мы не станем удивляться несомненным фактам «отступления от принятых начал законодательства».

Действительно, если начать наши наблюдения над распоряжениями власти по вопросу о кабальных людях с «Царского Судебника», то мы, конечно, заметим очень большие сдвиги в мероприятиях власти.

Царский Судебник в свое время признавал право кабального человека на уход его от хозяина по уплате взятой им при заключении договора суммы, независимо от того, кто будет платить эту сумму, сам ли кабальный человек или его новый хозяин, и запрещал кабалить его на всю жизнь. Закон 1555 г. стоит на той же позиции. Пра-

вительство сошло с нее в первый раз, насколько нам известно, в 1586 г., а может быть, и несколькими годами раньше, и резко подчеркнуло новый курс еще раз в 1597 г.

Но начиная с 1603 г., идет целый поток законов совсем в обратном направлении, в сторону облегчения положения кабальных. Не трудно понять, чем это объясняется. Стоит только учесть обстоятельства этого времени — голод, нарастание народного движения, вмешательство в жизнь страны непрошенных соседей, и нам станет понятна растерянность власти, вынужденные компромиссы во внутренней политике.

В 1603 г. Приказ Холопьего Суда, под давлением нарастающего народного движения, стал давать кабальным отпускные даже вопреки воле их господ, если кабальные могли доказать, что уходили от своих господ от голода в поисках работы. Враждебно настроенные к Шуйскому эти господа имели все основания быть недовольными своим царем. Как-никак это, ведь, все-таки, вольность холопей и притом данная помимо воли господ и вопреки ей.

В 1606 г. подтверждается запрещение записывать кабального человека одновременно за двумя родственниками во избежание превращения кабальной зависимости из пожизненной в потомственную. В следующем 1607 г. подтверждается и даже расширяется уже преданный было забвению принцип добровольности кабального холопства. Проработавший «полгода или год или больше» может, вопреки ясному смыслу закона 1597 г., и не давать на себя кабалы, если этого не пожелает. После этого люди стали жить без кабал лет «по 5, 6, 10 и больше» и не думая давать на себя кабал. В 1608 г. (закон 9 марта) Шуйский в этом направлении идет еще дальше. Он решительно возвращается к Судебнику 1550 г. и дает распоряжение о том, чтобы на вольных людей записей о пожизненной службе не брать и в записные книги Холопьего приказа таких сделок не записывать, «а имати записи на вольных людей всяким людем на урочные лета по прежнему уложению», т. е. по Судебнику Ивана Васильевича Грозного.

Когда же правительство Шуйского после поражения тушинцев летом 1609 г. почувствовало под собою более прочную почву, вопрос о кабальных людях был поставлен в Боярской Думе, и 12 сентября 1609 г. «бояре все тот прежний приговор 115 (1607 г.) указали отставить, а приговорили: о добровольном холопстве быти той статье по государеву прежнему указу, как уложено... блаженные

памяти при государе царе и великом князе Федоре Ивановиче всеа Русии 105 (1597) году». Иными словами, Дума восстановила самый суровый о кабальных людях закон.

Это произошло тогда, когда выяснилась неустойчивость обоих правительств (Московского и Тушинского), когда бояре сделали ставку на соглашение с Сигизмундом, с именем которого они связывали свои надежды на восстановление строя, для них наиболее желательного. Наступил момент, когда фактические руководители политики могли раскрыть свое подлинное отношение к крестьянскому вопросу в целом.

* * *

В середине XVII века положение различных категорий зависимого сельского населения оформилось с достаточной четкостью. Но на этом дальнейшее развитие крепостного права не остановилось. Начавшийся процесс превращения поместья в вотчину окончательно завершился при Петре I. Положение крепостных крестьян стесняется еще больше. В 1741 г. крепостные устраняются от принесения присяги на верность государю, т. е. вычеркиваются из числа граждан. Указ 14 декабря 1747 г. разрешает помещикам продавать крестьян кому угодно для отдачи в рекруты; указ 13 декабря 1760 г. дозволяет помещикам ссылать своих крепостных в Сибирь.

При Екатерине II крепостное право достигает высшей точки своего развития, но в то же время жизнь настойчиво ставит вопрос о хозяйственной целесообразности крепостного права. Та же Екатерина II в Вольном Экономическом обществе в 1765 г. ставит на обсуждение задачу о том, что выгоднее для России — крепостной или свободный труд, и премирует автора, решившего вопрос в пользу преимуществ свободного труда.

Крепостное право на наших глазах завершает полный круг своего диалектического развития. В XIX веке на смену крепостной форме эксплоатации вместе с победой капитализма идет новая форма эксплоатации «свободного» рабочего.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1.

1391 г. октября 21.— Уставная грамота митрополита Киприана Константиновскому монастырю

Се яз Киприан, митрополит всеа Руси, дал есмь сю грамоту монастырю своему святому Констянтину и игумену. Что ми били челом сироты монастырские на игумена на Ефрема, так ркучи: наряжает нам, господине, дело не по пошлине, чего, господине, при первых игуменех не бывало, пошлины, господине, у нас емлет, чего иные игумены не имали. И игумен митрополиту так рек: яз, господине, хожу по старой пошлине, как было при первых игуменех; а здесь, господине, на Москве игумен Царко, тот игуменил у Святаго Констянтина перед мене, того, господине, и вспроси. И митрополит послал Окинфа к Царку к игумену, занеже тогды Царко не издоровел, и велел вспросити: какова пошлина в Святом Констянтине и как людем монастырским дело делати. И Царко игумен так отвечал Окинфу: при моем игуменстве так было в Святом Констянтине: большим людем из монастырьских сел церковь наряжати, монастырь и двор тынити, хоромы ставить, игумнов жеребей весь рольи орать взгоном, и сеяти и пожати и свезти, сено косити десятинами и в двор ввезти, ез бити и вешней и зимней, сады оплетать, на невод ходити, пруды прудить, на бобры им в осенине поити, а истоки им забивати;[1] а на Велик день и на Петров день приходят к игумену, что у кого в руках; а пешеходцем из сел к празднику рожь молоти и хлебы печи, солод молоть, пива варить, на семя рожь молотить; а лен дасть игумен в села, и они прядут, сежи и дели неводные наряжают; а дают из сел все люди на праздник яловицу (но одинова ми, господине, добили челом, а не в пошлину, треми бараны, и яз их пожаловал за яловицу, занеже ми была ненадобе яловица, а по пошлине по старой всегды ходит яловица на праздник); а в которое село приедет игумен в братшину, и сыпци дают по зобне овса конем игуменовым. И Окинф те речи игуменовы Царковы сказал все митрополиту. И потом Царко игумен омоглся и пришед самому митрополиту те речи все сказал, что приказал с Окинфом к митрополиту. И потом яз Киприан митрополит всеа Руси вспросил есмь в Володимери своих бояр, того монастыря пошлин и о яловице о праздничной, Михаила Биреева, Юрья Протопопина, Ивана, своего повара; и не ми те ж речи сказали, и о озерех и о истокех и о бобровой ловле. И Киприан митрополит всеа Руси так рек игумену и христианом монастырским: ходите ж вси по моей грамоте; игумен сироты держи, а сироты игумена слушайте, а дело монастырское делайте;

[1] В одном из списков: «...а истоки им забивати селятин и вычахорьской».

а хотя кто будет иный игумен по сем игумене, и тот ходит по сей моей грамоте. А сю грамоту велел есмь положити в церкви игумену и людем, а никоторый игумен сее грамоты из монастыря да не вынесет; аще ли вынесет, не буди на нем милости божиа и моего благословениа. А дана грамота на Москве в лето 6900 месяца октября в 21 день, индикта 15.

Назади подпись: сее грамоты князь великий рушити не велел, а пожаловал игумена по сей грамоте, что в ней писано. А подписал великого князя диак Иван. Рыболове мои великого князя не въезжают в монастырские озера.

Сее грамоты Иона митрополит всеа Руси не рушил; а велел игуменом и христианом по старине и по сей грамоте ходити о всем. А подписал, по митрополичу слову, митрополич дьяк Карло.

А. А. Э., т. I, № 11.

2.

1410—1417 гг. — Жалованная грамота нижегородского князя Александра Ивановича Благовещенскому монастырю на податные и судебные льготы

Святаго для Благовещениа се яз князь Александр Ивановичь пожаловал есмь игумена Благовещенского с братьею: что люди монастырские пошлые в городе и в селех, коли придет моа дань, и игумен за них заплатит по силе; а опричь того не надобе им ни мыт, ни тамга, ни побережное, ни костки, ни осмничее, ни становщики, ни езовники не ездят ни по что, ни езу им не бити, ни лугу им не косити, ни наместници мои к тем людем не всылают, ни судят их, ни доводшики к ним не въезжают ни по что, оприче душегубства и розбоя; ведает и судит их игумен или кому прикажет; а будет суд смесной, и наместници мои судят, а игумен с ними или кому прикажет. А тутошних людей становых игумен в монастырь не примает; а кого к себе игумен призовет людей из иного княженья, а не из моее отчины, и тем людем пришлым не надобе моа дань на 10 лет, ни ям, ни подвода, ни мыт, ни тамга, ни инаа никотораа пошлина; а уживут 10 лет, и они потянут с старожильци по силе. А к тем людем также наместници мои не всылают, ни судят их; судит игумен свои люди сам, или кому прикажет; а случится суд смесной, и игумен судит сь наместники, а прибытком ся делят наполы. А через сию мою грамоту кто их чим изобидит, или что у них возьмет, быти от меня в казни. А дана грамота июля того лета, коли князь Александр Ивановичь сел на своей отчине на Новегороде. А на которую грамоту свою грамоту дам, а на сю грамоту грамоты нет.

А. А. Э., т. I, № 17.

3.

1423 г. февраля 20. — Жалованная грамота великого князя Василия Дмитриевича Спасо-Благовещенскому монастырю об освобождении от пошлин людей, поселенных монастырем на пустошах на Лыскове и Курмыше

Святого деля Спаса и святого деля Благовещенья се яз князь великий Василей Дмитреевичь пожаловал есмь архимандрита Спасьского и Благовещенского Малахеа, или кто по нем иный архимандрит будет: что у него пустоши монастырские на Лыскове и на Кур-

мыше, Савины Сюзева пустоши да Митроховскаа пустошь да пустынка на Стобищах, и кого к себе на те пустоши перезовет людей и тутошних старожильцев, и тем людем на три года не надобе никатораа моа дань, ни писчаа белка, ни ям, ни подвода, ни инаа никоторая пошлина. А кого к себе перезовет людей из иных княженей, а не изь моеа отчины из великого княжениа, и тем людем пришлым на десять лет не надобе никотораа моа дань, ни писчаа белка, ни подвода, ни ям, ни тамга, ни мыт, ни костки, ни восьмничее, ни весчее, ни езовое, ни побережное, ни становщики мои к ним не въезжают ни по что, ни наместници мои Курмышские ни Лысковские, ни стольник, ни посельской, ни их тиуни, не всылают к тем людем пришлым доводшиков своих поборов брати, ни судят их, опроче душегубства и розбоя с поличным; а судит тех людей архимандрит сам или кому прикажет; а смешается суд тем людем пришлым с городскими людьми или с волостными, и наместници мои, или волостели, или их тиуни судят, а архимандрит с ними же судит, или кому прикажет, а прибытком ся делят. А как отсидят те люди пришлые урочные лета, и они потянут с монастырскими людьми по силе; а коли придет моа дань князя великого и архимандрит за них сам платит мою дань по силам. А что ми сказывал архимандрит Малахей, что перенял моих сирот, Черньцевых детей, Вешняка да Палку да Яковка, а они пошли из моее отчины и он их у себя осадил, и тех людей ведает и судит архимандрит сам по пошлине, а дает с них дань мою по силам. А у кого учинится какова гибель и кто пригонит какой след на монастырские земли Спасьские к кому на чью землю, и государь тое земли обрез у него возмет да следом ведет; а не сведет следу с своее земли, и гибельщик у него обыщет двор и поимает, а не вымет поличного, ино у него гибель пропала, а тому государю гибели не платить, у кого ся след утеряет; а кого позовут на след, а он на след не пойдет, или обреза не возмет, и тому та гибель платить. А через сю мою грамоту кто на ком что възмет, или чим изобидит, быти от меня в казни. А на которые грамоты свои грамоты даю, а на сию грамоту иные моее грамоты нет. А дана грамота на Москве февраля в 20 день в лето 6931.

А. А. Э., т. I, № 21.

4.

1426 г. Жалованная грамота великого князя Василия Васильевича м. Фотию об освобождении сел митрополичьего Константиновского монастыря от платежа податей на срок

Се аз князь великий Василей Васильевичь, отца своего для Фотия митрополита киевского и всеа Русии, пожаловал есмь его монастыря Константиновскаго и сел, что к тому монастырю тянуть, хто будет ис того монастыря и с сел того монастыря, разошлись куды люди по которым местам, и как придут опять на свои места, ино им на пять лет не надобе никакая моя дань, ни писчая белка, ни ям, ни подвода, ни иныя никоторыя пошлины, ни городное дело. А хто придет в тот монастырь и в села того монастыря людей из иных княжений, а не из моей отчины, из великаго княжения, и тем людям пришлым на десять лет не надобе никоторая моя дань, ни писчая белка, ни ям, ни подвода, ни иные которые пошлины, ни

городное дело. А хто сее моее грамоты ослушается, быти от меня в казни. А дана грамота в Володимири, марта в 20 д. в лето 6934.

Горчаков. О земельных владениях всероссийских митрополитов. СПБ., 1871. Прилож., стр. 11—12.

5.

Около 1450 г. — Грамота белозерского князя Михаила Андреевича Федору Константиновичу об отпуске серебреников Ферапонтовой пустыни только в Юрьев день

От князь Михаила Андреевича Федору Костянтиновичу. Присылал ко мне игумен Еким и старець Мартемьян Ферапонтовы пустыни и вся братья, старца Еустратья, а бил ми челом о том, а сказывает, что являл им староста Волоцкой мою грамоту такову, что им приимати к себе в волость, в твой путь, на Волочек из Мартемьяновских деревен монастырьские половники в серебре межень лета и всегды; да кто деи выйдет половник серебряник в твой путь, ино деи ему платитися в истое на два года без росту. И яз пожаловал игумена Екима и старца Мартемьяна и всю братью, и ты бы манастырьских людей серебреников от Юрьева дни до Юрьева дни не принимал, а принимал бы еси серебреники о Юрьеве дни о осеннем; и которой поидет о Юрьеве дни манастырьских людей в твой путь, и он тогды и деньги заплатит. А ту есми полетную подернил, а игумену есми и всей братьи от Юрьева дни до Юрьева дни из своих деревень серебреников пускать не велел, а велел есми им серебреников отпускать за две недели до Юрьева дни и неделю по Юрьеве дни. А которые будут вышли в манастырьском серебре в твой путь, и они бы дело доделывали на то серебро, а в серебре бы ввели поруку. А осень придет, и они бы и серебро заплатили. А прочет сию грамоту да отдай назад игумену Екиму и старцу Мартемьяну и всей братьи.

На обороте: Князь Михайло Андреевичь. *Черновосковая печать.*

А. А. Э., т. I, № 48, I.

6.

Около 1450 г. — Грамота белозерского князя Михаила Андреевича белозерскому наместнику об отказе серебреников Кирилло-Белозерского монастыря только в Юрьев день

От князя Михаила Андреевича на Белоозеро к наместнику, и ко всем боярам, и детем боярьским, и околичником, и посельским моим, ко всем без оменки. Бил ми челом отець мой игумен Касьян Кирилова монастыря, а сказывает, что у него отказываете людей монастырьскых серебреников, и половников, и рядовых людей, и юрьевских, а отказываете не о Юрьеве дни, иных о Рожестве христове, а иных о Петрове дни. И вы бы так серебреников, и половников, и слободных людей не отказывали. А отказати серебреника и половника о Юрьеве дни, да и серебро заплатит. А после Юрьева дни отказа от серебреника нет. А коли серебро заплатит, тогды ему и отказ. А игумну есми серебреника после Юрьева дни пускати не велел. А кто сей моей грамоты ослушает, быти от меня в казни.

А. А. Э., т. I, № 48, II.

7.

1455—1462 гг. — Жалованная грамота великого князя Василия Васильевича Троицкому Сергиеву монастырю, запрещающая выход людей из монастырских сел в Угличском уезде

Се яз князь великий Василий Васильевич пожаловал есмь Троицьского игумена Васьана Сергеева монастыря з братьею. Что их села в Оуглечьском оуезде, и которые люди от них вышли из их сел в мои села великого князя или в села в моее великее княгыни и в боярьские села сего лета, не хотя ехати на мою службу великого князя к берегу, и яз князь великый пожаловал игумена Васьяна з братьею велел есмь те люди вывести опять назад. А которые люди живут в их селах нынеча, и яз княз великый тех людей не велел пущати прочь. А надобен будет пристав посельскому монастырскому, и он емлет пристава оу моего наместника оу Оуглечского на те люди, которые от них вышли.

Желтовосковая средней величины печать, отчасти искрошившаяся с изображением человеческой фигуры и двух животных. Вокруг надпись.

А. Ю. Б., т. I, № 37.

8.

1455—1462 гг. — Жалованная грамота великого князя Василия Васильевича Троицкому Сергиеву монастырю о том, чтобы люди бежецких наместников не ездили незваные на пиры монастырских крестьян села Присеки, и с запрещением отказа этих крестьян

Се яз князь велики Василей Васильевичь пожаловал есьм игумена Троецького Васьяна с братьею. Что их село монастырьское в Бежицьком Верьсе Присеки и с деревнями, ино к их людем к монастырьским, кто у них ни живет в том селе и в деревьнях, намесьников моих Бежицьких тивуни и доводчики, такжо и боярьские люди, ни ины никто, незваны... не ездят. А кто приедет незван на пир к их человеку, а учинится какова гибель, и яз ту гибель на том велел взяти без суда и без исправы, а от меня тому ещё быти в казни. Такжо есмь игумена с братьею пожаловал которого их хрестьянина из того села и из деревень кто к себе откажот, а их старожильца, и яз князь велики тех хрестьян из Присек и из деревень не велел выпущати ни к кому.

Остаток желтовосковой печати. На обороте: Князь велики.

А. И., т. I, № 59.

9.

1471—1478 гг. — Грамота великого князя Ивана Васильевича ярославскому наместнику князю Ивану Васильевичу Оболенскому об отказе людей Троицкого Сергиева монастыря села Федоровского только на Юрьев день

От великого князя Ивана Васильевича в Ярославль боярину моему и наместнику князю Ивану Васильевичу и в волости волостелем и вашим тивуном и вашим заказником. Бил ми челом игумен Троицкой Сергеева монастыря з братьею о том, что деи у них отказываете люди в мою отчину в Ярославль межи Юрьева дни из их села из Федоровского из Нерехты и из деревень. И яз князь

велики их пожаловал, людей есми им из их села из Федоровского и из деревень не о Юрьеве дни отпущати не велел в Ярославьское, а хотя хто у них и откажется не о Юрьеве дни, и яз им того вывести велел назад. А вы бы у них тех их людей межи Юрьева дни не отказывали. А хто хочет от них отказатись в мою отчину в Ярославль, и вы бы у них отказывали о Юрьеве дни, неделя до Юрьева дни да неделя по Юрьеве дни, в две недели. А межи Юрьева дни бы есте у них не отказывали никого по сей по моей грамоте. А прочет сю мою грамоту, отдавайте им назад, и они себе держат ее в прок.

Печать. На обороте: Князь великий.

Памятники социально-экономической истории Московского государства, под ред. С. Б. Веселовского и А. И. Яковлева, т. I, № 137. М., 1929.

10.

1496—1510 гг. — Грамота митрополита Симона Юрию Масленицкому о том, чтобы крестьяне Константино-Еленинского монастыря пахали бы на себя пять долей пашни, и на монастырь шестую долю

От Симона митрополита Юрке Масленицкому. Бил ми челом Константино-Еленскаго моего монастыря архимандрит Матвей, а сказывает, что их монастырские крестьяне Сураломцы и Добросельцы пашут пашни на себя много, а монастырские де пашут пашни мало. И ты б в те села с архимандритом с Матвеем ехал, да землю бы есте во всех трех полех перемерили, да дал бы еси христианом во всех трех полях по 5-ти десятин, а на монастырь бы еси указал им пахати шестую десятину. А будет земли обильно, а кому будет земли надобно боле того, и он бы по тому же пахал и монастырскую пашню шестой жеребей; а кому не будет силы пахати 5-ти десятин, и он бы по тому пахал и монастырскую пашню.

П. Милюков. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства, стр. 32, прим. 1, СПБ., 1892.

11.

1497 г. — Статья из Судебника великого князя Ивана Васильевича о крестьянском выходе

Ст. 57. О христьанском отказе. А христианом отказыватися из волости [в волость], из села в село один срок в году, за неделю до Юрьева дня осеннего и неделя после Юрьева дня осеннего. Дворы пожилые платят в полех за двор рубль, а в лесех полтина. А которой христианин поживет за кем год да пойдет прочь, и он платит четверть двора; а 2 года поживет да пойдет прочь, и он полдвора платит; а 3 годы поживет, а пойдет прочь, и он платит три четверти двора; а 4 годы поживет, и он весь двор платит.

А. И., т. I, № 105.

12.

1515—1517 гг. — Служилая кабала Тимофея... Якову Алексееву на 3 рубля

Доложа великого князя Ивана Ивановича [боярина] Ивана Дмитреевичь Кабякова, се аз Тимоши... сын, занел есми, господине, у Якова у Алексеева... 3 рубли денег от Фролова дни на год, и те [есми] деньги платил старому своему государю Ни...ме Ульянову сыну Матова. А за рост мне у [него рабо]тать; а не похочю у него работать до сроку, [и мне ему его] деньги дати все и с ростом по розчету, как [дают на] пять шестой. А полягут деньги по сроце, и мне у него работать по тому ж, а не отниматись [мне от сея] кабалы ни полетною, ни изустною. На докладе были Иван Глебов сын да Иван Есипов сын лета...

А подписал великого князя дьяк Андрей Федоров сын Слюнин. Есипов.

Акты XIII—XVII вв. с предисл. А. И. Юшкова, № 98. Чтения в о-ве ист. и др. росс. 1898 г., кн. II, См. там же №№ 93, 102, 107.

13.

1550 г. — Статьи из Судебника царя Ивана Васильевича, касающиеся холопов и крестьян

Ст. 78. А которые люди вольные учнут бити челом князем и бояром, и детем боярским, и всяким людем, а станут на собя давати кабалы за рост служити, и боле 15-ти рублев на серебряника кабалы не имати. А старые кабалы, которые иманы на вольных людей и больши пятинадцати рублев до сего Уложения, а за рост им в тех деньгах у них служити, и тем людем те кабалы приносити к бояром, и бояром к тем кабалам печати свои прикладывати, а дияком подписывати; а вперед кто ту кабалу оболживит, и та кабала вершити по суду. А имати им кабалы на вольных людей, а на полных людей, и на докладных, и на старинных холопей кабал не имати. А кто возьмет на полного, или на докладного, или на старинного холопа кабалу, не опытав, или кто на него беглую грамоту возьмет, а кто на того холопа положит полную или докладную, или доведет на него которое старинное холопство по духовной грамоте и по иным крепостем, и у того деньги пропали. А чей тот холоп был, а скажет тот, что от него тот холоп сбежал, покрадчи, и та гибель взяти на том, кто не обыскав на чужего холопа кабалу или беглую возьмет. А тот холоп, по старому холопству или по полной или по докладной или по духовной тому государю.

Ст. 88. А крестьяном отказыватися из волости в волость и из села в село[1] один срок в году, за неделю до Юрьева дни осеннего и неделя по Юрьеве дни осеннем. А дворы пожилые платят в полех за двор рубль да 2 алт., а в лесех, где 10 верст до хоромного

---

[1] Ср. в Уставной грамоте подклетных сел Переяславского уезда 1555 года та же статья цитируется иначе: «А крестьяном отказыватися из *города* в волость и из волости в город...» (А. И., т. I, № 165).

лесу, за двор полтина да 2 алт. А которой крестьянин живет за кем год, да пойдет прочь, и он платит четверть двора; а два годы поживет, и он платит полдвора; а 3 годы поживет, и он платит три четверти двора; а 4 годы поживет, и он платит весь двор, рубль и 2 алт. А пожилое имати с ворот; а за повоз имати с двора по 2 алт.; а опричь того на нем пошлин нет. А останется у которого крестьянина хлеб в земли, и как тот хлеб пожнет, и он с того хлеба или с стоячего даст боран 2 алт. А по кои места была рожь его в земли, и он подать цареву и великого князя платит со ржи. А боярского ему дела, за кем жил, не делати. А попу пожилого нет, и ходити ему вон безсрочно воля. А которой крестьянин с пашни продастся кому в полную в холопи, и он выйдет безсрочно ж, и пожилого с него нет. А которой хлеб его останется в земли, и он с того хлеба подать цареву и великого князя платит. А не похочет подати платити, и он своего хлеба земляного лишен.

А. И., т. I, № 153.

14.

1555 г. сентября 5.—Грамота царя Ивана Васильевича Новгородским дьякам Федору Сыркову и Казарину Дубровскому о помощи выборным головам Пусторжевских черных деревень при вывозе крестьян из за детей боярских

От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии в нашу отчину в Великий Новгород дьяком нашим Федору Сыркову да Казарину Дубровскому. Били нам челом изо Ржевы из Пустые из черных станов выборные головы Чюнейко Левонтьев, да Манко Васильев, да Протаско Федоров, да Бориско Яковлев, да Офонаско Князев и во всех крестьян место обеих половин Ржевы Пустые, а сказывают, что деи дети боярские Ржевские, и Псковские, и Лутцкие, и из иных присудов вывозят за собя во хрестьяне жити наших крестьян из Ржевских из черных деревень не по сроку по вся дни безпошлинно; а как деи изо Ржевских из наших деревень приедут к ним отказщики с отказом в срок хрестьян из за них отказывати в наши черные во Ржевские деревни, которые крестьяне похотят итти жити в те в наши в черные деревни, и те деи дети боярские тех отказщиков бьют и в железа куют, а хрестьян деи из за себя не выпущают, да поимав деи их мучат и грабят и в железа куют, и пожилое деи на них емлют не по Судебнику, рублев по 5-ти и по 10-ти; и отказати де им хрестьянина из-за тех детей боярских не мочно. И на которых детей боярских и на земцов, и на ржевичь, и на псковичь, и на лучан учнут вам выборные головы Чюнейко Левонтьев с товарищи бити челом, что у них крестьян из за собя в наши во Ржевские в чорные деревни жити за их отказом в срок не выпущают, и вы б им дали подьячего или кого пригоже, а велели б естя ему с теми выборными головами с Чюнейком с Левонтьевым с товарищи из за тех детей боярских и из за земцов крестьян в наши в черные во Ржевские деревни по сроку отказывати; а выход бы есте велели им тем крестьяном платити по нашему указу. Писан на Москве лета 7064 сентября в 5 день.

Д. А. И., т. I, № 56.

15.

1555 г. октября 11. — Указ царя Ивана IV о добровольной службе[1]

Лета 7064 октября в 11 день по присланной памяти за приписью дьяка Ивана Безсонова царь и великий князь всея Руси повелитель, приговорил со всеми бояры и приказал боярам: которые люди учнут у кого с воли служити без крепостей, а пойдут от них прочь, с отказом или без отказа, и те люди, у которых они служили, учнут на них искати сносов, на сколько ни буди, и тем людем, у которых служили, и на тех людей суда не давати, потому что у него служил добровольно, и он его не хотя отпустити, да на нем ищет сноса, что чего пропало, то у себя сам потерял, того для, что вольному человеку верил и у себя держал без крепости. И бояре велели сие в Судебник написати, дабы дворы, которые кому приказаны, судити выборным головам; велели о вольных людех судити по сему.

В. Татищев. Судебник, М., 1768, стр. 78—79.

16.

1573 г. ноября 26 — 1574 г. января 30. — Выписка из приходных книг Волоколамского монастыря о крестьянских выходах

Ноября 26. Взято на Марке на Борисове сыне пожили полтина и 2 алт., что он перешел из Литвиновской волости з дер. з Золева в Рогушинскую волость в дер. на Любятино с трети выти на штину.

Тово ж месяц в 30 д. Взято у Ондрея у Мохова из Отчищевские волости из села ис Покровского с выхотца с Ивашки с ворот рубль 4 алт., с трети выти, да у Ондрея ж взято с выхотца с Ыстомки ис Покровского же с ворот рубль и 4 алт. с чети выти.

Января 2. Привез старец Данило из Обобурова 12 рублей, хлеб продавал и на крестьянех имал выходы.

Января 12. Привез из села из Судникова приказщик Иван Борщов с выхотца с Третьяка, с чети выти, полтина 2 алт. з дер. с Прожирина.

Января 16. Привез из Зубова приказщик Федор выходных денег 1 рубль 4 алт., взято з деревни с Монякова на Куземке с полувыти. Тово ж дни привез Трызновской приказщик Иев Рукин выходных денег полтину 2 алт., взято в дер. Терехове на Кондрашке, жил на штине.

Января 30. Взято у Лествицынского приказщика у Некраса выходных денег 1 рубль 4 алт., вышел Иван Фурсов з дер. Заикова, с трети выти, ис целого двора; да у Некраса ж взято рубль 4 алт. выходных денег, вышел из дер. со Фролкова Овдей, с чети выти, ис целого двора. У Некраса ж взято выходных денег рубль 4 алт., вышел из дер. из Бородавицына Овдотьинской волоста Иванко Немец с трети выти ис целого двора.

Н. Тимофеев. Крестьянские выходы конца XVI в. — Исторический Архив, II, 1939, стр. 70—71.

---

[1] Этот указ носит следы некоторой переделки Татищева.

17.

1576 г. ноября 23. — Порядная крестьян Никифора Яковлева сына и Софонтия Афанасьева сына Вяжицкому монастырю на деревню Липовец в Заверяжском погосте

Се яз Микифор Яковлев сын да яз Софонтей Афанасьев сын Васильевы крестьяне Басланова из деревни из Замошья дали есмя на собя запись Вежицкому слуги Тимохы Павлову сыну в том, что порядилися есмя за Николу Чюдотворца в Заверяжской погост на деревню в Липовец на штину обжы. А взяли есмя подмоге 2 рубля московскую да льготы на 2 годы — в монастырь дани не давати, и не ходити на дело от лета 7085 да до лета 87. А живучи нам на той деревни, тягло государское всякое тянути с волостью вместе, как соху наставим. А за ту подмогу нам и за льготу деревня розпахати, и поля огородити, и старые хоромы починити, и новые поставити, 2 хлева да мыльня. И как пройдут те льготные 2 годы, и нам давати в монастырь Николы Чюдотворцу оброку по рублю по московскому на год и на дело на монастырское ходити, как иные крестьяне ходят. А не отживем мы тех льготных дву годов, и деревни не росчистив и поль не огородив и хором старых не починив и новых не поставив, да пойдем вон, и нам та подмога монастырская 2 рубля московская по сей записи отдати слуге Тимофею Павлову. А на то послуси: Еремей Семенов да Конан Никитин. А запись писал Матфеец Федоров сын Вежыцкой слуга лета 7085 ноября в 23 день.

А. Ю., № 178.

18.

1584 г. мая 1. — Порядная крестьянина И. У. Бояринова Спасскому Прилуцкому монастырю на деревню на Алексине

Се аз Иван Ульянов сын Бояринов, крестьянин Прилуцкого монастыря, занял есми у Спаского Прилуцкого монастыря у казначия у старца у Сергея 5 рублев денег монастырских казенных нынешняго 92 году мая в 1 день. А за те деньги мне жити в монастырской отчине, в деревне на Олексине, на пустом полуплуге, земля перелог роспахати, и огороды городити. А льготы мне рядил игумен з братьею на четыре года, да до 96-го году, до такова же дни. И в те мне льготные годы не давати государских дани и посохи и подъемных и полонских денег, и никоторых монастырских оброков и изделья не делати. А в те мне льготные годы поставити двор, а во дворе поставити изба 3-х сажен, да сенник 3-х сажен, да баню, и двор заметом огородити, и на пашне у двора поставити авин. И жити мне в той же деревне на Олексине, в том же моем дворе, а из за Прилуцкого монастыря, и ис тое деревни, не вытти нигде до государеву указу. А не поставлю яз в те льготные четыре годы в той деревни в Олексине того двора, и во дворе избы и сенника и бани, и у пашни у двора авина, и вкруг двора заметом не огорожу, и после льготных годов в той деревни хором не овжечи и земли не запереложити и агородов не агноити. А буде хоромы и вкруг поля огороды огною и землю запереложу, и на мне по сей рядной записе за недворовую поставку 5 рублев денег. А на то послуси: Яков Иванов, сын Малого да Крячко Еуфимьев сын. А рядную запись писал Аврамко Анофриев лета 7092.

Внизу помета: По сей рядной записе деньги не даны

На обороте: Послух Якуня руку приложил. В послусех Крячко руку приложил.

В. Гейман. Несколько новых документов. — Сб. Росс. публ. библ., т. II, вып. I, стр. 293, № 24.

19.

1584 г. июля 20. — Приговорная грамота духовного собора о прекращении вкладов земли по душе и продажи монастырям имений и о временной отмене тарханов

Благоволением бога и отца и споспешением сына и содейством святаго духа в троицы славимого бога нашего и во единстве поклоняемого милостию, пречистыя и преблагословенные владычицы нашия богородицы молитвами, и великих чудотворцов молитвами повелением благоверного царя и великого князя Феодора Ивановича всеа Русии мы преосвященный Деонисей митрополит всеа Русии [далее следует перечень членов собора] собрахомся в преименитом граде Москве некоторых ради царских вещей, паче ж и о настоящаго ради греха всего христьянства, что божиим судом великий государь блаженные памяти благочестивый царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии, во иноцех Иона, оставль земное царство, отиде в небесное царство. А по благословенью отца своего великий государь благочестивый царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии самодержец, взем скифетр Росийскаго царствия, советоваху с отцом своим и богомольцом с преосвященным Деонисьем митрополитом и со всем освященным собором и со всеми бояры, и со всем синклитом: како совокупишася на христьяны туркове, и агаряне, и литовской король, и все области немецкие, и распыхахуся дивиим образом, гордостью дмящеся, хотяху потребити православие. И мы сих ради со благочестивым царем нашим поболехом зелне, и многая попеченья о сем благочестивый же царь наш Феодор Иванович всеа Русии с своими бояры и со всем своим синклитом сотвори, якоже довлеет его царской власти. В сих же и в нас внесена быша некая, яко возложенная, яже по священным епископиям и по святым монастырем в пустош изнуряютца ради пьянственнаго и непотребнаго слабого жития многообразне, многая ж и в запустения приидоша; и якоже убо по монастырем сия запустеваху, а х тому от мирских живущее прилагаху, не токмо ж по благословней вине, но и с ухищрением и тяжею и прибытка никоего ж несть, но развее токмо по монастырем в пустош изнуряетца на пьянственныя и на иные проторы, яже не токмо иноком, но и мирским свыше потребы не подобает творити; и сия убо по монастырем в пустош изнуряхуся паче потребы, а воинственному чину от сего оскудение приходит велие. И преж убо о сем блаженные памяти при благочестивом царе и великом князе Иване Васильевиче, а во иноцех Ионе, и сыне его блаженные памяти царевиче князе Иване и при освященном Антоние митрополите всеа Русии и всего освященного собора и всего царского синклита, уложена быша сице, и на утверждение грамоту писавше, утвердиша в лете 7088-го году генваря в 15 день: что с того году и с того дни митрополиту и архиепископом и владыкам и монастырем вотчин не покупати, и по душе ни по ком вотчин в монастыри не

имати для воинского оскуденья, что воинство велие прииде во оскудение. И тое бы грамоту переписати и укрепити по тому ж. Другое ж и о том советоваху и утвердихом, с повелением благочестиваго царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии, смиренный Деонисей митрополит со всем освященным собором и со всем царским синклитом, о тарханех, чтоб вперед тарханом не быти; что земли митрополичи, и архиепископли, и владычни, и монастырские и тарханех, и с тех никакие царские дани и земских розметов не платят, а воинство служилые люди те их земли оплачивают; и сего ради многое запустение за воинскими людьми в вотчинах их и в поместьях, платячи за тарханы; а крестьяне, вышед из за служилых людей, живут за тарханы во льготе, и от того великая тощета воинским людем прииде. И сего ради, для великих нуж и тощеты воинским людем, по совету благочестивого царя и великого князя Феодора Ивановича всеа Русии, мы преосвященный Деонисей митрополит всеа Русии и со всем освященным собором и со всеми бояры и со всем царским синклитом уложихом сице: да церкви божия и священныя места без мятежа будут, а воинский чин на брань противу врагов креста Христова ополчатца крепце, и сице устроихом и утвердихом по тому ж, как отец его, государь блаженные памяти царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии и сын его, блаженные памяти царевич князь Иван Иванович утвердили прежнюю грамоту: елико есть земель и земляных угодий, и елико недвижимых вещей, еже есть села и деревни, и пожни и сеножати, что до сего даная, с лета 7088-го генваря месяца 15 дня, и возложенная богови в митрополие и в епископиях и по монастырем, да ничтоже претворяетца и из митропольи и из епископьи и из монастырей не исходит, и вотчины никоторым судом ни тяжею у митрополита и у владык и у монастыря с того лета не емлют и не выкупают; хоти которое место и не утверждено крепостьми, и у того монастыря не выкупить; и вперед с монастыри о вотчинах не тягатися, а в монастыри вотчин не давати. Также от сего году, лета 7093-го месяца сентября 1-го числа, на время, до государева царева и великого князя Феодора Ивановича всеа Русии указу, для воинского чину и оскудения тарханы отставити, покаместа земля поустроитца, и помочь во всем учинитца царским осмотрением; а платить тарханом всякие царские подачи и земские розметы всяким тарханом от священных и боярским и княженецким со всеми людьми ровно всей земле, как тарханом, так и всяким служилым людем, и тамга тарханом и всяким людем в то время до государева указу платить, хто ни почнет торговать, чтоб воинство конечне во оскудение от того не было, для ради тое вины, и государеве казне в том убытка не было. И вотчинником вотчин своих вперед, по прежней грамоте и по нынешней, по душам не давати, а давати за них в монастыри деньги, которое село чево судит, а село имать вотчинником; а будет у кого роду не будет ближнего, и та вотчина имати на государя, а деньги за нее платити ис казны, чтоб в службу служилым людем земли прибавливати. А митрополиту и владыкам и монастырем земель не покупати и закладней не держати. А хто после сего уложенья купит землю в которой монастырь или закладня учнет за собою которой монастырь держати, и те земли имати на государя безденежно. А которые ныне закладни за митрополитом и за владыками и за монастыри, и те

земли поимати на государя; а в деньгах ведает бог да государь, как своих богомольцов пожалует. А вперед княженецких вотчин в монастыри не имати. А хто возмет без государского ведома, и те вотчины взяти на государя безденежно. А которые монастыри покупили княженецкие вотчины, и те вотчины взяти на государя; а в деньгах ведает бог да государь, как своих богомольцов пожалует. А вперед митрополиту и владыкам и монастырем земель не прибавливати никоторыми делы; жити им на тех землях, что ныне за ними, с того лета, как приговор был преж сего, и ныне с лета 7088-го генваря месяца 15 дня. А всякие царские дани платить всяким тарханом от священных и от бояр и от князей с служилыми людми ровно до государева указу; и в закладчикех за собою торговых людей, с которых идет царские дани, как от священных, так от мирских царского синклита, не держати. А которое место убогое, земли будет мало, или не будет, и он бьет челом государю, и государь с митрополитом соборне и з бояры приговоря, и устроят тот монастырь землею, как будет пригоже, как бы ему мочно прожити. А на большое утвержение царь и великий князь Феодор Иванович всеа Русии к сей грамоте печать свою приложил; а митрополит Деонисей всеа Русии к сей грамоте печать свою привесил и руку свою подписал. А архиепископы и епископы печати свои привесили и руки свои подписали. А архимариты и игумены и старцы руки свои приложили. Утвержена бысть сия грамота в преименитом и царствующем граде Москве лета 7092 году месяце июля в 20 день.

С. Г. Г. и Д., ч. 1, № 202.

20.

1590—1591 гг.—Из Торопецкой уставной грамоты царя Федора Ивановича

...И на пустые им [торопчанам] места старинных своих тяглецов из за князей и из за детей боярских, из за монастырей и из волостей, которые у них с посаду разошлись в заповедные лета, вывозить назад на старинные их места, где хто жил наперед того, безоброчно и безпошлинно.

Чтения в обществе истории и древностей российских, 1902, кн. 2, стр. 359.

21.

1592 г. апреля 14.—Грамота царя Федора Ивановича Двинскому земскому судье И. П. Безбородову о возвращении беглых крестьян Николаевского Корельского монастыря

От царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии на Двину выборному земскому судье Ивану Перфирьеву сыну Безбородово с товарыщи. Бил нам челом з Двины Николы чюдотворца Корельского монастыря игумен Варлам з братьею Никольского ж монастыря на крестьян, которые из за монастыря выбежали, а живут на Двине, на Парфенка Яковлева да на Вешнячка Иванова сына Латухина, а сказал: жили деи те крестьяне за Никольским монастырем в деревнях; и как деи писал писец наш князь

Василей Звенигородцкой с товарыщи всю Двину и Двинской уезд и их Никольскую вотчину, и тех деи их крестьян Парфенка да Вешнячка написал за Корельским монастырем, и в нынешнем де в 100 году в Филипов пост о Николине дни выбежал деи тот их крестьянин Вешнячко из их из Никольские вотчины без отказу безпошлинно со всеми своими животы и статки; а пришел деи тот крестьянин Вешнячко к никольскому крестьянину к Исачку к Терентееву да и женился деи он у того Исачка на дочери; а Парфенко де выбежал из Никольские волости нынешнего ж 100 году в великой пост, о Зборном воскресенье со всеми своими животы и статки, а пошлин деи монастырских на нынешней 100 год не платил никаких; и нынеча деи те их крестьянские деревни, в которых они жили, пустеют; а те деи крестьяне их Никольские вотчины искони вечные; и вперед деи их Никольской вотчины от отпусков наших служб и от дани и от оброку оплачиваючи за те деревни запустети; а станет деи с тех з дву деревень в нынешней весне в отпускех и во всяких наших податех больши 20 рублев и в том, что те деревни залегли не паханы. И будет так, как нам Николы Корельского монастыря игумен Варлам з братьею бил челом, и как к вам ся наша грамота прийдет, и вы б про тех крестьян сыскали всякими сыски накрепко и обыском обыскали тутошними и окольними людьми, что те крестьяне наперед того за Корельским монастырем живали ли, и в нынешнем в 100 году из за Никольского монастыря без отпуску выбежали ли. Да будет в обыску скажут, что те крестьяне Парфенко да Вешнячко наперед сего за Никольским монастырем жили и выбежали в нынешнем в 100 году без отпуску, и вы б тех крестьян Парфенка да Вешнячка вывезли и опять за Никольский монастырь з женами и з детьим и со всеми их животы и посажали их в Никольской вотчине Корельского монастыря в старые их в деревни и дворы, где они жили наперед того. Да и вперед бы есте из Никольские вотчины крестьян в заповедные лета до нашего указу в наши в черные деревни не вывозили (в подлиннике «не волозили». — *Б. Г.*), тем их Никольские вотчины не пустошили. А прочет сю нашу грамоту и списав с нее противень слово в слово, отдали никольскому игумену Варламу з братьею, и он ее держит у себя для иных выборных судей и данных зборщиков. Писан на Москве лета 7100 апреля в 14 день.

На обороте: Царь и великий князь всеа Русии. Диак Ондрей Щелкалов. *Печать.*

Р. И. Б., т. XIV, № 72.

22.

1594 г. октября 21. — Выписка из приходной книги Волоколамского монастыря о крестьянских волнениях в монастыре и об их усмирении

Лета 7103-го октября в 21 день приезжали в Осифов монастырь от государя Андрей Яковлич Измайлов да подьячей Казарин Петров обыскивать и сыскивать и дозирать всяких монастырских дел по ложному челобитью бывшаго келаря чернца Антона Лопотинского. А тот чернець Антон приезжал с Ондреем же в Осифов монастырь. И в кои поры Андрей был в Осифове монастыре, и в те поры по науку того Антона крестьяне монастырские не почели слушати приказщиков и ключников монастырских и мо-

настырских дел никаких не почели делати: хлеба молотити и в монастырь возити и солодов ростити и даней монастырских давати. И старець Мисайла Безнин и келарь и казночей и соборные старцы сказывали про то Андрею и Казарину. И Андрей и Казарин велели крестьяном всякие монастырские дела делати. И крестьян за то велели смиряти, что оне не слушают и пени на них имати. И как Андрей и Казарин из монастыря поехали, и крестьяне монастырские почели пущее не слушати и приказщиков и ключников учели бити и дел монастырских не почели делати и оброчных денег не учели давати и вина почели держати и леса монастырские заповедные почели сечи. И старец Мисайла Безнин про то велел крестьян острастити и смирити. И которые крестьяне прожиточнее сами воровали и научали всех воровать, и старец Мисайла велел на тех пени имати. И от того крестьяне унелись воровати и почели во всем слушати.

А се тем крестьяном имена, на ком што пени взято на монастырь.

Того ж 103-го февраля в 5 день села Буягорода взято пени на Климе на Быковском 5 руб. денег.

Того ж месяца в 10 день села Отчищева деревни Родионова взято пенных денег на Леоне на Большом 5 руб.

Того ж месяца в 12 день села Буягорода взято пенных денег на Григорье на Большом 5 руб.

Того ж месяца в 13 день взято пенных денег села Успенского на Иване на Зуе 5 руб.

Того ж дни взято пенных денег села Успенского ж на Андрее на Срезне 5 руб. да на Ивашке на Срезневе 5 руб.

Того ж месяца в 26 день взято на Первом на Недьякове да на Роде на Поворе пенных денег 4 руб. 3 алт. 2 ден. за то, что оне в Мамошине сено сгноили.

Да на Романе на Мохове взято пенных денег 5 руб. за то, что покрали церковь в селе Кузьмодемьянском образы чудотворные и свечи, а он про то в монастыре игумену и старцу Мисаилу не известил; а в те поры он был в Кузьмодемьянском приказщик, а после того был в монастыре, как церковь покрали, а про кражю не сказал.

Того ж месяца в 28 день взято на кузьмодемьянском попе на Иване пенных денег 5 руб. про ту же церковну кражу, как церковь покрали, а он в монастырь не бывал и про церковную кражу игумену и старцу Мисаилу не извещивал.

Того ж месяца в 29 день взято пенных денег села Отчищева на Климе на Никольском 5 руб.

Того ж дни взято пенных денег села Отчищева на Офоне на Родионовском 5 руб.

Марта в 8 день взято пенных денег села Отчищева на Рудаке на Стомировском 7 руб.

Того ж месяца в 11 день взято пенных денег на Тонком на Гаврилове 50 руб. за то, что он, живучи в селе в Турове, вино покупаючи пил.

Того ж месяца в 14 день взято пенных денег села Зубова деревни Оксенова на Гурье на Васильеве 5 руб.

Того ж месяца в 15 день взято пенных денег на того ж села Зубова деревни Оксенова на Саве на Петрове 5 руб.

Того ж дни взято пенных денег села Зубова на Гавриле на Сельском 5 руб.

И всего до Андреева приезду Яковлича и Казаринова дозору старца Мисаила в приходе всяких прибыльных денег в месяцех по книгам и боранных и масленных 844 руб. 22 алт.

Да после Андрея и Казарина в приходе по книгам и боровных денег 764 руб. 10 алт. 4 ден.

И обоего до Андрея и после Андрея в год в приходе всяких прибыльных денег дозору старца Мисаила 1608 руб. 32 алт. 4 ден.

Б. Д. Греков. Очерки по истории феодализма в России, Изв. ГАИМК, вып. 72, стр. 154—155.

23.

1597 г. апреля 25. — Указ царя Федора Ивановича о кабальных людях

Лета 7105 апреля в 25 день по государеву цареву и великого князя Федора Ивановича всеа Русии указу, па́мять Михаилу Ивановичю Внукову да дьяку Пятому Кокошкину. Государь царь и великий князь Федор Ивановичь всеа Русии приговорил со всеми бояры о холопех о полных и о докладных и о кабальных людех, которые люди, на Москве и по городом, служат в холопстве у бояр, и у князей, и у думных, и у приказных людей, и у детей боярских, и у всяких служилых людей, и у гостей, и у всяких торговых людей, по полным и по купчим и по докладным и по всяким крепостям, и по кабалам по старым и по новым записным кабалам, и от кого которые холопи полные и кабальные люди побежали; и ныне, с лета 7105 февраля с 1 числа, государь царь и великий князь Федор Ивановичь всеа Русии приговорил со всеми бояры: от которых бояр полные холопи, и кабальные, и приданые люди, и жены и дети побежали, и бояром имена своих холопей и на них крепости прислати в Холопей приказ, да тех холопей имена, которые у государей своих служат и которые холопи от них побежали, и на них крепости старые и полные и купчие и докладные и всякие крепости и кабалы, записывати в книги; а тем всяким холопьим крепостным людским книгам быти за диячею рукою, большого для укрепления; а пошлин с старых кабал и от всяких крепостей не имати. Да приговорил государь со всеми бояры: Московского государства всяким людем холопьи имена и на них крепости всякие записывати, с нынешнего уложения, безсрочно; а ближних городов дворяном и детем боярским и всяким служилым людем имена холопьи и на них крепости всякие писати в год; а князем и дворяном и приказным людем, которые на государевых на дальных службах, в Астрахани, и на Терке, и на Сунже, и в Сибирских городех, и на Таре, и тем князем и дворяном и детем боярским и всяким служилым людем в именах холопьих и в крепостях дати сроку три года. И которые люди служат в холопстве у бояр, и у князей, и у дворян, и у приказных людей, и у детей боярских, и у всяких служилых людей, и у гостей и у всяких торговых людей по полным и по купчим и по рядным, полные люди, и те люди, и жены их и дети в холопстве тем своим государем и их детем, по прежнему государеву уложенью по Судебнику. А у кого на холопа или на рабу была полная или докладная, или у кого по рядным и по докладным или по духовным грамотам и по иным старинным крепостям холопи служили, а те будет у них полные и

докладные и рядные и даные и духовные и всякие старинные крепости в московской пожар в прошлом 79 году и после того в иные пожары погорели, или будет иным каким обычаем те у них крепости утерялись, и в том у них даваны явки, и явки сыщут, а крепостей на тех людей нет, и тем людем на тех своих крепостных и на всяких старинных людей по прежнему государеву цареву и великого князя Федора Ивановича всеа Русии приговору 101-го году марта имати в службе новые крепости. А которых всяких крепостных холопей государи их, отходя сего света, от себя велели отпустить и отпускные им давали, и те холопи, по тем отпускным, впредь свободны, и женам и детям их впредь до тех холопей дела нет. А которые люди, до государева царева и великого князя Федора Ивановича всеа Русии уложенья в прошлых годех, до лета 7094 году июня до 1-го числа, били челом в службу бояром и дворяном и приказным людем и детем боярским и всяким служилым людем и гостем и всяким торговым людем, и кабалы служилые на себя давали, а в книги тогда в Приказе Холопья суда, те служилые кабалы не писаны; и которые люди с государева царева и великаго князя Федора Ивановича всеа Русии уложенья, лета 7094 году июня с 1 числа, били челом в службу бояром и князем и дворянам и приказным людем и дьяком и детем боярским и всяким служилым людем и гостем и всяким торговым людем, и кабалы служилые на себя давали, на Москве с докладу Холопья суда, и во всех городех с ведома приказных людей, и в записных в московских в кабальных книгах и в городех те служилые кабалы записываны до нынешнего государева новаго уложенья, 105 году февраля по 1 число; и которые люди впредь с лета 7105 году февраля с 1 числа били челом в службу, и впредь учнут бити челом в службу бояром и князем и дворяном и приказным людем и детем боярским и всяким служилым людем и гостем и всяким торговым людем с докладу Холопья суда, и во всех городех с ведома приказных людей и в московских в записных в кабальных книгах и в городех, у приказных людей, те служилые кабалы будут записаны, и тем всем людем, и женам и детем, которые жены и дети в тех служилых кабалах писаны в службу государем своим, по тем служилым кабалам, по старым и по новым, быти в холопстве, как и по докладным, а от государей своих им не отходити и денег по тем служилым кабалам у тех холопей не имати, и челобитья их в том не слушати по старым кабалам; а выдавать их тем государем по тем кабалам в службу, до смерти. А котораго записного кабального человека которая кабала, старая или новая, по новому уложенью записана в книги, а в том кабальном холопстве у него родится сын или дочь, и те их дети тем своим государем в холопи, против докладных людей, и по государеве ж смерти, как и отцы их; а женам после мужей своих и детем после отцов своих, до тех кабальных записных людей, и до их детей, которые дети в кабалах будут писаны и которые дети в том кабальном холопстве родятся, дела нет, и денег по тем отцовским кабалам на тех кабальных холопех женам и детем не указывати. А которая служилая кабала на холопа или на рабу у которого государя старая, или будет оба государя живут в одном городе, а возмет на того ж холопа кто, ведая, новую служилую кабалу, и будет украдом тое кабалу и в книги запишет, и тех людей, и жен, и детей по тем по старым служилым кабалам отдавати прежним их государем, а по новой кабале денег не имати. А которой государь поимав приведет к Хо-

лопью суду своего кабального холопа или рабу, а кабала будет у Холопья суда в записных книгах записана, и того холопа и рабу по записной кабале отдавати головою в холопство тому его государю, а в сносе дати суд. А которые кабальные люди учнут на себя полные и докладные давати, и тех кабальных людей отсылати с памятьми и с кабалами к постельничему и к наместнику Трети Московские, к Истоме Осиповичу Безобразову, и которые постельничие впредь будут; а которые кабальные люди, став, скажут, что они служили преж сего по кабалам, а ныне на себя дают полные и докладные, да, постояв, тут же скажут, что полные и докладные на себя не дают, и Михайлу Ивановичю да дьяку Пятому Кокошкину велети тех кабальных людей присылати к себе, и, записав в книги, отдавати тех кабальных людей по прежнему в холопи, по их кабалам, по которым винятся, старым их государем.

А о вольных людех приговорил государь со всеми бояры: которые люди, на Москве и по городом, служат у кого добровольно и Михайлу Ивановичю и дьяку Пятому тех вольных людей велети ставити перед собою с теми людьми, кто у кого служит добровольно, да тех вольных людей роспрашивати: сколь давно кто у кого служит добровольно и кабалу на себя дает ли? и которые люди вольные прослужили у кого недель 5—6, а кабал на себя дати не похотят, и тех людей отпущати на волю. А кто, скажет, послужил у кого добровольно с полгода и больши, а кабалы на себя дати не похочет, а сыщут, что тот добровольной холоп у того человека служил с полгода, и на тех вольных холопей служилые кабалы давати, и челобитья их в том не слушати, потому что тот человек того добровольного холопа кормил и одевал и обувал. И которой государь того добровольного холопа одевал и обувал и кормил, и того добровольного холопа однолично никому, мимо того государя, никак не приимати. А кто того добровольного холопа, мимо нынешнее новое государево царево и великаго князя Федора Ивановича всеа Русии уложенье, примет, и тех добровольных холопей, сыскав, отдавати совсем старым их государем, у кого кто служил добровольно, а в сносе давати суд и управа по государеву цареву и великого князя Федора Ивановича всеа Русии указу.

А. И., т. I, № 221, II.

24.

1597 г. ноября 24. — Указ о беглых крестьянах

Лета 7106 ноября в 24 день царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии указал и бояре приговорили. Которые крестьяне из за бояр и из за дворян и из за приказных людей из за детей боярских и из за всяких людей из поместей и из вотчин и из патриарховых и из митрополичьих и из владычных и из монастырьских вотчин выбежали до нынешняго 106 году за 5 лет, и на тех беглых крестьян в их побеге, и на тех помещиков и вотчинников, за кем они выбежав живут, тем помещиком, из за кого они выбежали, и патриаршьим и митрополичьим и владычним детем боярским и монастырских сел прикащиком и служком давати суд и сыскивати накрепко всякими сыски, и по суду и по сыску тех

беглых крестьян с женами и с детьми и со всеми животы возити назад, где кто жил. А которые крестьяне выбежали до нынешняго 106 году лет за 6 и за 7 и за 10 и больши, а те помещики и вотчинники из за кого они выбежали, и патриаршьи и митрополичьи и владычни дети боярские и монастырских вотчин приказчики и служки на тех своих беглых крестьян в их побеге, и на тех помещиков и на вотчинников, за кем они из за них выбежав живут, до нынешняго 106 году лет за 6 и за 7 и за 10 и больши государю царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Русии не бивали челом, и государь царь и великий князь Федор Ивановичь всеа Русии указал, и по государеву цареву и великого князя Федора Ивановича всеа Русии указу бояре приговорили, на тех беглых крестьян в их побеге, и на тех помещиков и на вотчинников, за кем они выбежав живут, суда не давати и назад их, где кто жил, не вывозити. И по государеву цареву и великаго князя Федора Ивановича всеа Русии указу и по боярскому приговору, которые крестьяне из за бояр и из за дворян и из за приказных людей и из за детей боярских и из за всяких людей из поместей и из вотчин и из патриарховых и из митрополичьих и из владычних и из монастырских вотчин выбежали до нынешняго 106 году за 5 лет, и на тех крестьян в их побеге, и на тех помещиков и на вотчинников, за кем они выбежав живут, тем помещиком и вотчинником, из за кого они выбежали, и патриаршьим и митрополичьим и владычним детем боярским и монастырских вотчин приказщиком и служкам давати суд и сыскивати всякими сыски накрепко; а по суду и по сыску велети тех беглых крестьян с женами и с детьми и со всеми их животы возити назад, где кто жил. А которые крестьяне из за помещиков и из за вотчинников и из патриарховых и из митрополичьих и из владычних и из монастырских вотчин выбежали до нынешнего 106 году лет за 6 и за 7 и за 10 и больши, а те помещики и вотчинники и патриаршьи и митрополичьи и владычни дети боярские и монастырских вотчин приказщики и служки, из за кого они выбежали, на тех своих беглых крестьян в их побеге, и на тех помещиков и на вотчинников, за кем они из за них выбежав живут, до нынешняго 106 году лет за 6 и за 7 и за 10 и больши государю царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Русии не бивали челом, отказывати и суда на тех беглых крестьян и на тех помещиков и вотчинников, за кем они выбежав живут, не давати, а дати суд и сыск в беглых крестьянех, которые до нынешнего 106 году выбежали за 5 лет. А которые дела в беглых крестьянех засужены и до нынешняго государева царева и великаго князя Федора Ивановича всеа Русии указу не вершены, и государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии указал и по государеву цареву и великого князя Федора Ивановича указу бояре приговорили дела вершити по суду и по сыску.

А. И., т. I, № 221, III.

25.

1601 г. ноября 28. — Память царя Бориса Годунова окольничему В. П. Морозову о крестьянском выходе

Лета 7110 ноября в 28 день, по государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии указу, память окольничему Василью Петровичу Морозову. В нынешнем во 110 году великий

государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии и сын его великий государь царевич князь Федор Борисович всеа Русии пожаловали, во всем своем государстве от налога и от продаж велели крестьяном давати выход. А отказывати и возити крестьян дворяном, которые служат из выбору, и жильцом, которые у государя царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии и которые у государя царевича у князя Федора Борисовича всеа Русии, и детем боярским городовым, и городовым приказщиком всех же городов, и иноземцом всяким, и Большого Дворца дворовым людем всех чинов, ключником, стряпчим, ситником, подключником, Конюшенного приказу приказщиком и конюхом стремянным и стряпчим, ловчего пути охотником и конным псарем, сокольничья пути кречетником, и сокольником, и ястребником, трубником, и сурначеем, и государыни царицы и великие княгини Марьи Григорьевны всеа Русии детем боярским, и всех приказов подьячим, и Стрелецкого приказу сотником стрелецким и головам казачьим, и Посольского приказу переводчиком и толмачем, и патриаршим и митрополичьим и архиепископьим и епископьим приказным людем, детем боярским, промеж себя. А срок крестьяном отказывати и возити Юрьев день осеннего да после Юрьева дни две недели. А пожилого крестьяном платити за двор по рублю по 2 алт. А в дворцовые села и в черныя волости, и за патриарха, и за митрополиты, и за архиепископы, и за владыкы, и за монастыри, и за бояр, и за окольничих, и за дворян больших, и за приказных людей, и за дьяков, и за стольников, и за стряпчих, и за голов стрелецких и из за них в нынешнем во 110 году крестьян возити не велети. А в Московском уезде всем людем промеж себя да из иных городов в Московской уезд по тому ж крестьян не отказывати и не возити. А которым людем промеж себя в нынешнем во 110 году крестьян возити, и те по государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии указу возити меж себя одному человеку из за одного же человека крестьянина одного или дву, а 3-х или 4-х одному из за одного никому не возити.

А. А. Э., т. II, № 20.

26.

1602 г. августа 26. — Жалованная грамота патриарха Иова Константино-Еленинскому монастырю о неподсудности крестьян и слуг монастырских владимирскому патриаршему наместнику, с определением повинностей крестьян в пользу монастыря

Божиею милостию се яз смиренный Иев, патриарх царьствующего града Москвы и всеа Русии. Бил мне челом Володимерского уезда нашие богомольи Царя-Костянтиновского монастыря архимарит Рафаило с братьею, а сказал: емлют деи по них и по слуг и по крестьян того монастыря заволостные люди из нашего Дворца грамоты и зазывные и челобитные подписные в напрасных поклепных искех в деловую пору и в пашенное время, и им деи от того чинятца убытки и продажи великие. И нам бы их пожаловати велети им дати свою жаловальную грамоту, кому на них чего искати, и нам бы учинити им один срок в году. И яз смиренный Иев, патриарх царьствующего града Москвы и всеа Русии, Царя-Костянтиновского монастыря архимарита Рафаила с братьею, или

кто по нем иный архимарит в том монастыре будет, пожаловал свою жаловальную грамоту дати им велел: кому будет чего на архимарите и на братье, и на слугах, и на крестьянех того монастыря искати, и яз смиренный Иев патриарх архимарита Рафаила с братьею и слуг и крестьян сам сужу или мой дворецкой; а срок им велел учинити один в году, в той же день, по Крещенье христове; а кто возмет по них грамоту или зазывную или безсудную или челобитную подписную не на тот срок, которой в сей нашей грамоте писан, в какове деле ни буди, и яз смиренный Иев патриарх к ответу ездити им не велел; а кто возмет управную грамоту, или зазывную, или безсудную, или подписную челобитную не на тот срок, и та грамота не в грамоту и безсудная не в безсудную. Так же есми архимарита Рафаила с братьею и слуг и крестьян пожаловал, своих дворцовых сел приказщиком и детем боярским и их людем незваным к ним ездити не велел, а кто приедет незван, и они тех незваных людей высылают вон безпенно. Такоже есми пожаловал того архимарита Рафаила с братьею: кто у них в монастырских селех и в деревнях учнут жити монастырских слуг, и наместник наш Володимерской не въезжает и людей своих к ним не посылает ни по что и не судит их ни в чем; а кому будет на их слугах и на крестьянех чего искати, ино их судит архимарит Рафаило, или того монастыря приказщик; а лучитца того монастыря монастырским людем, попом, и диаконом, и слугам, и крестьяном, или церковному причету смесной суд с волостными людьми, и наместник наш тех людей судит, а архимарит Царя-Костянтиновской или его приказщик с ним же судит; а прав ли, виноват ли волостной человек, и он прав или виноват своему судье, а архимарит или его приказщик в волостного человека не вступаетца; а прав ли, виноват ли монастырской человек, и он прав или виноват своему судье. А пашню крестьяном на монастырь пахати на выть по десятине, а сеяти монастырскими семяны, а мерити десятину в длину по 80 сажен, а поперек по 30 сажен, и с тех десятин крестьяном хлеб жати и в монастырское гумно возити и складти и молотить и в житницы сыпати; а навоз возити крестьяном на монастырскую пашню с конюшенного и с коровья и с гостина двора на выть по 80-ти телег; а сено косити крестьяном на монастырской обиход по 20-ти копен волоковых на выть, и грести и метати то сено им же. А оброку им в монастырскую казну за сыры, и за масла, и за яица, и за пшеницу, и за конопли, и за овчины имати по полтине с выти; а крупы и толокно делати крестьяном в монастырском хлебе по 4 четверти на выть овса или гречи. А лучитца архимариту ехати к Москве, и на крестьянех имати ему по подводе с выти одинова в год. А лес им для монастырского строенья ронити и в монастырь возити, где архимарит Рафаило лесом промыслит, и тем лесом монастырь городити и кельи ставити, и конюшенной, и коровей, и гостин двор делати, и огороды, и гумна монастырские городити; а дров возити крестьяном по сажени на выть. А которые крестьяне того монастыря женятца, и им имати знамена венечные у архимарита, а архимариту имати от знамени с отрока по 2 алт. с двоеженца по 4 алт., с троеженца по шти алт. А пожалует архимарит которого слугу сельским и деревеньским приказом и доводом, и тому слуге имати себе на крестьянех въезжего на 4 празники: на Рожество христово, на Велик день, на Петров день, на Семень день, на празник с выти

по алтыну, да по полуосмине ржи, да по осмине овса на год; а судные пошлины имати по государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии указу и по Судебнику с рубля по гривне; а кто побьет челом убитого осмотрить, и смотреного имати по 4 алт, а доводчику хоженого по 2 ден., а езду на версту по денге, а на правду вдвое; а кто судной список запишет, и ему записки 3 ден.; а которой крестьянин выдаст за волость девку или вдову, и за выводную куницу приказщику гривна; а которой крестьянин женитца в своей волости или за волостью, и приказщику имати убрусного 10 ден.; а которой крестьянин продаст за волость или в своей волости лошадь или корову, или меняет, и с того имати явки по 2 ден.; а которой крестьянин продаст за волость или в своей волости хоромину, или одонья ржи, или овса, или стог сена, или купит, и с того явки по 4 ден.; а которой крестьянин подымет на межу из борана, и на виноватом за боран 2 алт.; а которой крестьянин сварит пиво, и явки имати с пива с четверти по деньге; а которой крестьянин сварит пиво не явясь, и на том крестьянине имати пени на монастырь по 2 рубли; а велети пити смирно, чтоб бою и грабежу и никоторого воровства отнюдь не было; да приказщику ж имати со крестьян в осень по куряти да по поярку с дыму; а что которой приказщик доходу себе сберет, и то велети писати в книги и те книги отдавати в монастырскую казну, чтоб архимариту и братье было известно. Дана грамота на Москве лета 7110 августа в 26 день.

А. Ю. Б., т. I, № 43.

27.

1606 г. февраля 1. — Боярский приговор о том, кого из бежавших в голодные годы крестьян возвращать прежним владельцам

Лета 7114 февраля в 1 день, по государеву цареву и великого князя Дмитрея Ивановича всеа Русии слову, бояре приговорили: которые бояре и дворяне и дети боярские и владычних и монастырских вотчин бьют челом государю о суде в беглых крестьянех до 110 году до голодных годов за год на посады, и в государевы в дворцовые села, и в черныя волости, и за помещиков, и за вотчинников во крестьяне и в холопи, и тех приговорили сыскивая отдавати старым помещиком. А которые крестьяне бежали во 110 и во 111 году, в голодные годы, с животы, а прожити было им мочно, а пришли за иных помещиков или за вотчинников жити во крестьяне и в холопи, и тех сыскивая отдавати старым помещиком и вотчинником. А которые бегали с животы в дальные места из за Московских городов на Украины, а с Украины в Московские городы, или из города в город, верст за 200 и за 300 и больши, а пошли от старых своих помещиков с животы и, ростеряв животы, пришли к иным помещиком в бедности, и про то сыскати около тех поместей, откуды тот крестьянин пошел; да будет в сыску окольние люди скажут, что он был не беден и сбежал от своего помещика или от вотчинника с животы, а прокормитися было ему мочно, а ныне за кем во крестьянех или у кого служит по кабале, и того по сыску отдати старому помещику или вотчиннику, из за кого он сбежал, каков есть; а про которого крестьянина скажут, что он в те голодные лета от помещика или от вотчинника сбрел от бедности, что было ему прокормиться не мочно, и тому крестьянину жити за тем,

кто его голодные лета прокормил, а исцу отказати: не умел он крестьянина своего кормити в те голодные лета, а ныне его не пытай. А которые крестьяне в голодные лета во 110 и во 111 году и во 112 году пришли в холопи к своим или к сторонним помещикам и вотчинником и кабалы служилыя на себя подавали, а старые их помещики или вотчинники учнут их вытягивати из холопства по крестьянству, и того сыскивати накрепко: будет сшел от бедности и животов у него не было ничего, и тем исцам отказывати: в голодные лета тот помещик или вотчинник прокормить его не умел, а собою он прокормитись не в мочь, и от бедности, не хотя голодною смертью умереть, бил челом в холопи, а тот его принял, в голодные годы прокормил и себя истощил, проча себе, и ныне того крестьянина из холопства во крестьяне не отдавати, а быти ему у того, кто его голодные лета прокормил, а не от самые бы нужи в холопи он не пошел. А которые кабальные люди учнут оттягиватися, а учнут говорити, взял его помещик во двор с пашни сильно и взял кабалу, а ему было самому прокормиться, не мочно, и о том сыскивати крепостьми, в которое время и в которых годех кабалы писаны: будет на Москве или в городех в книги писаны, и по тем кабалам в холопи выдавати, потому, имал бы на него кабалу сильно, и он бы о том у записки бил челом; а которыя кабалы в книги не записаны, и тем верити нечего. А которые крестьяне из за кого бежали до 110 году, голодных лет за год, и которые после голодных лет за год во 113 году и в нынешнем во 114 году, и про тех крестьян сыскивая отдавати прежним помещиком и вотчинником; а в чем будет спор, и в том давати суд. А которые крестьяне пошли в холопи до голодных лет, и тех сыскивая по крестьянству из холопей выдавати. А на беглых крестьян по старому приговору дале 5-ти лет суда не давати.

А. А. Э., т. II, № 40.

28.

1606 г. февраля 20. — Служилая кабала Прокофия Степанова сына с семьей И. М. Пустошкину на 3 рубля

Се яз Прокофей Степанов сын с своею женою с Варварою с Григорьевою дочерью да с своею падчерицею с Марьею с Овсиевою дочерью заняли есми у государя своего у Ивана у Михайлова сына Пустошкина 3 рубли денег в московское число февраля от двадесятаго числа да до такого же дни на год февраля по двадесятое ж число. А за рост нам у государя своего у Ивана Пустошкина служить по вся дни во двори. А полягут деньги по сроцы, и нам у государя своего у Ивана по тому же служить по вся дни во двори. А на то послуси Яков Самуилов сын. А служивую кабалу писал земский диячек Боровицкого стану Гриша Павлов лета 7114 февраля в 20 день. Губной староста Иван Висленев.

На обороте: Послух Якуш руку приложил.

А. Ю. Б., т. II, № 127, I.

29.

1607 г. марта 7. — Указ царя Василия Шуйского о «добровольных холопах»

Лета 7115 марта в 7 день государь царь и великий князь Василей Иванович всеа Русии указал о добровольных холопех:

которые холопи у бояр, и у дворян, и у дьяков, и у приказных людей, и у детей боярских, и у иноземцов, и у всяких служилых людей послужат в холопях добровольно полгода или год или больше, а не в холопстве родились и не старинные их люди, а кабал на себя те холопи государем своим дати не похотели; и на тех добровольных холопей в Приказе Холопья Суда учнут государи их бити челом о кабалах, и тех добровольных холопей государь царь и великий князь Василей Ивановичь всеа Русии велел роспрашивати: сколько он у тех государей своих добровольно служит? Да будет которые добровольные холопи в роспросе скажут, что служит полгода, или год, или больши, а кабал дати не хотят, и тех добровольных холопей в неволю давати не велел, а велел им тем людем в кабалах отказывати: не держи холопа без кабалы ни одного дни, а держал безкабально и кормил, и то у себя сам потерял. А которые добровольные холопи в роспросе сами скажут, что они служили полгода или год добровольно, и впредь хотят служити по кабалам и кабалы на себя дают, и на тех добровольных холопей кабалы государь указал давати по прежнему своему государеву указу. И сесь свой государев указ о добровольном холопстве государь царь и великий князь Василей Ивановичь всеа Русии дияком Дороге Хвицкому да Ондрею Ворееву в Холопье приказе велел записати.

1609 г. сентября 12. — Боярский приговор о «добровольных холопах»

И 118 сентября в 12 день князь Григорей Васильевичь Гагарин да дьяки Пешек Жуков да Павел Матюшкин о сей холопье статье, что о добровольных холопех в прошлом во 115 году в Судебник приписана, в Верху бояр докладывали. И бояре все тот прежний приговор 115 году указали отставить, а приговорили о добровольном холопстве быти той статье по государеву прежнему указу, как уложено и в Судебник приписано блаженные памяти при государе царе и великом князе Федоре Ивановиче всеа Русии 105 году.

А. И., т. II, № 85, I.

30.

1607 г. марта 9. — Соборное уложение о крестьянах и холопах

Лета 7115 марта в 9 день государь царь и великий князь Василий Иоановичь всея Русии с отцом своим святейшим Гермогеном патриархом, со всем освященным собором и со своим царским сигклитом, слушав доклада Поместной избы от бояр и дьяков, что переходом крестьян причинилися великия кромолы, ябеды и насилия немощным от сильных, чего де при царе Иоане Васильевиче не было, потому что крестьяне выход имели вольный; а царь Феодор Иоанновичь по наговору Бориса Годунова, не слушая совета старейших бояр, выход крестьяном заказал, и у кого колико тогда крестьян было, книги учинил, и после от того началися многия вражды, кромолы и тяжи. Царь Борис Федоровичь, видя в народе волнение велие, те книги оставил, и переход крестьяном дал, да не совсем, что судьи не знали, како по тому суды вершити, и ныне великия

в том учинились разпри и насилия, и многим раззорения и убивства смертныя и многие разбои и по путем грабления содеяшася и содеваются. Сего ради приговорили есми и уложили по святым великим соборам и по правилам святых отец:[1]

Которые крестьяне от сего числа пред сим за 15 лет в книгах 101 году положены, и тем быть за теми, за кем писаны. А буде те крестьяне вышли за кого инаго, и в том есть на крестьян тех или на тех, кто их держит, челобитье, и те дела не вершены, или кто сентября по 1 число сего года будет бить челом, и тех крестьян отдавати по тем книгам со всеми их животы тем, за кем они писаны, до сроку Рождества христова 116 года без пожилаго; а не отдаст кто на тот срок, ино на нем брати за приим и пожилое по сему уложению. А не было о которых крестьянах челобитья по сей день и сентября по 1 не будет, и тех после того срока по тем книгам не отдавати, а написати их в книги за кем они ныне живут, и впредь за пятнатцать лет о крестьянах суда не давати, и крестьян не вывозити, [не возвращати].

А буде которые отныне и за кого вышед перейдут к иному кому бы то ни было, и тот примет противо сего нашего соборнаго уложения, и у того, крестьянина взяв, перевести ему со всеми того крестьянина пожитки, откуда он перебежал; а двор, естьли тот крестьянин строил, заплатити чего судит, а двора не возити; да с него же на царя государя за то, что принял противо уложения, доправити 10 рублев: не принимай чужаго, да с него же за пожилое тому, чей крестьянин, за двор на всякой год по 3 рубли, и за холостаго тоже на год по 3 рубли.

А придет к кому крестьянин нанятися в работу на лето или на зиму или на весь год, а не семьями, и кто наймет не дале года, о том не винити за прием и пожилаго не правити, потому что его государь сведом, где он живет.

А побежит жонка или вдова или девка в чужую отчину и выдет замуж, и того мужика, которой женится на чужей жонке, отдати тому, чья жонка, со всеми его животы и с детьми, кои от тоя беглыя родились; а буде у того мужика дети есть от первой жены, и до тех дела нет, с мачихою не отдавать; а буде они малы, то пустити с отцом, доколе коему минет от роду 15 лет.

А которые люди держат рабу до 18 лет девку, а вдову после мужа более дву лет, а парня холостаго за 20 лет, а не женят и воли им не дают, и той вдове или девке или парню итти к казначею; а казначею, опытав о том, и доведут, что им те лета минули, а государь их не женит, ино тем дати отпускныя в Москве казначею, а в иных городах наместником и судьям; а будет государь их бити челом о краже или сносе, и ему в том отказати и суда не давати: не держи неженатых над закон божий и правила святых отец, да не умножится блуд и скверно деяние в людех.

А которые после сего уложения крестьяне или холопи или раба побежит от своего государя и придет к иному, и государю искати своего холопа и рабу и крестьянина в пятнатцати летах от побега, а за пятнатцать лет не искать.

А в городах воеводам и дьякам и всяким приказным людем наведыватись во всем их уезде чрез старост и сотских и священ-

---

[1] Этот доклад дьяка в Боярской Думе Татищев передал своими словами, но близко держась подлинника. — *Б. Г.*

ников, нет ли где пришлых людей вновь; и где ему скажут, оных брати и спрашивати накрепко, чей он, откуда, когда бежал, и где сколько жил, и не подговорил ли его кто; и буде скажет кто подговорил и доведет на него, и того подговорщика казнити торговою казнию и взять с него поруку, что ему того беглаго отвести к его государю, да с него же в казну взяти пени 10 рублев; а с приемщиков, со всякого, кто его принимал и в селе более 7 дней держал, доправити в казну по 10 рублев за двор и за одинакаго мужика, а за бабу и за девку по 3 рубли за прием.

А примут чьего холопа или крестьянина или рабу в царевы и великого князя села или волости или в черныя волости или в патриярши и святительския и монастырския села, ино за прием правити на волостелях или на прикащиках и на старосте, кто ту волость или село тогда управлял и пришлаго принял, а пожилыя и за дворы имати на тех селах и волостях, а в городах на всех посадских по сему уложению.

А которой наместник или судья или дьяк и иной приказной человек о пришлых в его уезде проведывать и сыскивать и допрашивать не будет и за прием деньги брать не станет, а доведут на него в том, и с него те деньги доправити вдвое и от дела отбросити и впредь ему ни у какова государева дела не быти.

В. Татищев. Судебник, М., 1768, стр. 134—137.

31.

1641 г., ноябрь. — Память во Владимирский судный приказ боярину Ивану Петровичу Шереметеву и дьякам Тимофею Агееву и Семену Софронову о челобитной дворян и детей боярских разных городов и о государевом указе и боярском приговоре по ней 23 июля 1641 г.

Лета 7150-го ноября в — день по государеву цареву и великого князя Михайла Федоровича всеа Русии указу память боярину Ивану Петровичю Шереметеву да дияком Тимофею Агееву да Семену Софонову.

В прошлом во 149-м году били челом государю царю и в. к. Михайлу Федоровичю всеа Русии дворяне и дети розных городов всею землею. Бегают де из-за них старинные их люди и крестьяне в розные городы в большие поместья и в вотчины в патриарши, и в митрополичьи, и в архиепискупли, и в Троецкие и розных монастырей, и в государевы дворцовые села, и в чорные волости, и за бояр, и за окольничих, и за стольников, и за стряпчих, и за дворян Московских, и за всяких чинов людей на льготы. И те де многие помещики и вотчинники и монастыри тем их беглым людем и крестьяном на пустых местех слободы строят, а их поместья и вотчины от того ставятца пусты. И те ж их беглые люди и крестьяне, выжив за теми людми урочные годы и надеясь на тех сильных людей, где хто учнет жити, приходя из-за тех сильных людей, и достальных людей и крестьян из-за них подговаривают и домы их пожигают и разоряют всяким разорением; да на тех ж их беглых крестьян, укрепляя их вперед за собою, емлют на них ссудные записи и всякие крепости в больших неоплатных ссудах и займех. А которые де посадцкие тяглые люди живут за сильными людми и за монастыри в закладчикех, и от тех закладчиков им и людем их и крестьяном обиды и насильство многое в городех, и по торшком, и по слобо-

дам, и на посадех: людей их и крестьян грабят и побивают и на мытах и на перевозех перевозы и мостовщины емлют мимо государева указу и сверх государевых уставных грамот. А в городех воиводы и приказные люди на тех людей в их насильствах суда не дают, а отказывают им, что им их в городех судить не указано.

А которых они беглых своих крестьян за кем проведают, а урочные лета тем их крестьяном не дойдут, а они в тех своих беглых крестьянех суда и указу добитца не могут; а которые, и засудясь, за судным делом за вершением волочатца многое время, а бояре и окольничие за делы в полате не сидят. А как де бояре по 128-й год в полате сидели, и им о своих обидах и о всяких делех бити челом было незаборонно. А которые де их беглые крестьяне из урочных лет выйдут, и в тех им крестьянех и без суда урочными леты отказывают.

А в прежних де годех и при прежних государех в тех их беглых крестьянех урочных лет не бывало: крепки им крестьяне были по поместным дачем и по писцовым книгам и по выписям, кому хто старее в дачех. Да им же указано на патреярших и на владычних приказных людей, на крестьян и на монастыри в обидах и во всяких исковых делех суд давати на три сроки: на Тройцын да на Семень день, да на Рождество Христово, — и им де на те сроки к Москве приезжати не мочно, что в то время живут по службам; да и в городех де на их слуг и на крестьян также суда не дают, а они из за них людей и крестьян вывозят и землею их владеют насильством и людем их и крестьяном всякие обиды делают, а от суда отымаютца теми указными сроки, и, против того поклепав, на них ищут большими монастырскими иски.

А кому доведетца по писцовым книгам и по сыску беглых крестьян отдати, и те люди, у ково их возмут, на тех крестьянех ищут по судным записям и по заемным памятем и по всяким крепостям большие ссуды, и они для тех больших исков и прямых своих крестьян поступаютца для Московские волокиты. А хто из-за ково беглово своиво крестьянина возмет, и на тех людех владения имати не указано, а они де в те лета с своих пустых жеребьев всякие подати платят.

И государь бы их пожаловал, в тех обидах и в насильствах крестьянских велел свой государев указ учинить: а велел их во всяких делех судить по Судебнику блаженные памяти царя и великого князя Ивана Васильивича всеа Русии, и за их за судными и за всякими спорными делы велел бы государь сидеть в полате бояром, а не в судных приказех, а беглым из-за них крестьяном пожаловал бы государь урочные лета велел отставить, а велел им тех их беглых крестьян отдавати по помесным их дачем и по писцовым книгам и по выписям, кому хто чем крепок, а людей так же отдавати по крепостям. А на патреярших и на владычних приказных людей и на крестьян, и на Троецкой и на иные монастыри в-ых обидах и в насильствах велел суд давати безсрочно с верою с кресным целованьем, а не з жеребья, и в беглых крестьянех велел им свои государев указ учинить. А которые судьи учнут судить не по правде, и с теми б судьями в-ых неправедных судех велел бы государь перед бояры давати очные ставки. И со всякими людми велел бы их государь судить на Москве и в городех безсрочно, а на них бы велел государь искати где хто судим. И посулы б государь велел вывесть. А которые их братья не по правде

обинены, и поместьями их и вотчинами сильные люди у них завладели не по праведному суду и сыску, и в том бы государь пожаловал — велел суд и сыск дати.

Да дворяне ж дети боярские били челом государю царю и великому князю Михайлу Федоровичю всеа Русии: которые их братья и племянники и дети, не хотя с ними государевы службы служить и бедности терпети и на себя хлеба пахати, верстаны и неверстаны, и которые были у розбору и в солдатцкой службе, а иные покиня поместья свои и вотчины, и которые породились после розбору, а отцы их на государеве службе под Смоленском побиты и померли, и они, не бив челом государю об отцовских поместьях и не хотя государевы службы служить, били челом в боярские дворы к боярам, и к окольничим, и к стольником, и к стряпчим, и к дворяном Московским и к своей братье, — и государь бы их пожаловал, о тех детех боярских, о верстаных и о неверстаных, которые были у разбору и в салдатцкой службе, и покиня поместья свои и вотчины, и которые породились после розбору, а отцы их побиты и померли, и они, не биз челом государю об отцовских поместьях и не хотя служить, били челом в боярские дворы и к своей братьи, велел свой государев указ учинить.

И 149 году июля в 23 день государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, слушев челобитья дворян и детей боярских, указал и бояре приговорили: во крестьянстве на всяких чинов людей и в насильстве давати суд. А которые всяких чинов люди, хотя беглых чюжих крестьян за собою укрепить, имали на них кабалы и записи во многой ссуде, и будет которые беглые крестьяне и бобыли кому доведутца отдати, а те люди учнут по тем ссудным записям и кобалам на тех людех, кому те крестьяне отданы будут, искать, и тем людем в том отказати: не принимай чюжих крестьян и бобылей и не давай им ссуды; и тем кабалам и ссудным записям не верить и те записи и кабалы имати и в книги записывать, и которую ссуду давал и с тою ссудою отдавати тем, которым те крестьяне доведутца по суду отдавати.

А хто кому обиду учинит, откупщики и мытовщики, и на них давати суд по приказом, ис которово приказу кому дано в откуп или на оброк. А перевоз откупщиком имати, которые мосты и перевозы и мытовщины даны на откуп, с торговых со всяких людей, чей хто ни будь, с товаров и с хлеба и с животины продажные вправду, по государевым грамотам. А хто учнет имати мимо государевы грамоты, и тех бити кнутом, да сверх тово пеня на государя с откупу их с рубля по алтыну. А с гонцов, и которые посланы будут для государевых всяких дел, и с служилых во всяких ратных людей, и с их людей и з запасов перевозу и мостовщины и мыта не имати, для того что они люди ратные и государеву службу служат. А которые люди всяких чинов, не бив челом государю, самовольством на своих на помесных и на вотчинных водах устроили мельницы и мосты и перевозы, и мостовщину и перевоз и мыто емлют самовольством вновь, в которых местех наперед сего не бывало, а бывали дороги и броды, и они те воды запрудили и дороги и броды отняли, и со всяких чинов с людей емлют перевоз и мостовщину и мыто: и тем перевозам и мостом и мытом вперед не быти, и те мельницы и мосты и перевозы и мыта свесть.

А которые люди учнут бити челом, чтоб у них мельницы не ломать, и тем мельницам по их челобитью быти, и мосты им через

мельничные плотины и перевозы устроить для проезду всяких чинов людей, и теми их мостами всяких чинов людем ездить без мостовщины и перевозу и мыта не имати, для того что они мельницы по дорогам устроили для своиво пожитку и мимо прежнево обычая. А будет они вперед учнут мостовщину и перевоз и мыто имать или вперед мосту и перевозу у них не будет, и те их мельницы сломать, и сверх тово государево им наказание и пеня взять пятьдесят рублев.

Крестьян и бобылей за государя царя и великого князя Михайла Федоровича всеа Русии и иво государевы дворцовые села и в чорные волости имати и из иво государевых дворцовых волостей и из чорных волостей отдавати за десять лет; также из-за патреярха и из-за митрополитов и из за властей, из-за бояр и из-за окольничих, из-за думных людей, из-за стольников, из-за стряпчих, из-за дворян Московских, из-за дьяков, из-за жильцов и из-за дворовых и всяких чинов Московских людей из городов дворяном и детем боярским, и иноземцом, и вдовам, и недорослям, и монастырем, чей хто ни будь, имати и отдавати за десять лет назад сентября с 150 году.

А в крестьянстве суд давати и крестьянства и крестьянских животов и владения искати вместе со крестьяны, а не врознь. А хто станет искать крестьянских животов и владения не вместе со крестьяны, и тем отказывати и суда не давати. А которые люди приезжали в деревни и детей боярских или людей их и крестьян побили до смерти, и в то ж время людей и крестьян вывозили, — и про смертное убивство и которые в то ж время, как убивство учинилось, людей и крестьян вывоз [или], сыскати вместе с тем же убивственным делом со 121 году. А сыскивати про те убивства всякими сыски накрепко, и будет до ково дойдет, и в том деле пытати. А которые люди людей и крестьян вывезли насильством, и про то сыскивати за пятнадцать лет, а беглых крестьян за десять лет.

А которые люди помесными и вотчинными землями и крестьяны и людьми завладели насильством, и которые, приезжая, били и грабили и жон и дочерей позорили и свозя к себе в чепи и в железех держали, а иные и записи на них и всякие крепости имали и вымучивали, и про то по государеву указу велено сыскивати. А в беглых крестьянех и хто землею и лесы и водами и всякими угодьи мимо своих дач завладели, и в том давати суд. А которые всяких чинов люди хто у ково насильством крестьян вывез, а про то сыщетца подлинно, крестьян отдати со всеми животы, да сверх тово крестьянсково владения за крестьянина в указные лета взяти на год по пяти рублев. А которые люди учнут крестьян искати беглых вывозными, а про то сыщетца, что те крестьяне не вывозные — беглые, и тот истец лишен крестьянина своиво и крестьянских животов и иску. На пашенных на всяких людей суд давати октября с 1-го числа апреля по 1 число для пашенного времяни; а апреля с 1-го числа октября по 1 число суда не давати.

А за нынешними за росправными и вперед за всякими за земскими за большими за спорными делами, в которых спорных делех в приказех бояре и судьи указ не учинят, указал государь тех спорных дел слушети бояром, как было наперед сего при иво государьской державе и как бывало при прежних государех. А которых самых больших дел бояре не вершат, и о тех делех указал государь докладывати себя государя.

На патреярших приказных людей, и на детей боярских, и на крестьян, и на всяких чинов людей, которые живут в патреярших в домовых вотчинах, суда на них при прежних государех и при государе царе и великом князе Михаиле Федоровиче всеа Русии ни в котором приказе не давывали, а судили их на Патреярше дворе, — и ныне быти потому ж, а судные дела патреярх слушеет и указывает. А на митрополитов, и на архиепискупов, и на монастыри, и на их детей боярских, и на монастырских слуг, и на крестьян во всяких делех суд давати безсрочно. А кресному целованию: с митрополиты, и с архиепискупы, и с монастыри, и с священники, и с причетники церковными в монастырских искех, где челобитье иноческому чину и причетников церковных, в том быти жеребью по преданию святых апостол и по правилу святых отец; а на митрополичьих и на архиепискуплих детей боярских, и на монастырских слуг, и на крестьян вера меж ими — кресное целование.

А которые дети боярские розных городов верстаны, и которые у розбору и в служилых спискех в какову службу обьявились и которые дети боярские, после отцов своих взяв отцовские поместья и вотчины, а иные поместья взяли братьи своей родные и двоюродные и дяди своих помесные ж и вотчинные земли, и не хотя государевы службы служити и покиня помесные и вотчинные земли, били челом во дворы к бояром и всяких чинов людем, и кабалы служилые на себя дали, и во дворех поженились на крепосных жонках и на девках, и тех детей боярских указал государь и бояре приговорили из боярских дворов взяти в службу и написать з городы. А которые дети боярские не верстаны и у розбору и в служилых спискех не обьявились, и помесных и вотчинных дач за ними нет, и тем детем боярским быти во дворех попрежнему, потому как в прошлом во 130-м году, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, бояре и окольничие в городех для государевы службы розбирали дворян и детей боярских, и в государевых наказех у бояр и у окольничих написано: велено дворяном и детем боярским всех городов у розбору сказать: которые дети боярские у разбору не объявятца, или которые дети боярские у розбору детей своих недорослей не объявят и в розборные книги не напишут, и тем вперед верстания не будет, и в службу не возьмут.

А которые дети боярские ис тех ис свободных воровством, не хотя государевы службы служити, учнут бити челом в-ыные в боярские дворы и всяких чинов людем, и тех детей боярских указал государь и бояре приговорили отдавати в холопи тем бояром и всяких чинов людем, у ково они наперед того в холопстве были. А впередь с нынешняго государева указу и з боярсково приговору детей боярских и всяких чинов людей, которые сами в государевых службах и в розных чинех, и детей их и братьи и племянников и внучат, которые в службе и не в службе, и тех всех бояром и всяких чинов людем в холопи принимати не велено. А кто мимо государева указу и боярсково приговору ково в холопи возмет, и те люди им в холопех не крепки.

А которые судьи и всякие приказные люди учнут судить и всякие дела делати не по правде, — по посулам и по дружбе, а хто учнет в их неправедном суде и в посулех государю бити челом, и государь укажет о том сыскивать своим государевым бояром, и те дела по иво государеву указу вершат. А будет которых дел боя-

ром вершити нельзя, и о том велел государть докладывати себя государя.

И будет сыщетца, что судья и приказные всякие люди в суде просудятца без хитрости, и в том деле суд з головы; а будет судьи и всякие приказные люди судили и всякие дела делали по мзде и по дружбе, а про то подлинно сыщетца, и на тех судьях и на приказных людех взяти проесть и волокита и исцов иск, да им же от государя быти в опале.

А хто посулы емлет, и на тех бити челом и извещати имянно. И будет сыщетца, и им от государя быти в опале ж и в большом наказание.

И по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу боярину Ивану Петровичю Шереметеву, да диоком Тимофею Агееву да Семену Софонову велеть в Володимерском в Судном Приказе сей государев указ и боярской приговор записать в книгу и судные дела судить и всякие росправные дела делати по сему государеву указу и боярскому приговору вправду безволокитно.

П. П. Смирнов. Челобитные дворян и детей боярских всех городов в 1-й пол. XVII в., Чт. о-ва ист. и др., 1915, кн. 3.

32.

1649. — Статьи о крестьянах из Соборного уложения ц. Алексея Михайловича.

Глава XI. — Суд о крестьянех. А в ней 34 статьи

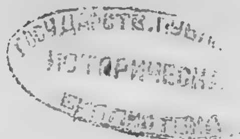
1. Которые государевы дворцовых сел и черных волостей крестьяне и бобыли, выбежав из государевых дворцовых сел и из черных волостей, живут за патриархом, или за митрополиты, и за архиепископы, и епископом, или за монастыри, или за бояры, или за окольничими и за думными, и за комнатными людьми и за стольники и за стряпчими и за дворяны московскими, и за дьяки, и за жильцы, и за городовыми дворяны, и детьми боярскими и за иноземцы и за всякими вотчинники и помещики, а в писцовых книгах, которыя книги писцы подали в Поместной и в иные приказы после московского пожару прошлаго 134 году, те беглые крестьяне, или отцы их написаны за государем: и тех государевых беглых крестьян и бобылей сыскивая, свозити в государевы дворцовыя села и в черныя волости, на старые их жеребьи, по писцовым книгам, с женами и с детьми и со всеми их крестьянскими животы без урочных лет.

2. Также будет кто вотчинники и помещики учнут государю бити челом о беглых своих крестьянех и о бобылях, и скажут, что их крестьяне и бобыли, выбежав из за них, живут в государевых в дворцовых селех, и в черных волостях, или на посадех в посадских людех, или в стрельцах, или в козаках, или в пушкарях, или в иных каких нибудь служилых людех в Замосковных и в Украйних городех, или за патриархом, или за митрополиты, или за архипескопы и епископы, или за монастыри, или за бояры, и за окольничими, и за думными и за комнатными людьми, и за стольники,

и за стряпчими, и за дворяны московскими, и за дьяки, и за жильцы, и за городовыми дворяны и детьми боярскими, и за иноземцы, и за всякими вотчинники и помещики: и тех крестьян и бобылей по суду и по сыску отдавати по писцовым книгам, которыя книги писцы в Поместный приказ отдали после московского пожару прошлаго 143 года, будет те их беглые крестьяне, или тех их беглых крестьян отцы, в тех писцовых книгах за ними написаны, или после тех писцовых книг те же крестьяне, или их дети по новым дачам написаны за кем в отдельных или в отказных книгах. А отдавати беглых крестьян и бобылей из бегов по писцовым книгам всяких чинов людем, без урочных лет.

3. А кому доведутся беглые крестьяне и бобыли по суду и по сыску отдати: и тех крестьян отдавати с женами и с детьми и со всеми их животы, и с хлебом стоячим и с молоченым. А владения за тех крестьян на прошлые годы до сего нынешняго уложения не указывати; и которые крестьяне, будучи в бегах, дочери свои девки, или сестры, или племянницы выдали за-муж за крестьян тех вотчинников и помещиков за кем они жили, или на сторону в иное село или в деревню: и того в вину не ставить и по тем девкам мужей их прежним вотчинником и помещиком не отдавать, потому, что о том по нынешний государев указ государевы заповеди не было, что ни кому за себя крестьян не принимати, а указаны были беглым крестьяном урочные годы, да и потому, что после писцов во многие годы вотчины и поместья за многими вотчинники и помещики переменилися.

Полное Собрание Законов, т. I.

За помощь в подборе материалов,
помещенных в приложении,
приношу благодарность И. И. Смирнову.

АВТОР.

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ ПРИ УКАЗАНИЯХ НА ИСТОЧНИК

А. А. Э., т. I, т. II. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук. Дополнены и изданы высочайше утвержденною комиссиею. 1294—1598 гг. СПБ. 1836; 1598—1613 гг. СПБ. 1836.

А. И., т. I. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. I, 1334—1598 гг. СПБ. 1841.

Д. А. И., т. I. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. I, СПБ. 1846.

А. Ю., Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства, изданы Археографическою комиссиею. СПБ. 1838.

А. Ю. Б., т. I, т. II, т. III. Акты, относящиеся до юридического быта древней России, изданы Археографическою комиссиею под редакциею члена комиссии Николая Калачева, т. I, СПБ. 1857, т. II, СПБ. 1864; т. III, СПБ. 1884.

Р. И. Б., т. XIV. Русская историческая библиотека, изд. Археографическою комиссиею, т. XIV. Акты Холмогорской и Устюжской епархии. СПБ. 1894.

С. Г. Г. и Д., ч. I. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной комиссии иностранных дел, часть первая, М. 1813.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Цена 1 р. 75 к.